

ЛЮДОВИК XIV

Эрик
Деюгин

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

Annotation

Людовик XIV, пережив в юности войны Фронды, стал убежденным сторонником абсолютной монархии и стремился сделать Францию самым могущественным государством Европы. Правители соседних стран ненавидели его, подозревали в стремлении к мировому господству, но подражали ему. Он превратил Версаль в блестящую королевскую резиденцию, которую копировали европейские государи. Король любил театр, покровительствовал Мольеру и Расину и сам выходил на сцену в балетах. К его услугам были первые красавицы государства, но в 45 лет он сам положил конец своим галантным похождениям, женившись на бывшей воспитательнице своих незаконнорожденных детей. Однако важнее женщин, охоты, театра была для него война. В молодости он безрассудно гарцевал на белом коне перед окопами, а позднее блестяще знал топографию мест сражений и отдавал точнейшие распоряжения ошеломленным генералам. Прожив 77 лет, он находился на престоле 72 года — дольше, чем какой-либо другой европейский монарх, пережил своих детей и внуков и передал престол правнуку, войдя в историю как Людовик Великий и «король-солнце».

- [Эрик Дешодт](#)
 - [Вадим Эрлихман](#)
 - [Чудо](#)
 - [Первая Фронда\[14\]](#)
 - [Вторая Фронда](#)
 - [Танцор](#)
 - [Война и любовь](#)
 - [Бракосочетание](#)
 - [Червоточина в яблоке: янсенизм](#)
 - [У кормила власти](#)
 - [Женщины](#)
 - [Могущество и слава](#)
 - [Рутинка и пропаганда](#)
 - [О войне](#)
 - [Собака и кошка: Кольбер и Лувуа](#)
 - [Прелюдии великолепия](#)
 - [Война, наконец-то!](#)

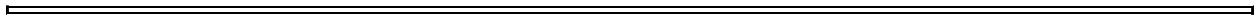
- [Ату батавов!\[94\]](#)
- [Превратности и апогей](#)
- [Отравления](#)
- [Присоединения](#)
- [Отмена Нантского эдикта](#)
- [Аугсбургская лига](#)
- [Увлечение мистицизмом и подрывной дух](#)
- [Роковое наследство](#)
- [Великая война](#)
- [630 тысяч погибших](#)
- [Уф!](#)
- [Прощание](#)
- [Хронология](#)
- [Библиография](#)
 - [Тексты Людовика XIV](#)
 - [Литература](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)

- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)

- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)

- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)

- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)

Эрик Дешодт
Людовик XIV

Вадим Эрлихман

Первый среди восемнадцати

Об истории Франции имеют представление даже те, кто ни с какой другой историей не знаком. Благодаря бесчисленным фильмам и романам всем памятливы ее герои, реальные и вымышленные: Карл Великий и Жанна д'Арк, Наполеон и Железная Маска, д'Артаньян и Людовики. Да, именно так — восемнадцать французских королей, носивших это имя (на старогерманском оно означает «славный битвами»), слились в массовом сознании в единый образ напыщенного и капризного деспота, который платит неблагодарностью верным мушкетерам, преследует бедняжку Анжелику и мучает цензурой гениального Мольера. Нетрудно заметить, что этот собирательный образ монарха списан с того Людовика, который по порядку был четырнадцатым, но в памяти потомков, безусловно, остался первым.

Почему? Ведь среди его предшественников были такие неординарные фигуры, как святой крестоносец Людовик IX или безжалостный созидатель государства Людовик XI. На их фоне Людовик XIV не выделяется ни умом, ни волей, разве что длительностью (72 года!) пребывания на троне. Франция при нем не знала ни благоденствия, ни мира. Несмотря на раздутый до невероятных размеров культ «короля-солнце», современники, не говоря уже о потомках, оценивали его личность и деяния весьма критически. И все-таки даже сегодня гостям французской столицы кажется, что Людовику XIV, как сказочному маркизу Карабасу, принадлежит здесь всё. При нем и благодаря ему возведены колоннада Лувра и Пале-Рояль, Дом инвалидов и грандиозный Версаль с его фонтанами, прудами и бесконечными идеально ровными аллеями. И вообще, какую сферу людской деятельности ни возьми, выяснится, что во Франции она расцвела и прогремела на всю Европу именно в правление Людовика XIV. Это и садово-парковый дизайн, и кулинария, и парикмахерское дело, и изготовление кружев, и выделка гобеленов. Мало кто из правителей может похвастаться поименованным в его честь стилем мебели, а у Людовика он есть («стили бывают разных Луёв», как говорил на этот счет герой «Бани» Маяковского).

В первую очередь мастера-искусники обслуживали двор и самого короля, неустанно строившего вокруг себя мир роскоши и пышных

церемоний. Поэт Никола Буало был прав, называя его «первым среди лицедеев». Многие, если не всё, что делал Людовик, совершалось напоказ, на публику, ради укрепления престижа власти. Этому служили и великолепные постройки, и торжества по любому поводу, и сложные ритуалы наподобие выноса королевского ночного горшка. Вряд ли Людовик так уж нуждался во всём этом — как и в том, чтобы каждый Страстной четверг, как того требовал обычай, мыть ноги двенадцати приведенным с улицы нищим. Такова была обязанность монарха, и «король-солнце» неукоснительно исполнял ее — вершитель власти и одновременно ее слуга. Да, он притеснял Мольера (по настоянию обиженных церковников), но одновременно восхищался им, чувствуя свое глубинное сродство с гениальным актером. Другой гений, Булгаков, при работе над биографией Мольера услышал эту тайную ноту королевской души — и перенес ее на свои отношения со Сталиным. Общее в самом деле есть: советский вождь лицедействовал не хуже французского короля, считая свой культ необходимым для престижа власти. В результате обоим удалось создать «большой стиль», вошедший в историю с их именами.

Однако игра Людовика явно выходила за пределы рожденного им стиля. Вся жизнь его двора превратилась в бесконечный блестящий карнавал. Знаменитая мемуаристка мадам Севинье вспоминает: король «всегда слушает какую-нибудь приятную музыку. Он беседует с дамами, которые привыкли к этой чести... Празднества сменяют друг друга каждый день и ночь». Европейские дипломаты поражались великолепию Версальского дворца, где тысячи зажженных свечей отражались в множестве зеркал среди позолоты, мрамора и дорогих тканей. На стол подавались кулинарные шедевры, изобретенные прославленным Франсуа Вателем, рекой лились вина и шампанское (не зря этот напиток был изобретен именно тогда). На платьях придворных дам «было столько драгоценностей и золота, что они едва могли ходить». Зато могли танцевать, ведь непременной частью праздников были танцы до упаду, в которых обычно участвовал и король. Кстати, прозвищем «король-солнце» Людовик обязан не блеску своих побед, а балу, на котором он еще в молодости танцевал в костюме бога солнца Аполлона.

Солнце льет лучи на всех, и монарх должен быть милостив ко всем своим подданным. Затвердив этот урок, Людовик искренне старался быть ближе к народу. Каждый день он гулял по аллеям парка, где каждый прилично одетый человек мог подойти к нему и изложить свою просьбу. Короля охраняла только пара сыщиков за ближайшим кустом — а ведь его дед Генрих IV погиб от кинжала убийцы! Те, кого в парк не пускали, могли

побеседовать с королем на еженедельной аудиенции во дворце. Во время одной такой встречи некая женщина, не получившая от властей положенной пенсии, осыпала Людовика бранью — ее высекли и отправили в сумасшедший дом. Потом король не раз спрашивал немногих близких ему людей, не слишком ли жестоко поступил он с этой несчастной. Его успокоили: святыню власти нужно оберегать от малейших посягательств. По той же причине вешали и бросали в тюрьмы сочинителей насмешливых стихов, которых в Париже всегда хватало. В этих виршах говорилось, к примеру, о том, что король пирует и развлекается, а его подданные тем временем мрут с голоду. Строго говоря, так оно и было, но Людовика такой подход наверняка оскорблял до глубины души. Разве он не заботится о благе французов, проводя три часа в день за беседой с министрами и еще два — за разбором прошений и жалоб? Остальное время можно было с чистой совестью уделить пирам, танцам, охоте и самому любимому своему занятию, которое как раз в то время аббат Поль Тальман романтически окрестил «ездой в остров любви».

Женолюбием Людовик не уступал деду, но тот влюблялся безоглядно, забывая и государственные дела, и семейные интересы. Внук поступал иначе, следуя пословице «делу время, потехе час». Он указывал: «Пусть дама, доставляющая нам удовольствие, не смеет говорить с нами ни о наших делах, ни о наших министрах». Попытка очередной любовницы вмешаться в политику или продвинуть своего родственника на должность при дворе вела к ее немедленной отставке. Впрочем, отставка ждала и тех, кто вел себя безупречно, — они просто надоедали непостоянному монарху. За свою долгую жизнь он сменил два десятка фавориток, не считая легких увлечений. Его невестка Елизавета Пфальцская вспоминала: «Для него годились все женщины — крестьянки, дочери садовников, горничные, знатные дамы, — лишь бы они делали вид, что очарованы им». Конечно, король не был заурядным ловеласом — он и в любви внедрял «большой стиль». Уволенные метрессы получали в подарок дворцы и бриллианты, а внебрачные дети — графские титулы.

«Большим стилем» для Людовика была и война. Франция при нем воевала чаще, чем при любом другом монархе, и он отлично понимал притягательность этой мужской забавы. Приближенные не пускали его на поле боя, и он утешался тем, что рисовал планы военных кампаний и эскизы формы для гвардейских полков (последнее выходило у него значительно лучше). К счастью, у него хватало ума доверять военное дело специалистам — как, впрочем, и другие отрасли, требующие профессионального подхода. В его правление ходила острога: «Король на

войне — это принц Конде, в финансовых делах — Кольбер, в дипломатии — де Лионн». Имелось в виду не только и не столько то, что Людовик доверял мнению перечисленных лиц, но и то, что их успехи обычно приписывались ему. После каждой победы французской армии, одержанной Конде или Тюренном, придворные сочинители од старались перещеголять друг друга в воспевании монарха. Потом уже не требовались и победы — ни одна книга не могла выйти в свет, если ее не открывали неумеренные славословия в адрес короля. Была создана даже специальная Академия надписей для его восхваления в стихах и прозе, в бронзе и мраморе.

Понятно, что Людовик с подозрением относился ко всем, чьи слава или власть могли хотя бы отдаленно приблизиться к его собственным. Начав самостоятельное правление удалением от двора матери, чересчур долго его опекавшей, он продолжил его расправой с сюринтендантом финансов Никола Фуке, причем до последней минуты вел себя с ним так дружески, что при аресте удивленный Фуке воскликнул: «А я-то думал, что ваше величество относится ко мне лучше, чем к кому-либо!» Он не знал того, что Людовик понял еще в детстве: у монарха нет друзей и врагов, есть только подданные, которых сегодня можно миловать, а завтра при необходимости казнить. Именно он первым сказал слова, ставшие неписаным правилом тиранов XX века: «Пусть меня не любят, лишь бы боялись».

А ведь король, купающийся в почестях, по натуре был человеком одиноким, ранимым, мнительным и остро нуждался в друзьях, преданных без лести. Таких друзей он не нашел ни в министрах, ни в любовницах, ни в жене, о которой в день ее смерти только и сказал: «Это единственная неприятность, которую она мне доставила». Подобные циничные шутки были для него защитой от жизни — точнее, от затянувшейся игры в «короля-солнце», великого и непогрешимого, которая в итоге надоела уже и ему самому. Одна из самых устойчивых легенд о Людовике гласит, что он многие годы держал в темнице брата-близнеца в железной маске, чтобы избежать его притязаний на трон. В каком-то смысле король сам был Железной Маской, заключенной в тюрьму — точнее, вертящейся в сумасшедшем беличьем колесе государственной машины, с которой он себя отождествил.

Людовик никогда не произносил фразы, за которую его больше всего ругают: «Государство — это я». Зато он сказал прямо противоположное — сказал на смертном одре, когда лукавить не было уже ни сил, ни смысла: «Я ухожу, но государство будет жить вечно». Созданный им абсолютистский

режим рухнул через семь десятилетий: потомки короля, как и вся Франция, не вынесли тяжести его наследия. Но для потомков — удивительное дело! — эта чугунная тяжесть обернулась легкостью марлезонских балетов, мушкетерских поединков и любовных приключений, с которыми в нашей памяти неразрывно связана эпоха четырнадцатого из Людовиков.

Вадим Эрлихман

Чудо

Тридцать третий король Франции, начиная с Гуго Капета^[1] (включая Генриха VI Английского, коронованного в качестве французского монарха в 1431 году, но потерпевшего поражение в Столетней войне), Людовик XIV, именуемый Великим, родился 5 сентября 1638 года в Шато-Нёф^[2] в Сен-Жермен-ан-Лэ, в «опочивальне короля», украшенной творениями Симона Вуэ. Стояла удушающая жара.

Этого уже не чаяли дожидаться. Родители новорожденного, Людовик XIII и Анна Австрийская, были женаты уже 22 года! Между ними не было страстной любви. В течение первых четырех лет король даже не приближался к своей супруге... Затем четыре беременности окончились выкидышами. В 37 лет она уже не была молода, а король, ее ровесник, не мог похвастаться крепким здоровьем. А потому беременность королевы стала предметом столь же радостного, сколь и тревожного ожидания, ибо, согласно салическому закону^[3], корона наследовалась по мужской линии. В случае отсутствия наследника мужского пола трон переходил к брату короля Гастону Орлеанскому^[4], чьи легкомыслие, безволие и склонность к изменам были всем слишком хорошо известны.

В те времена король был всем. Власть Гастона Орлеанского означала бы порок на троне. Нужно было, чтобы родился мальчик!

А посему в рождении дофина^[5] все увидели чудо. У колыбели сына Людовик XIII сказал послу Венеции: «Вот чудо Божественной благодати, ибо как иначе назвать рождение такого прекрасного младенца после двадцати двух лет моего брака и четырех неудачных беременностей моей супруги?»

Вся Франция огласилась благодарственными молебнами. Новорожденного тотчас же назвали Людовиком Богоданным. Два года спустя родился второй мальчик, Филипп, герцог Анжуйский, будущий Месье^[6] — менее опасный для своего брата, чем был их дядя Гастон для их отца.

Чудо? В наши дни это слово может показаться неуместным, но не в XVII веке с его непостижимой для современного человека религиозностью. Европа была тогда охвачена самым пылким христианским благочестием. Людовик XIII, будучи сам очень набожным, дал обет передать Францию

под особое покровительство Пречистой Девы, если у него родится наследник. А монархические настроения были в ту пору как никогда сильны и можно было не опасаться республиканской заразы, исходившей от Швейцарской Конфедерации, голландских Соединенных провинций и Венеции.

Людовик XIV был красивым ребенком, крепким, подвижным и приветливым. Он обожал свою мать. Похоже, его отец был единственным, кто на него жаловался, но Людовик XIII жаловался постоянно. Он, в частности, говорил Ришелье, своему всесильному министру: «Я очень недоволен своим сыном: едва увидев меня, он кричит так, словно перед ним дьявол... Но ему суждено недолго меня видеть».

Людовик XIII умер 14 мая 1643 года, сорока двух лет от роду, через три недели после крещения старшего сына, которому было четыре года и восемь месяцев. Крестной матерью была принцесса де Конде^[7], крестным отцом — Мазарини.

«Как вас теперь зовут?» — якобы спросил король после совершения обряда крещения. — «Людовик XIV, папочка». — «Пока еще нет, сын мой, но, возможно, скоро». Так оно и случилось спустя всего лишь 21 день.

Король должен был быть объявлен совершеннолетним в 13 лет. Начинался период регентства. Регентшей становилась королева, но, принимая во внимание ее испанский патриотизм, не раз побуждавший ее плести заговоры против Франции, Людовик XIII постарался ограничить ее свободу действий. Для этого он одновременно назначил своего брата Гастона генеральным наместником королевства и добавил к этой странной упряжке совет, каковой (и это еще очень мягко сказано) превращал ее власть в ничто. Естественно, завещание было признано недействительным, и Анна Австрийская смогла полностью пользоваться своими правами.

К всеобщему удивлению, она выбрала себе в советники крестного отца своего сына итальянца Джулио Мазарини, ставленника Ришелье и к тому же человека незнатного происхождения. Выбор сей кажется тем более удивительным, что, умирая, Ришелье, ее злейший враг, рекомендовал его королеве в качестве своего преемника.

Превращение Анны Австрийской из испанской принцессы, душой и телом преданной Мадриду, в подлинно французскую королеву, выбирающую в качестве преемника первого министра, коего она ненавидела в течение двадцати лет, его ставленника да еще и по рекомендации этого внушавшего ей отвращение человека, удивило Европу. Вероятно, не последнюю роль тут сыграло материнское чувство: ведь ее

сын был королем Франции, а не Кастилии или Арагона.

Вскоре все заметили, что между королевой и итальянцем возникли весьма близкие отношения, позволявшие предположить, что их связывают любовные узы, а может быть, и тайный брак, ибо, хотя Мазарини и был кардиналом, он не являлся священником^[8] и мог вступить в брак, равно как и Анна, которая была вдовой. Доказательств этому так никогда и не было найдено, но любители сплетен упорствуют в своих подозрениях. Что касается Людовика, то, несмотря на его нетерпеливое желание править самостоятельно, возникшее у него уже в отрочестве, он всегда выказывал своему крестному отцу не только величайшее уважение, но и привязанность, каковая была всеми замечена и сочтена чрезмерной.

Об отце у Людовика сохранились лишь смутные воспоминания, зато Анна Австрийская оказывала на сына решающее влияние в двух, причем весьма значимых, сферах: политической и религиозной.

До семи лет Людовик рос в окружении женщин. Он запросто играл с дочерью горничной своей матери. Малышка изображала королеву, а он прислуживал ей то в качестве пажа, то в качестве лакея. Узнав об этом, мать запретила ему изображать слуг и нашла ему более подходящих приятелей: сына герцога де Куалена, юного Вивонна, сына маркиза де Мор-темара и других отпрысков благородных семей...

Король серьезен, терпелив, сдержан, и у него доброе сердце. Его находят немного медлительным. Впоследствии скажут, что он, будто насадка, высиживал свою власть. Его брат, герцог Анжуйский, отличается более живым нравом, и они часто ссорятся.

В Лувре они живут вместе в одной крохотной комнате. Утром, проснувшись, Людовик обычно начинает плевать, чтобы очистить рот, ибо в 1640-х годах зубы не чистили. По случайности один плевок попадает на постель Филиппа, каковой немедленно отвечает тем же. Тогда Людовик мочится на постель брата. Филипп отвечает ему такой же любезностью. Исчерпав запасы слюны и мочи, они переходят к драке, и тогда их приходится разнимать.

Людовик рано начинает выказывать склонность к властвованию.

Как-то раз мать, видя, что он надулся, сказала ему: «Как это некрасиво, когда король дуется и не говорит ни слова», — и услышала в ответ: «Настанет день, когда я буду говорить так громко, что заставлю себя слышать».

Но королева не дает сыну спуска и однажды в ответ на его дерзость говорит: «Я должна вам напомнить, что у вас власти нет, а у меня есть. А вас, похоже, слишком давно не пороли. И я хочу показать вам, что в Амьене

можно выпороть точно так же, как и в Париже».

Говорят, что образованием его почти не занимались и что он ничего не знал. Это не так. Ему было пять с половиной лет, когда в мае 1644 года аббат Ардуэн де Бомон де Перефикс, будущий архиепископ Парижский, был назначен его воспитателем. Ардуэн был слабого здоровья и мог лишь внушать своему ученику, что тому надлежит проявлять непреклонную твердость и взять в собственные руки кормило управления государством. Но этого было явно недостаточно, и будущий архиепископ не мог справиться с подопечным.

Так как король не выказывал ни малейшего усердия в учении, королева, как всегда, призвала на помощь Мазарини, добавив к его многочисленным титулам звание сюринтенданта (министра) по воспитанию и наставлению короля и Месье герцога Анжуйского. Но кардинал был не в состоянии заниматься всем.

Так прошли еще четыре года, и в 1652 году на помощь был призван уже являвшийся воспитателем Филиппа де ла Мот ле Вайе^[9], чьи педагогические таланты и известность позволяли надеяться на чудо...

Вскоре стало ясно, что учение Людовику XIV не по душе. Ему нравилось быть на свежем воздухе. Умственным занятиям он предпочитал физические; он был в восторге от танцев, игры в мяч, охоты, воинственных игр и военных упражнений, так что к концу отроческого возраста стал настоящим атлетом. Но при этом он нимало не гордился своим невежеством. Напротив, он всю жизнь испытывал чувство некоторой неполноценности по сравнению с просвещенными умами, в чем, впрочем, признавался с искренним простодушием, каковое было одной из привлекательных черт его характера.

Но хотя Людовику и не хватало прилежания, он не остался невеждой. Юный король не без удовольствия занимался латынью. В 13 лет он мог свободно переводить главы из «Записок о галльской войне» Цезаря, посвященные войне со швейцарцами^[10]. Людовик любил историю.

Все государи в ту пору занимались танцами и играли хотя бы на одном музыкальном инструменте, чаще всего на лютне, считавшейся самым изысканным из струнных инструментов. Анна усердно упражнялась в игре на лютне, а Людовик XIII делал это виртуозно.

В 1647 году, девяти лет от роду, Людовик начал обучаться игре на лютне под руководством Жермена Пинеля. Он не сопротивлялся, занимался добросовестно, но без энтузиазма. Вероятно, он уже тогда предпочитал гитару, инструмент арабского происхождения, сначала ставший очень

популярным по ту сторону Пиренеев, затем появившийся в Неаполе и очень быстро превратившийся в излюбленный инструмент бродячих артистов, прибывавших в большом количестве из Италии следом за Мазарини, который, быть может, под впечатлением барочного Рима папы Урбана VIII пожелал превратить Париж в новый Рим.

Людовик играет на гитаре с самого раннего детства, как говорят, с двух лет. Каждую неделю знаменитый Тиберิโอ Фьорелли^[11], придумавший персонажа Скарамуша, отправляется в Лувр. «Он приходил со своей собачкой, своей кошечкой, своей обезьянкой, своим попугаем и, конечно, со своей гитарой. Он сажал маленького короля к себе на колени и подкидывал его». Говорят, что однажды Людовик так смеялся, что обмочился.

Проходит два года. Наступает год 1650-й. Людовику 12 лет, и он заявляет, что хочет играть на гитаре. Это вызывает возмущение щеголей, которым гитара, не в пример сладостной и меланхоличной лютне, кажется пригодной лишь для того, чтобы сопровождать топот мужланов в притонах Андалусии и Кампании^[12]. Но ведь Людовик — король, мнение щеголей для него ничего не значит.

Ему нанимают в учителя уроженца Кадиса^[13], происхождение коего скрывает вполне французское имя Бернар Журден де ла Саль. Тремя годами позже Людовик потребует лучшего, и Мазарини выпишет для него из Мантуи знаменитого виртуоза того времени Франческо Корбетту, который напишет для своего ученика трактат под названием «Королевская гитара». По словам придворной дамы королевы, мадам де Мотвиль, Людовик каждый день сам себе устраивал концерты.

Он был, как и большинство августейших отпрысков, огражден от внешнего мира, а тем временем королевству грозили и внешние, и внутренние потрясения.

Первая Фронда^[14]

Тридцатилетняя война католиков против протестантов, начавшаяся в 1618 году, по-прежнему опустошает Германию и требует всё больше денег. Почему? Католиков сумел повести за собой император Священной Римской империи германской нации Фердинанд II Габсбург. Одержав тот победу, и она поставила бы на колени Францию, как и победа Карла V веком ранее, если бы ему удалось взять верх над Франциском I.

Ослабление могущества Австрийского дома — такова была главная цель Ришелье — требовало победы над империей. Спасение нации было важнее религиозных соображений, а потому Ришелье, невзирая на то, что сам был римским кардиналом, поддержал врагов папы с полного одобрения Христианнейшего короля Людовика XIII. Мазарини, являвшийся, как и Ришелье, князем Церкви, пошел тем же путем.

Вплоть до 1635 года Франция ограничивалась тем, что поддерживала деньгами врагов империи, главным из которых была Швеция Густава II Адольфа. Шведский король, талантливый полководец, регулярно наголову разбивал противостоявших ему австрийцев и немцев. Но 16 ноября 1632 года он был убит в сражении при Лютцене, успев, однако, разбить Валленштейна, являвшегося последней надеждой Фердинанда.

Смерть Густава Адольфа была спасением для императора, которому снова удалось взять верх. Протестанты, оказавшиеся в очень затруднительном положении, подписали с ним ряд договоров, предоставив, таким образом, Франции в одиночку бороться с империей. Людовик XIII объявил войну своему шурина Филиппу IV Испанскому, ибо Испания, расположенная ближе всего к границам Франции, являлась главной опорой и союзником империи.

Начало кампании было катастрофическим. В 1636 году испанцы перешли границу на севере и захватили Корби. Их разведчики подошли к Парижу, и Ришелье, зная, какую он внушает ненависть, стал, тем не менее, появляться на улицах, чтобы не допустить паники и укрепить мужество французов. Однако испанцы не пошли дальше. Почему? Ответа на этот вопрос нет и поныне.

Лишь семь лет спустя, 19 мая 1643 года, через пять лет после смерти Людовика XIII, победа, одержанная при Рокруа в Арденнах герцогом Энгиенским, кузеном Людовика XIV и будущим принцем де Конде,

положила конец испанской угрозе.

Но страна обескровлена налогами, ведущими к стремительному росту инфляции. Порочная фискальная система имеет следствием фантастическое увеличение расходов. Бюджетные траты государства, составлявшие в 1630 году около 40 миллионов ливров, в 1634 году достигают 120 миллионов, а в 1635-м подскакивают до 208 миллионов. Из-за всеобщей нищеты растет число бунтов, направленных против налоговой политики, именуемых «волнениями».

В 1635 году они охватывают Гиень, Перигор, Пуату, Лимузен, Мэн, Овернь. В 1640-х годах из-за плохого урожая «волнения» распространяются на Нормандию, Анжу, Гиень, Лангедок, Руэрг, Прованс, Дофине.

В эти возмущения вовлечены все классы, от сеньоров до крестьян. В ту пору говорили: «Король ничего не знает» — и возлагали вину на всех, кто так или иначе был связан со сборщиками налогов. А что, собственно, знал король? Ему шел двенадцатый год.

Вина возлагается на королеву, а еще более — на Мазарини, которого вскоре станут ненавидеть еще сильнее, чем некогда Ришелье. Страну охватывает страстное желание мира, а победа при Рокруа позволяет надеяться, что мир этот не за горами. Однако начавшиеся в 1644 году в Мюнстере и Оснабрюке переговоры затягиваются, а военные действия продолжаются.

Финансовая пропасть всё углубляется, появляются всё новые налоги. Отчаяние охватывает все слои населения. Первый президент парижского парламентах^[15] Матьё Моле официально выступает против истощающей Францию нескончаемой войны.

Намечается конфликт между королевской властью и теми, кто занимает промежуточное положение, а именно королевскими оффисье^[16], которые являются собственниками наследственных, а точнее, покупаемых у государства должностей. Со времен Генриха IV (1594–1610) эти должности облагаются налогом, называемым полеттой — по имени его изобретателя финансиста Поле, — который выплачивается раз в девять лет и гарантирует передачу должности наследникам.

Текущий договор полетты истекает 31 декабря 1647 года, в последний день того года, когда Людовик XIV стал играть на лютне. Мазарини, дабы хоть с этой стороны не испытывать беспокойства, следовало бы оный договор возобновить. Но он медлит.

Уже в январе 1648 года появляются первые признаки гражданской

войны, причины коей кроются в войне внешней. Она продлится пять лет и принесет неисчислимые бедствия. Смута эта, начавшаяся, когда Людовику было девять лет, оставит в его душе неизгладимый след и неискоренимую ненависть к любым распрям.

С 7 по 9 января 1648 года несколько сотен торговцев с улиц Сен-Дени и Сен-Мартен протестуют перед Дворцом правосудия против эдикта, согласно которому здания, построенные на территории королевского домена без разрешения, облагаются налогом. Опасаясь расправы, президент парламента укрывается в часовне Сент-Шапель на острове Сите.

В субботу 11-го направляющуюся на богослужение в собор Парижской Богоматери королеву осаждает толпа из двухсот женщин и с воплями следует за ней до собора. В ночь с 11-го на 12-е на улице раздаются выстрелы. 12-го излечившийся от оспы Людовик должен идти в собор, дабы возблагодарить Господа за выздоровление. Вид сопровождающего его внушительного отряда телохранителя лишь усугубляет недовольство толпы.

В последующие дни то тут, то там вспыхивают волнения.

Одиннадцатого января торжественное заседание парламента, на котором Людовик утверждает вызвавший недовольство эдикт, проходит весьма бурно. Девятилетний король убеждается в существовании шумной оппозиции. На следующий день парламент отменяет этот зарегистрированный под давлением эдикт.

Волнения на несколько недель стихают, но лишь до того момента, пока Мазарини не начинает подливать масла в огонь.

В апреле, после трехмесячного раздумья, Мазарини решает, наконец, возобновить полетту и якобы для пополнения государственной казны сокращает почти на 50 процентов доходы всех королевских оффисье, за исключением парламентских, ибо, опасаясь их противодействия, желает привлечь их на свою сторону. Но эта хитрость шита белыми нитками и лишь подталкивает всех оффисье к своего рода священному союзу. Протест становится всё более решительным.

Шестнадцатого мая «постановлением союза» члены парламента объединяются с обобранными оффисье, а Мазарини предлагает избрать депутатов, чтобы во Дворце правосудия, в палате Людовика Святого обсудить с ними вопрос «реформирования государства».

Шестнадцатого июня в Пале-Рояле^[17] канцлер сообщает членам парламента об отмене их решения и приказывает им более не вмешиваться в дела государства.

В тот же день поддержанные парижанами члены парламента

утверждают «постановление союза» и собираются в палате Людовика Святого.

Тридцатого июня Анна Австрийская, будучи не в состоянии сопротивляться, скрепя сердце делает вид, что соглашается с решением членов парламента.

С 30 июня по 9 июля ими подготовлены 27 статей хартии, в соответствии с каковыми создается власть, противостоящая королевской и парализующая деятельность последней.

Регентша и кардинал не в силах противостоять им. Армия стоит на границах, чтобы сдерживать продвижение испанцев. Но даже не будь она занята, ничто не могло бы гарантировать ее покорности, ибо ее командиры ненадежны. Такой принц крови, как Конде, такой иностранный принц, как Тюренн^[18], их генералы — все они являются теми самыми феодалами, в противоборстве с коими создавалась монархия, начиная с Гуго Капета и включая Ришелье. Король должен сдерживать их претензии и одновременно добиваться их поддержки. В те времена бесконечных войн при отсутствии средств массового уничтожения, которые сводят на нет значение воинской доблести, человеческий фактор играет решающую роль, ибо ничто не может заменить великого полководца. И так будет на протяжении всего царствования: с теми же солдатами Вильруа неизменно терпит поражение, а герцог Вандомский всегда остается победителем. Верность же Месье принца — победителя при Рокруа, первейшего полководца в Европе — отнюдь не гарантирована. Он подозрителен, высокомерен, алчен, очень импульсивен, порой непредсказуем. Вывести его из себя может любой пустяк, и в таком состоянии он способен на всё.

Мазарини делает вид, что принимает диктат «мантий» — так называют членов парламента, ибо свои обязанности они отправляют в мантиях.

Тридцать первого июля Анна Австрийская в присутствии короля вновь проводит торжественное заседание, в ходе которого требования парламента становятся ордонансами^[19], что в корне противоречит решению, принятому на заседании 16 января. «Мантии» торжествуют, ибо видят в этом уничтожение королевской власти.

Но три недели спустя, 21 августа, действия Месье принца, ставшего Великим Конде, полностью меняют расклад сил. При Лансе, в Па-де-Кале, он разбивает испанцев, как и четырьмя годами ранее при Рокруа. Север страны освобожден, и армия может теперь двинуться в Париж, дабы навести там порядок.

Людовик, которому вскоре исполнится десять лет, замечает, быть может, по чьей-то подсказке: «Этим господам в парламенте сие точно придется не по вкусу».

Но Анна Австрийская и Мазарини слишком торопятся действовать. Воспользовавшись торжественным богослужением, состоявшимся в соборе Парижской Богоматери в честь этой победы, они приказывают арестовать в парламенте зачинщиков, в том числе и почтенного советника Брусселя, семидесяти пяти лет от роду^[20], который по тем временам считался уже глубоким стариком.

Суровая добродетель Брусселя, неумолимого и неподкупного обличителя злоупотреблений, сделала его народным кумиром. Слова, адресованные им своим коллегам, предельно ясны: «Да, господа, бывают ситуации, когда неповиновение государям оказывается лучшим способом служить им». Этот софизм вызывает бурный восторг присутствующих.

На следующий день Париж покрывается баррикадами. Анна, вне себя от ярости, вынуждена всё же освободить Брусселя, которого она хотела бы «задушить собственными руками», как пишет, на сей раз ничего не выдумывая, Дюма в «Трех мушкетерах». Но регентша не признает себя побежденной.

Двенадцатого сентября, чтобы не подвергаться риску оказаться в заложниках у мятежников, она уезжает в Рюэль вместе с Мазарини, королем и его братом и приказывает идти на Париж четырем тысячам наемников Конде, первыми прибывших в Иль-де-Франс.

Париж напуган, но не сдается: народ вновь берется за оружие. Конде понимает, что четырех тысяч солдат недостаточно для того, чтобы овладеть Парижем. Кипя от возмущения, Анна всё же решает пойти на уступки, чтобы выиграть время.

Двадцать второго октября, уязвленная до глубины души, она соглашается придать силу закона утвержденным в палате Людовика Святого статьям, ставящим монархию под контроль парламента. Подписание 24 октября в Мюнстере и Оснабрюке Вестфальского мира остается почти незамеченным, так как всех прежде всего волнует положение внутри страны.

А между тем событие это имеет огромное значение. Император выходит из игры и фактически лишается какого бы то ни было влияния в Германии. Австрийский дом теряет прежнее могущество, а Испания, оставшись одна, не представляет для Франции серьезной угрозы.

Анне и Мазарини нужно выиграть время, чтобы упрочить свои позиции. Конде приводит к Парижу часть Фландрской армии. Его войска

занимают позиции вокруг города. Анна во второй раз бежит вместе с детьми из Парижа. В морозную ночь с 5 на 6 января, после праздника Богоявления, она прибывает в Сен-Жермен. Ледяной холод царит в Ша-то-Вьё, где они останавливаются; кое-где в окнах нет стекол. Прежде всего они отдают в заклад королевские бриллианты, чтобы обеспечить себя всем необходимым. Следующая задача — заставить Париж голодать.

Восьмого января парламент, подстрекаемый Брюсселем, «от имени короля» требует изгнания Мазарини и дает ему неделю, чтобы покинуть страну. Тем временем Конде, имеющий теперь в своем распоряжении 12 тысяч человек, опустошает окрестности и блокирует все выходы из столицы.

В городе начинается голод. Да и зима в этом году на редкость суровая, Сена покрыта льдом. Винсент де Поль ^[21] тщетно умоляет королеву пропустить в город обоз с зерном для осажденных.

В Париже царит раздор: буржуа опасаются разорения, парламентарии хотели бы сохранить то, что имеют, знатные сеньоры — получить всё что можно, а народ всё еще верит краснобайству безответственных подстрекателей. «Вожди», среди которых двое из рода Ла Тур д'Овернь (старший — герцог де Буйон, а младший — виконт де Тюренн), а также епископ Гонди, будущий кардинал де Рец ^[22], уповают лишь на помощь Испанской армии во Фландрии, которая, возможно, смогла бы прорвать осаду Парижа. Сам Тюренн присоединяется к Фронде вместе с Германской армией... Мазарини, коему иногда изменяет его удивительная ловкость, вывел его из себя обманчивыми посулами.

Умеренные считают, что всё потеряно: разбитая Испания пойдет на мировую, а «вожди» приведут королевство к анархии. И Анна решается на некоторые уступки.

Одиннадцатого марта Матьё Моле от имени парламента, а Мазарини от имени регентши подписывают мирное соглашение.

А 17-го — неожиданный поворот событий. В Париже становится известно, что значительная часть Германской армии была подкуплена банкиром Мазарини за миллион 500 тысяч ливров и что Тюренн, лишившись войска, бежал в Голландию.

Первого апреля парламент зарегистрировал Рюэльский мир, ставший отныне Сен-Жерменским.

Королева может вздохнуть с облегчением. Но на самом деле она добилась всего лишь передышки: бунтовщики не наказаны, «республиканские» решения палаты Людовика Святого остаются в силе, а

ответственным за все беды королевства считают Мазарини. И, наконец, Конде, ее главная опора, по-прежнему столь же требователен, сколь и своенравен.

Восемнадцатого августа 1649 года Людовик возвращается в Париж. Ему оказан триумфальный прием. Приветствуют даже Мазарини! 5 сентября по случаю одиннадцатилетия короля в Ратуше устроен бал. А Конде тем временем становится совершенно невыносимым, требуя исключительных милостей для своих друзей и права предварительно высказывать свое мнение относительно любых назначений. Анна Австрийская и Мазарини ни в чем ему не отказывают, надеясь, что в конечном счете он зайдет в своих претензиях так далеко, что вызовет всеобщее яростное возмущение. Расчет оказался точным. Та капля воды, которая, как говорит маркиза де Севинье, «переполняет стакан», не замедлит в оный излиться. Он просит удовлетворить давнюю просьбу своего друга принца де Марсийака^[23]: даровать «право табурета» (право сидеть в присутствии королевы) его жене и право въезжать в Лувр в карете...

Некоторые скажут, что это мелочи. Вовсе нет: «право табурета» и карета в Лувре даруются только принцам, герцогам и пэрам. А Марсийак, который прославится под именем Ларошфуко благодаря своим несравненным «Максимумам», в ту пору не был еще ни герцогом, ни пэром.

Этот демарш Конде тотчас же вызывает возмущение и принцев, и герцогов, и пэров, и менее знатных дворян, одним словом, всего дворянского сословия. Принцы, герцоги и пэры хотят сохранять свое особое положение, а прочие считают, что будут унижены в случае создания промежуточного ранга между ними и верхушкой сословия, к которому они принадлежат. Монархия не может настраивать против себя всё свое дворянство. Конде соглашается с этим и отказывается поддерживать требования своего друга.

Беспримерная глупость, совершённая Месье принцем после отказа от вышеупомянутых требований, окончательно его погубила. Он надоумил одного своего безмозглого друга, считавшего себя неотразимым, начать ухаживать за королевой. Но Анна Австрийская быстро поставила его на место, сделав всеобщим посмешищем своими шутками.

Восемнадцатого января 1650 года Конде, его брат Конти и зять герцог де Лонгвиль были арестованы в Пале-Рояле и препровождены в Венсенский замок^[24]. «Прекрасно расставленная западня, — считает

Месье, — в одну сеть попали лев, обезьяна и лиса». Народ ликует. И всё начинается сначала. За парламентской Фрондой следует Фронда принцев.

Вторая Фронда

«Вожди» Фронды не могут допустить, чтобы эти трое, коим отведена главная роль, были выведены из игры. Ларошфуко бежит в Нормандию вместе с герцогиней де Лонгвиль, а Тюренн уходит в Стене вместе с преданными Конде войсками.

Нормандия — провинция обширная. Лонгвиль был ее губернатором и пользовался у жителей любовью и уважением. Как заставить нормандцев встать на сторону монархии? И тогда на сцену выходит Людовик. Когда всё идет плохо, нет более верного средства, как показать короля. По мнению Мишле, чьи взгляды являются скорее республиканскими, «ни один народ никогда так не любил своих королей, как французский народ». Людовику 13 лет, и он еще не успел сделать как ничего хорошего, так и ничего дурного. И нормандцы смягчаются.

Но, увы, Нормандия — это отнюдь не вся Франция. Из Оверни мятежники, возглавляемые Буйоном и Ларошфуко, направляются в Аквитанию, жители которой ненавидят своего губернатора герцога д'Эпернона. А потому в Бордо их встречают с распростертыми объятиями.

На севере Тюренн покидает Стене, присоединяется к эрцгерцогу Леопольду Вильгельму^[25], захватывает крепость Кателе и осаждает город Гиз...

Вновь приходится показать Людовика, причем к его великому удовольствию, так как ему нравится появляться на публике. И этот вкус к театральности он сохранит на всю жизнь.

Четвертого июля вместе с королевой, своим братом и Мазарини он выезжает в Гиень. 5 сентября атакован Бордо, но город, сопротивление которого рассчитывали без труда сломить, не сдается. А тем временем в окрестностях созревает виноград, и необходимость собирать урожай берет верх над мятежным духом. Бордо смиряется. Все зачинщики прощены, за исключением Конде — он остается в тюрьме вместе с Конти и Лонгвилем.

Впрочем, заточение оказывается для него большой удачей. Невыносимый на свободе, во время пребывания в тюрьме он становится средоточием всех надежд. «Лучше Конде, чем Мазарини», — раздается со всех сторон. «Он дважды спасал Францию, при Рокруа и при Лансе», — то вздыхают, то вопят всё увеличивающиеся толпы недовольных. Его супруга Клеманс де Майе-Брезе, бесстрашная амазонка, участвовавшая в походе на

Бордо, бьется за его освобождение. Она обращается в парламент, и парламент находит возможным принять ее прошение к рассмотрению.

Двадцатого января 1651 года верный Матё Моле приходит к Анне Австрийской с целой делегацией, дабы просить об освобождении принцев. После ухода просителей присутствовавший при аудиенции Людовик возмущенно восклицает: «Матушка, если бы я не боялся рассердить вас, я бы тотчас приказал замолчать президенту и выставил бы его вон!»

Неумолимым тюремщиком объявлен Мазарини. «Долой Мазарини!» — всё громче, кстати и некстати, кричат парижане. Столица буквально затоплена непристойнейшими памфлетами, где кардинал объявляется любовником королевы. «Люди, нет никаких сомнений, это точно, он е...л ее». Не столь отважный, как Анна Австрийская, и к тому же более тонкий политик, кардинал, чья жизнь действительно находится в опасности, решается на бегство, уже третье после Рюэля и Сен-Жермена.

Шестого февраля, переодевшись кавалеристом, что наверняка напоминает ему военную молодость (ибо далеко не всегда он спасался бегством), кардинал покидает ночью Пале-Рояль и уже во второй раз прибывает в Сен-Жермен. Королева и король должны там присоединиться к нему. Но об этом замысле становится известно. Народ приходит в волнение: он не желает отпускать своего короля. Все подняты по тревоге, у всех парижских застав выставлены дозоры, дабы не позволить королю выехать из Пале-Рояля. И следить за этим должен капитан швейцарской лейб-гвардии, Месье, дядюшка Гастон, герцог Орлеанский, самый ненадежный человек во Франции.

Людовик уже полностью одет, но королева приказывает ему лечь в постель и притвориться спящим. Капитан со свечой подходит к постели и видит, что король спит. Он выходит и сообщает об этом толпе, окружающей дворец. Толпа не верит ни единому слову и приходит в еще большее волнение. Чтобы избежать худшего, толпу впускают во дворец. Она проходит мимо притворяющегося спящим Людовика, который никогда не забудет этого унижения.

На следующий день королева подписывает указ об освобождении принцев. Конде, Конти и Лонгвиль триумфально возвращаются в Париж.

Семнадцатого февраля парламент начинает процесс, дабы заочно судить Мазарини, в то время как дворянство, собравшись на Генеральную ассамблею, пытается превратить существующий режим в некую ограниченную монархию, где оно обладало бы всей полнотой власти, а король — никакой. Дворянство требует созыва Генеральных штатов^[26], что вызывает возмущение парламента, желающего единолично представлять

нацию.

Мазарини, находящийся в Брюле, в Германии, у архиепископа-курфюрста Кёльнского, ведет постоянную зашифрованную переписку с Анной Австрийской. Как вернуть себе власть? — ее главная тема; однако кардинал не забывает о своем крестнике и дает многочисленные советы относительно его воспитания.

После изгнания Мазарини Париж оказывается в руках Конде, и, стало быть, того надо сокрушить в первую очередь. Он намеренно держит себя вызывающе по отношению к Анне Австрийской. 31 июля, проезжая вместе с герцогом де Немуром по Кур-ла-Рэн и встретив карету короля, он не останавливается, что является неслыханной дерзостью. Людовик в ту пору не нравится Конде: он считает короля вялым и глупым. Придет день, когда он вынужден будет признать, что заблуждался.

Тринадцатилетний Людовик выглядит неуклюжим и медлительным, но он всё видит и мало-помалу набирается знаний. А время от времени он даже выказывает неожиданную прозорливость. Так, в это самое лето, когда герцог Орлеанский, выйдя от королевы, проходит через покои Людовика, тот внезапно обращается к нему: «Дорогой дядюшка, вам следует объявить, кого вы намерены поддерживать, меня или Месье принца».

Гастон пылко уверяет, что он душой и телом предан королю. Людовик продолжает: «Дорогой дядюшка, коль скоро вы утверждаете, что полностью находитесь на моей стороне, то сделайте так, чтобы у меня не было оснований в этом сомневаться».

Одним словом, Людовик взрослеет и обретает твердость духа. «Когда я стану господином, я буду ходить туда, куда хочу, и это не за горами!» — говорит он как-то матери, которая запрещает ему верховые прогулки с его кузиной Монпансье, а особенно с одной из своих придворных дам, мадам де Фронтенак, чье вкрадчивое обаяние она считает небезопасным для сына.

Происходящие в стране события не мешают ему 20 февраля в первый раз в жизни появиться на сцене в «Балете Кассандры» в театре Пале-Рояля. Он исполняет там две роли, шевалье и мужлана из Пуату, танцующего под мелодию какой-то местной песни медленный танец, который впоследствии назовут менуэтом. Вместе с ним выступают его брат, тринадцатилетний граф де Гиш и пятнадцатилетний маркиз де Вивонн. Музыка этого балета была, к несчастью, утрачена в XIX веке.

Седьмого сентября 1651 года имеет место торжественная церемония по случаю совершеннолетия короля, назначенная на день его тринадцатилетия, согласно указу времен Карла V. Церемония начинается во

Дворце правосудия, затем продолжается в Сент-Шапель и, наконец, в Большой палате и включает в себя грандиозное шествие, глядя на которое, невозможно даже догадаться о терзающем Францию расколе. Анна Австрийская официально передает управление монархией сыну.

Людовик берет слово и совершенно официально заявляет: «Господа, я пришел в парламент, дабы сказать вам, что отныне я желаю, согласно законам моего государства, самолично управлять оным. Я надеюсь, что с Божьей помощью деяния мои будут благочестивы и справедливы».

В ответ его мать говорит: «Вот уже девять лет, как я, исполняя волю покойного короля, моего досточтимого господина, забочусь о вашем воспитании и об управлении вашим государством. Господь в своей милости благословил мои труды и сохранил вашу жизнь, столь дорогую и бесценную как для меня, так и для всех ваших подданных. Теперь, когда закон королевства призывает вас к управлению сей монархией, я с величайшим удовлетворением передаю вам власть, ранее данную мне для управления оной».

Затем она склоняется перед своим сыном, который встает, целует ее и благодарит, а затем произносит: «Я прошу вас продолжать давать мне ваши разумные наставления. Я хочу, чтобы после меня вы были первым лицом в моем Совете».

Над Парижем плывет колокольный звон, Бастилия дает торжественный пушечный залп, народ в восторге. Париж всей душой за монархию.

Кажется, что всё устраивается к лучшему в этом лучшем из миров. Однако в тот же день парламент вынуждает Анну Австрийскую полностью снять обвинения с Великого Конде, а Мазарини приговорить к вечному изгнанию. Регентство заканчивается.

Лишь Конде не принимает участия в торжествах. Накануне он уехал в Три-эн-Вексен к своему зятю Лонгвиллю. Ему недостаточно дарованного ему помилования. По-прежнему считая Людовика глуповатым, он намерен вновь начать гражданскую войну, возможно, мечтая стать королем. Через несколько дней он подпишет договор с Испанией и получит 500 тысяч экю, чтобы во главе коалиционных войск двинуться на Париж. Но это предприятие не принесет ему счастья.

Проходят месяцы, а Месье принца упорно преследуют неудачи. Буйон и его брат Тюрени (оба из рода Ла Тур д'Овернь), считая себя обиженными, оставляют его и переходят на сторону короля. Его войска всюду терпят поражение: в Коньяке, Ла-Рошели, Шампани; Бургундия также изменяет ему.

Вскоре у него остается только маленькая крепость Монрон в Берри, да и та находится в кольце осады.

Наступает декабрь, королева вновь призывает Мазарини. Кардинал появляется во главе собранной им в Германии армии. Парламент назначает за его голову награду в 150 тысяч ливров. А Месье, этот «добрый дядюшка», покидает своего племянника; вместе с Конде он подписывает ультиматум, требующий изгнания «сицилийского негодяя». Гастон так горит желанием сражаться, что ради того, чтобы собрать войско, продает всю свою серебряную посуду.

Начинается 1652 год. Четырнадцатый год своей жизни Людовик проводит в дороге: один день он тут, другой — там. Он движется в сторону Луары вместе с матерью, двором, мебелью, четырьмя тысячами человек, а главное, с Тюренном. Ибо всё решает сила оружия. Тогда, как и во все времена, вплоть до XIX века, историю делают полководцы.

К счастью, среди врагов короля нет согласия. Своими раздорами знатные сеньоры парализуют действия друг друга. Так, на севере соперничают Немур и Бофор, и второй вскоре убьет первого на дуэли в самом центре Парижа, на площади Пети-Пэр перед собором Нотр-Дам-де-Виктуар; в парламенте друг другу противостоят «малые» и «большие» фронтеры.

На Пасху Людовик находится в Сюлли-сюр-Луар. Там он принимает делегацию парламента, явившуюся напомнить ему о вырванном у него под давлением обещании изгнать Мазарини. Он выставляет ее за дверь.

«Извольте удалиться, господа, извольте удалиться!» — бросает он, вырвав текст обращения из рук президента Немона, который потом будет горько жаловаться на подобное обращение, столь не похожее на то, коим короли ранее удостаивали лиц, занимающих такое положение, как он.

Шестого апреля король находится в Жьене. Там он узнаёт о прибытии Конде, который идет на Блено, где расквартирована королевская пехота. У Месье принца 12 тысяч солдат, а у Тюренна — в три раза меньше. Жьен охватывает паника, все уже видят короля пленником мятежников и в спешке пакуют имущество, чтобы бежать в Бурж. Король вскакивает в седло, чтобы сражаться. Тюренн идет ва-банк. Он устраивает ловушку колоннам Месье принца на дороге к Блено, идущей между двумя болотами и лесом, где он прячет свои пушки. Конде, чтобы избежать тяжелых потерь, отступает и 11 апреля возвращается в Париж. Жалкий финал Великого Конде уже не за горами.

«Господин маршал, — скажет со слезами на глазах Анна Австрийская Тюренну, — вы спасли государство и во второй раз вернули корону моему

сыну».

Последний акт Фронды разыгрывается 2 июля в предместье Сент-Антуан. Действующие лица — всё те же: Тюренн защищает короля, а Конде — самого себя. Соотношение сил изменилось: у первого 12 тысяч солдат, у второго — только пять.

С возвышенности Шарон можно было наблюдать за началом уничтожения мятежников, оттесненных к стенам Парижа. Но внезапно распахиваются Сент-Антуанские ворота и семь пушек Бастилии одновременно открывают огонь по королевским войскам. Сделано это было по приказанию герцогини де Монпансье, дочери Гастона, именуемой Великая мадемуазель, которая с давних пор лелеяла мечту сочетаться браком с королем, но при этом отличалась наивностью, уступающей размерами лишь длине ее носа и величине ее состояния. «Этот пушечный залп убил ее мужа», — иронизирует Мазарини. А Конде едва успевает с остатками своих войск укрыться за стенами Парижа, где вскоре становится всем ненавистным.

Двумя днями позже банда его приверженцев, ранее уже уничтожившая сотню магистратов, поджигает ратушу, где собрались преданные королю члены городского управления.

Чаша терпения парижан в очередной раз переполнена. Все требуют возвращения короля, и Конде бежит из Парижа. Он возглавляет испанские войска во Фландрии, совершив, таким образом, предательство, за которое будет заочно приговорен к смерти и лишен имени Бурбона и ранга принца крови.

Исполнение сего приговора лишило бы человечество произнесенной Боссюэ^[27] 24 года спустя восхитительной надгробной речи, каковая, по словам Шатобриана, являет собой вершину человеческого красноречия.

Двадцать первого октября 1652 года, после тринадцати месяцев отсутствия, Людовик возвращается в Париж, где его как спасителя встречают факельным шествием. 25-го числа герцог Орлеанский объявляет о своей покорности королю. 26-го Людовик пишет всё еще находящемуся в изгнании Мазарини: «Мой кузен, пришло время положить конец тем тяготам, кои вы согласились переносить из любви ко мне».

Кардинал медлит, чтобы заставить всех желать его возвращения. Лишь 6 февраля 1653 года прибывает он в Париж. Это кокетство принесло свои плоды. Никогда еще не слышал он таких восторженных приветствий. Народ забыл про то, что называл его «сицилийским негодяем».

Однако пройдет еще пять месяцев, прежде чем закончится этот

пятилетний кошмар. В июле трое последних знатных мятежников, Конти, герцогиня де Лонгвиль и принцесса де Конде, капитулируют в Бордо. Фронда окончится.

Но итог этой странной череды мятежей, названных именем детской игры, ужасен.

По современным данным, за пять лет Франция, по всей вероятности, потеряла два миллиона жителей и ее население сократилось с двадцати до восемнадцати миллионов. Казна пуста, государственный долг — огромен. Опустошены целые провинции. Шестьдесят тысяч нищих скитаются по Парижу. По разным оценкам, каждый седьмой (а может быть и шестой) парижанин живет в ужасающей нищете.

Танцор

Однако эта череда трагических событий мешает жить далеко не всем.

Людовик, не зная даже, что сулит ему следующий день и сохранит ли он свою власть, продолжает танцевать. В 1652 году в «Балете празднеств Вакха» он исполняет не менее шести ролей, появляясь поочередно в образах драчливого пьяницы, колдуна, разъяренной вакханки, преследующей Орфея, ледяного человека, титана и музыки. Подобная смена обликов в ту пору уже никого не смущает.

В следующем году он продолжает перевоплощаться на сцене театра Пти-Бурбон, который вмещает три тысячи зрителей и который, когда играет король, девять вечеров подряд заполняется до отказа, давая возможность посетить это зрелище тридцати тысячам парижан.

Филипп Боссан^[28], который приводит эти подробности, задается вопросом: быть может, все государи-лицедеи были безумны? Вовсе нет, заключает он, эти публичные выступления были частью карнавала, каковой в то время принимался всерьез, ибо создавал осязаемый образ вывернутого наизнанку мира и общества.

Что касается короля, то все единодушно признают, что пережитые потрясения сделали четырнадцатилетнего подростка до времени взрослым, внушив ему ненависть к всякого рода смуте и усилив уже и ранее неоднократно выказываемый им вкус к власти.

В 12 лет он подписывает письмо, дарующее прощение Тюренну. И даже если король не сам его составил, то сам публично прочел его, а это не может не содействовать пониманию происходящего в мире.

Шестого марта, за полгода до своего совершеннолетия, он пишет виконту де Тюренну письмо, в коем уведомляет адресата, что вскоре ему будет присвоено неслыханное в военной истории звание генерального маршала: «Я прощаю вам и готов забыть все сделанное вами ранее при условии, что вы немедленно откажетесь от каких бы то ни было сношений и договоров, заключенных с моими врагами. Я дарую вам свободный доступ ко двору, где я желаю видеть вас, дабы заверить вас в том, что я не держу на вас обиды за действия, предпринятые вами против меня».

Тогда же граф де Паллюо^[29] в письме к Мазарини замечает, что видит в этих рассуждениях Людовика зрелость 25-летнего человека.

Кардинал же с радостью угадывает в своем крестнике величайшего из

правивших Францией на протяжении веков королей и дает понять, что он также причастен к сему величию, ибо сделал всё от него зависящее для воспитания будущего монарха.

Действительно, как только воцаряется мир, Мазарини вместе с королевой ставит своей задачей внести в воспитание крестника то, чего не допускала царившая во время Фронды анархия, то есть заняться «раскруткой» короля. Эти двое ведут себя как настоящие «пиарщики» в ту пору, когда рекламы не было еще и в помине.

Принцип таков: король должен показывать себя, и показывать по-королевски, так, чтобы все видели в нем именно короля. Все его слова и жесты должны создавать впечатление величия, безмерно возвышающего его над простыми смертными.

Рецепт не нов, но с такой неукоснительностью он исполняется во Франции впервые.

Окружающая короля обстановка должна быть великолепной. А что касается самого монарха, то его первейшей задачей станет постоянно быть на виду. С этого времени и на протяжении шестидесяти лет король неизменно будет окружен неслыханным блеском и роскошью. В обществе, на 80 процентов неграмотном, видимый образ важнее написанного слова, а зрелище важнее слова произнесенного.

Постепенно создается аллегорический церемониал, первейшим символом которого является солнце, ибо в глазах народа король должен выглядеть высшим существом не только в силу своего ранга, но, в отличие от его предшественников, по самой своей сущности. Именно в таком духе устроена церемония коронации.

Людовик был коронован в Реймсе 7 июня 1654 года. Никогда ранее процедура коронации — а длилась она шесть часов — не была столь пышной и великолепной. Людовик обещает своему народу мир, справедливость и милосердие. Он клянется хранить «независимость, права и честь французской короны, никому ее не уступая и не передавая, и в меру дарованной ему власти искоренять любых еретиков, осужденных Церковью».

Коронация есть церемония религиозная, она делает короля Помазанником Божьим и связывает его с небом, превращая в наместника Бога на земле.

Но коронация — это всего лишь один день в жизни, а королем нужно быть изо дня в день, оставаясь таковым в глазах всех и каждого. Этот королевский театр накладывает свой отпечаток на всё, что бы Людовик ни делал, в том числе и на развлечения. Мазарини пускает в ход все средства

для неслыханного ранее во Франции возвеличивания монарха. Пожалуй, лишь в истории Римской империи отыщется пример подобного стремления вознести государя над всеми прочими смертными. Все предшественники Людовика, в том числе и Валуа с их роскошью и пышностью, выглядят гораздо более скромно.

Кардинал, не колеблясь, отказывается от собственных пристрастий, идя навстречу вкусам своего воспитанника. Он без ума от итальянской оперы, а французские балеты наводят на него скуку; но он жертвует своей страстью, ибо Людовик обожает танцы. Придворных балетов становится всё больше, и Мазарини умирает от скуки, глядя, как его крестник без усталости с восторгом скачет в костюмах мифологических персонажей на глазах у изумленного двора.

Придворный балет, где король играет первую роль, поскольку другой роли он и не может играть, приобретает политическое значение.

Так, в «Балете Ночи» Исаака де Бенсерада^[30], исполняемом во время карнавала в 1653 году, брат Людовика герцог Анжуйский в костюме Утренней звезды объявляет в следующих выражениях о появлении утренней зари:

Солнце, которое следует за мной, — это юный Людовик.
Толпа звезд рассеивается,
Едва появляется сей великий король.

Два века спустя Жак Оффенбах воспроизведет этот терцет в своей оперетте «Прекрасная Елена».

Двумя годами позже, в 1655 году, Людовик играет роль короля в спектакле «Гений танца», который, по мысли его создателей, должен был демонстрировать гармонию и согласие, царящие в государстве.

Дорогу этому ныне торжествующему полубогу,
Достоинства коего сейчас будут явлены.

Война и любовь

Не менее танцев по душе королю и война. Он обожает всё военное: оружие, мундиры, парады, маневры. Он гордится своей гвардией — королевской гвардией, — в которую входит не только элита армии, но и лейб-гвардия, тяжелая и легкая кавалерия, мушкетеры, французские и швейцарские гвардейцы.

Однажды, когда Великая мадемуазель, которая тоже без ума от армии, восхищается мундирами лейб-гвардейцев, король тотчас соглашается с ней: «Нет ничего прекраснее двух синих эскадронов; вы увидите их, они будут сопровождать вас». И добавляет: «Мне жаль, что я не смог дать вам эскорт мушкетеров...»

В тот день мушкетеры несли дежурство.

Людовик будет еще долгое время командовать становящимися всё более пышными парадами. А Кольбер^[31] будет неустанно твердить, что они обходятся слишком дорого и что это недопустимое расточительство.

В том же году, когда был поставлен «Балет Ночи», Людовик отправляется в армию Тюренна на север, где маршал сдерживает натиск Конде, пытающегося вместе с испанцами пробиться к Парижу, так как Испания вышла из Вестфальского договора и война с ней продолжается. А стычка с аванпостами Месье принца в Рибмоне на реке Уазе, за которой Людовик наблюдает с расстояния мушкетного выстрела, приводит его в восторг.

Когда в его присутствии обсуждают необходимость разрушить мост, чтобы остановить врагов, он восклицает: «Напротив, нужно построить дюжину мостов и двинуться на врага».

Год спустя он вместе с Фабером присутствует на открытии траншеи перед Стене, последней удерживаемой Конде крепостью, которая будет взята месяц спустя.

В 1655 году он выказывает такой пыл, что напуганный Мазарини пишет королеве: «...если он и далее будет продолжать в том же роде, то следующая за ним свита окажется не в силах сдерживать его. Остается надеяться, что это ему в конце концов надоеет».

Две недели спустя в ходе короткого боя испанцы овладевают знаменами королевского полка — синими атласными полотнищами, усеянными белыми лилиями. Конде, будучи все-таки французом, отправляет

их Монпеза, командиру обеспеченного подразделения. Людовик приказывает вернуть знамена испанцам, произнеся: «...им так редко удавалось побить французов, что не следовало, коль скоро это случилось, лишать их удовольствия сохранить свидетельства сего события...»

Одновременно с войной Людовик открывает для себя любовь, каковая является ему в облике племянницы кардинала Олимпии Манчини, особы весьма бойкой и честолубивой. Однако это всего лишь интрижка, ибо о браке не может быть и речи: король Франции не может жениться на особе незнатного рода. Но в конечном счете жизнь ее сложится не худшим образом. Она выйдет замуж за Эжена (Евгения) Мориса Савойского, графа де Суассона, потомка Карла V; родившийся от этого брака сын Евгений, знаменитый принц Евгений Савойский герцог де Кариньян, пятьдесят лет спустя станет вместе с герцогом Мальборо палачом французских армий во время Войны за испанское наследство.

Война — это великолепно, но она стоит дорого, а денег не хватает даже на то, чтобы платить жалованье солдатам королевской гвардии, что толкает власть к бесконечным финансовым нововведениям: налог взимается за крестины, за похороны, за гербовую бумагу; увеличивается число продаваемых должностей (появляется 40 новых должностей секретарей короля). 20 марта 1655 года на торжественном заседании в присутствии короля регистрируются 17 финансовых указов, вопреки нескрываемому недовольству парламента.

Молодые советники Апелляционной палаты в начале апреля созывают новое собрание, без участия короля, чтобы обсудить законность вышеупомянутых указов.

Тринадцатого апреля происходит знаменитая сцена, организованная Мазарини (король всё еще ничего не делает без его ведома), описания которой заполняют страницы исторических книг. Вернувшись с охоты, Людовик созывает заседание парламента. Он появляется там, не переодевшись, — вопиющая неучтивость! — в высоких ботфортах, красном камзоле и серой шляпе. Говорят, что у него в руках был хлыст; но на самом деле хлыста не было и он не говорил застывшим от изумления членам парламента: «Государство — это я!»

Вот его подлинные слова, которые звучат ничуть не более любезно: «Господа, все помнят, какие несчастья вызвали собрания парламента. Я хочу избежать их повторения и желаю прекращения собраний, созванных в связи с принесенными мной указами, неукоснительного исполнения коих я требую. Господин первый президент, я запрещаю вам соглашаться на

проведение каких бы то ни было заседаний, а всем прочим запрещаю требовать организации оных».

Парламент промолчал, но от своих замыслов не отказался. 21-го он решает обратиться с новыми ремонстрациями^[32], незаконными, ибо указы уже зарегистрированы. Ремонстрации эти будут отвергнуты. Чтобы остудить пыл членов парламента, одного советника придется заточить в Бастилию, а восьмерых отправить в ссылку, но при этом всё же будут отозваны указы, касающиеся крестин и гербовой бумаги, а президент Бельевр вознагражден 100 тысячами экю за покладистость.

В 18 лет в 1656 году, отмеченном такими печальными событиями, как военные неудачи во Фландрии и мятежи внутри страны, король по случаю скачек за кольцами^[33] в садах Пале-Рояля выбирает своей эмблемой солнце. Почему солнце? Потому что оно не только блистает, но и светит.

В 1657 году дела идут не лучше: новые неудачи во Фландрии, повсеместные волнения, вызванные чрезмерным налоговым бременем. То же самое происходит и в 1658 году: мятежи в Нормандии, Оверни, Медоке и Сентонже, а особенно в Солони, где крестьяне, прозванные «башмачниками», возмущенные обесцениванием денег, делавшим их на треть беднее, осаждают Сюлли-сюр-Луар, атакуют Шартр, подстрекают к бунту Сансер, Жаржо и Орлеан.

Однако, несмотря на эти неприятности, король сохраняет дарованный ему от природы счастливый нрав. В без малого 20 лет он по-прежнему ссорится с братом, который нередко берет верх над монархом.

Как-то раз во время Великого поста Филипп является к матери с тарелкой вареного мяса и предлагает королю угощаться. Людовик отвечает, что идет пост, а потому он не станет есть мясо и брату советует поступить так же. «А я буду есть», — отвечает тот. Людовик хочет забрать у него тарелку. Филипп сопротивляется, и содержимое тарелки летит ему на голову. В ярости он бросает тарелку в Людовика, который сохраняет истинно королевское хладнокровие. Присутствующие при этой сцене женщины упрекают его за то, что он не дает сдачи. Тогда Людовик говорит брату, что лишь из уважения к матери, находившейся в тот момент в комнате, он не выгнал его пинками под зад. Филипп уходит, хлопнув дверью. Но уже на следующий день их мирят.

В мае, когда солдатам наконец выплатили жалованье, Людовик решает присутствовать при осаде Дюнкерка, которую ведет Тюренн при поддержке английского флота. Вести осаду очень тяжело, так как плоская местность залита водой, а испанцы то и дело нападают на французские обозы с

провиантом и боеприпасами. Мазарини пытается отговорить короля от намерения идти туда, ссылаясь на то, что большое количество провианта, необходимое для его свиты, гораздо разумнее было бы отдать армии. Напрасный труд. «Всё, что я говорил ему, — пишет кардинал королеве, — не произвело на него ни малейшего впечатления и явно пришлось ему не по вкусу».

К счастью, 14 июня испанская резервная армия под командованием Конде и дона Хуана Австрийского, побочного сына Филиппа IV, была разбита Тюренном в сражении при Дюне на подступах к городу. Соратник Конде, мятежный генерал д'Окенкур убит. 23-го Дюнкерк капитулирует. Прежде чем войти в город, Людовик устраивает торжественный смотр войскам.

Война с Испанией, длящаяся уже 22 года и истощающая силы обоих народов, близится к концу. Испания, которую враги теснят на всех фронтах, которой грозит потеря Нидерландов и превосходство которой уже в прошлом, чего она, правда, еще не знает, должна решиться на вступление в переговоры.

Однако накануне этого триумфа, который сделает Францию грозой Европы, посреди всех этих счастливых событий Людовика настигает болезнь. Армия его торжествует, а сердце его вновь покорено «мазариночкой», кузиной Олимпии Марией Манчини. На этот раз все очень серьезно.

В болотах Мардика Людовик подхватил жестокую лихорадку. Совершенно измученный, он прибывает в Кале, где его недуг разыгрывается с новой силой. Это скарлатина^[34], в ту пору нередко приводившая к смертельному исходу. В Кале привозят мощи святого Роха. В ночь с 6 на 7 июля состояние Людовика ухудшается: он принимает последнее причастие и требует к себе Мазарини: «Вы человек решительный и мой лучший друг. Поэтому я прошу вас сообщить мне, когда у меня более не останется надежды».

Сидящая у его ложа Мария плачет, не стыдясь своих слез, а при дворе, ввиду близкой кончины короля, бушует ураган интриг. Бывшие участники поверженной Фронды, герцог де Бриссак и президент Перро, откровенно ликут. Все устремляются к герцогу Анжуйскому, который, быть может, уже завтра станет королем.

Решено прибегнуть к последнему средству. Это жест отчаяния, ибо назначенное королем рвотное, представляющее собой смесь вина и сурьмы, очень опасно. Но болезнь внезапно прекращается. Неделью спустя Людовик

уже может сесть в седло. По всей Франции служат благодарственные молебны, а увлечение маленькой, худой, черноволосой и смуглой Марией превращается в страсть. Это тревожит Мазарини, а еще более — Анну Австрийскую: король Франции, который не мог жениться на Олимпии, равным образом не может жениться и на Марии. Нужно безотлагательно устроить его брак.

Королева и Мазарини, всегда действующие заодно, извлекают на свет божий давний план, который мог бы обеспечить мир Европе: женить Людовика на его кузине, инфанте Марии Терезии, дочери короля Испании Филиппа IV, брата Анны Австрийской. Людовик не говорит «нет», но и не прекращает отношений с Марией. Анна Австрийская теряет терпение.

Королева теряет терпение, а Людовик — свою податливость, каковую многие считали сутью его характера: он отказывается подчиняться. «Я женюсь на Марии!» — вопит он и даже угрожает кардиналу, которому всегда подчинялся, скандальной отставкой. Тщетно мать и крестный убеждают его в том, что мир в Европе зависит от его брака с инфантой... Но король Испании не спешит дать согласие, Анна и Мазарини пытаются подтолкнуть его к принятию этого решения, а любовь Людовика и Марии становится тем временем всё более пылкой. Регентша и кардинал делают вид, что считают приемлемой партией для Людовика Маргариту Савойскую, дочь Кристины Французской^[35], которая была дочерью Генриха IV, именуемой мадам Руаяль.

Двор выезжает в Лион навстречу Маргарите, так как Людовик заявил, что прежде чем дать свое согласие, он желает увидеть савойскую принцессу. Филипп IV попадает в эту ловушку — заявляет: «Этого не может быть и не будет!» — и тотчас же отправляет в Лион государственного секретаря Пимантеля, каковой, приняв меры для маскировки (ибо всё еще идет война), едет во Францию, чтобы предложить мир и руку инфанты.

Путешествие в Лион проходит очень весело, Мария принимает в нем участие, и Людовик в восторге. Он называет ее «моя королева» — к большому огорчению матери, которую он пытается развеселить, поддразнивает ее, напоминая о весьма болезненном для Габсбургов и Капетингов вопросе первенства.

«Разве члены Австрийского дома, — говорит он Великой мадемуазель в присутствии матери, — не были всего лишь графами Габсбургскими, когда мы были королями Франции?»

Мадемуазель, чтобы не оскорбить королеву, уклоняется от прямого ответа. Людовик настаивает: «Если бы между королем Испании и мной возник спор, я бы легко заставил его уступить. Я был бы счастлив, если бы он захотел сразиться со мной, чтобы положить конец войне! Он бы и не подумал принять вызов; борьба не для этих людей. Карл V, несмотря на настояния Франциска I^[36], отказался».

Анна Австрийская отвечает: «Хотя все это только шутка и в действительности вы не собираетесь сражаться с моим братом, подобные речи мне не по душе, поговорим о чем-нибудь другом».

В Лионе Мазарини смущенно объясняет савойским принцессам, что брак не может быть заключен, так как король Испании дал согласие выдать свою дочь за Людовика.

Двор возвращается в Париж. Первые пять месяцев 1659 года заняты переговорами о мире и о браке. Предварительные соглашения по обоим вопросам подписаны 4 апреля Мазарини и доном Луисом де Харо^[37]. Но Людовик по-прежнему думает о Марии. Придется заставить эту парочку прекратить встречи.

Двадцать первого июня Людовик и Мария расстаются, но они продолжают переписываться. Мазарини вновь приходится вмешаться. 6 июля он обращается к Людовику в патетических выражениях. «Та, — пишет он, — от которой я ничего не скрываю (Анна Австрийская. — Э.Д.), поведала мне, в каком вы пребываете состоянии, ибо вам во что бы то ни стало следует справиться с оным, если вы не желаете быть несчастны сами и заставлять страдать ваших преданных слуг... Если вы не решитесь переменить ваше поведение, вы будете лишь всё сильнее растравлять себе душу. Заклинаю вас сделать над собой усилие во имя вашей славы, вашей чести, во имя служения Господу и благу вашего королевства».

Шестнадцатого июня он вновь пишет Людовику: «Господь даровал власть королям, чтобы те заботились о благе своих подданных, а не для того, чтобы приносить это благо в жертву собственным страстям; те же несчастные, кои за свое поведение были оставлены Провидением, неизбежно навлекали на себя и на свое государство неисчислимые тяготы и потрясения».

Двадцать восьмого августа он в последний раз призывает Людовика отказаться от своего безумия, и тот уступает доводам рассудка.

Но не без борьбы. Всё лето 1659 года он шлет своей возлюбленной пылкие послания на десяти, пятнадцати, двадцати страницах и, к тягостному изумлению матери и крестного, признается им, изъясняясь

почти современным языком, что способен полностью контролировать все свои страсти, за исключением той, «что владеет его рассудком».

Муки неудовлетворенной любви вовсе не лишают Людовика XIV его веселости. От природы насмешливый, он упражняется в остроумии на всех, часто весьма неловко. Он еще не взял «бразды правления» в свои руки.

Находясь проездом в Шамборе по дороге в Сен-Жан-де-Люз, где он должен встретить окончательно выбранную невесту, он насмехается над своим дядей Гастоном, живущим неподалеку, в Блуа, и заявляет Великой мадемуазель, которая так мечтала выйти за него замуж: «Я решил не надевать парадного костюма, опасаясь вызвать слишком горькие сожаления у вашего отца, вашей мачехи и вашей сестры; я постарался выглядеть как можно менее привлекательно, чтобы отвлечь их от меня».

Выходя от Гастона, он говорит Великой мадемуазель: «Ваш отец был очень недоволен тем, что я убил у него 14 фазанов».

В Тулузе он выказывает себя совершенно в ином свете. Принимая депутатов Ассамблеи протестантской церкви, недавно состоявшейся в Лудене, он выслушивает речь, которую, согласно обычаю, стоя на коленях, произносит пастор Эташ, лишь укрепляя сердце согласившийся соблюсти этот ритуал. Король отвечает ему ледяным тоном: «Я буду служить вам, я буду поддерживать вас в моих эдиктах, и вам будут оплачены расходы».

Эти слова едва скрывают его глубокую ненависть к протестантам.

Что касается Марии Манчини, то она в конце концов уступает. В 1661 году она выйдет замуж за принца Колонна, коннетабля Неаполитанского королевства, затем оставит его, будет вести полную галантных приключений жизнь в Европе и, всеми осуждаемая, окончит свои дни в Пизе, возможно, в 1715 году (точная дата неизвестна), в том же году, что и ее царственный избранник.

По дороге в Сен-Жан-де-Люз Людовик получил от матери разрешение в последний раз повидаться со своей возлюбленной. Они встретились в Сен-Жан-д'Андийи 13 и 14 августа и, наверное, в тысячный раз поклялись вечно любить друг друга. Говорили (и это похоже на правду), что Мария была самой большой любовью в его жизни.

Людовик, несмотря на привычку подшучивать над своим окружением, славится своей учтивостью. Франсуа Блюш^[38] приводит в качестве наиболее яркого примера аудиенцию, данную Людовиком духовнику

Паскаля^[39] Леметру де Саси, отшельнику Пор-Рояля^[40], заточенному в Бастилию в 1666 году.

Осень 1668 года. Людовик ненадолго примирился с янсенистами. Все славят «Церковный мир». Леметр де Саси освобожден из Бастилии. Король принимает его в Лувре вместе с архиепископом Парижским. Саси заявляет, что он не мог бы и надеяться на освобождение при менее мудром, справедливом и прозорливом короле, и заверяет его, что посвятит свою свободу и свою жизнь молитвам о его благоденствии.

В ответ Людовик говорит ему, «сколь он счастлив тем, что отныне и впредь у него будет возможность выказывать ему те знаки уважения, коих заслуживают его ум и добродетель».

Слова эти — лишь обычная для того времени учтивость, но эта история имеет продолжение.

Три года спустя Арно д'Андийи, звезда, если можно так выразиться, янсенистской партии и отец маркиза де Помпонна, которого король только что назначил министром иностранных дел вместо Гуго де Лионна, является в Версаль 10 сентября 1671 года, чтобы поблагодарить Людовика. Великий Арно^[41], которому тогда было уже 80 лет, в течение двадцати шести лет не появлялся при дворе. Людовик говорит ему: «Менее значительный повод не заставил бы вас покинуть ваше уединение, из которого, как бы вы ни таились от мира, вы, тем не менее, заставляли говорить о себе. Но вас ждет еще одна радость: вы увидите сына раньше, чем вы того ожидали».

Старик-отец рассыпается в благодарностях, а Людовик продолжает: «Я полагаю, что у вас на совести есть грех, в коем вы не раскаялись».

Арно говорит, что готов покаяться и понести наказание.

«Дело в том, что в прекрасной книге об Иосифе (Иосифе Флавии, еврейском историке войны иудеев против римлян. — Э. Д.) вы упомянули, что написали эту книгу в 80 лет; не может быть, чтобы вы не испытывали удовлетворения оттого, что в таком возрасте вы еще способны создать нечто столь замечательное...»

Тот же Помпонн, сын Великого Арно, напишет о короле: «Невозможно представить себе величие, прозорливость и обширность его ума, безошибочность его суждений, равно как и приветливость его взгляда и исходящее от него обаяние, когда он сбрасывал личину величия и гордой неприступности, с коей он появлялся на публике».

Бракосочетание

С подписанием 7 ноября 1659 года Пиренейского договора, после сорока лет войны и бесчисленных потерь, разорвавших Европу от Балтики до Средиземного моря, наконец воцаряется мир.

Филипп IV уступает Руссильон, часть Сердани, часть Артуа и десяток крепостей на северной границе. Герцог Лотарингский теряет Бар, графство Клермон-ан-Аргон и открывает французам дорогу в Эльзас. Конде наконец прощен, и ему возвращены его имя, ранг, привилегии и губернаторство в Бургундии. Брак, который должен гарантировать мир между Францией и Испанией и не гарантирует ровным счетом ничего, отложен до весны.

Король, его мать, Мазарини и двор проводят зиму в Лангедоке и Провансе.

Двадцатого января Конде, этот неукротимый мятежник, получает прощение. Он встает перед Людовиком на колени, тот поднимает его и говорит: «Мой кузен, после тех великих услуг, кои вы так часто оказывали королевству, я не стану вспоминать о том зле, каковое причинило вред лишь вам самому».

По форме это несколько тяжеловесно, но суть великолепна.

Двор прибывает в Сен-Жан-де-Люз в мае. Мария Терезия, невеста, приезжает следом. Людовик, к всеобщему удивлению, заявляет, что она ему нравится, несмотря на некоторую полноту и типичные для Габсбургов тяжеловесные черты лица. Ее светлые волосы, голубые глаза и перламутровая белизна кожи испанских инфант не искупают заурядности ее облика. Но она оказывается весьма мила и любезна.

Церемония бракосочетания проводится 9 июня. На Людовике надет черный костюм, украшенный бриллиантами. Платье будущей королевы усыпано золотыми лилиями.

Молодые въезжают в Париж через Тронную площадь, ныне — площадь Нации. По окончании всех установленных обычаем речей кортеж, впереди которого идут 72 мула кардинала, неспешно (весь путь занимает четыре часа) направляется к Лувру.

Всем хочется думать, что отныне в Париже будут царить мир и любовь. Все сердца полны восторженных упований.

Популярность короля в зените. Но величие его пока еще только внешнее, ибо власть находится в руках Мазарини, а присутствие рядом с ним королевы является залогом ее легитимности. Кардинал заставляет Людовика уже с шестнадцати лет присутствовать на заседаниях различных советов и поспешно приобщает его к процессу принятия решений. Он видится с королем каждое утро, чтобы информировать его о государственных делах, в том числе и самых секретных.

Двадцать пятого октября 1660 года Людовик, женатый уже пять месяцев, едет с Марией Терезией в Версаль, чтобы посетить охотничий павильон своего отца Людовика XIII. Возможно, он чувствовал, что это место станет приютом для его любовных увлечений. Но к Марии Терезии это не имеет никакого отношения, ибо брак с ней был заключен из политических соображений и время для любви еще не наступило. Лишь в июле 1661 года его любовницей станет Луиза де Лавальер. Мог ли он уже тогда мечтать об этом?

Местность эта пустынная, лесистая, болотистая, с нездоровым климатом. Но это неуютное уединение приходится по душе монарху. Он вновь приезжает туда с друзьями, и начинается строительство, которое продлится вплоть до его кончины. Версаль так никогда и не был завершен. Поначалу идут лишь скромные работы по украшению маленького дворца из кирпича и камня. Зато создание садов сразу же ведется с размахом под совместным руководством Людовика и Ленотра^[42]. Король и садовник единодушны в желании преобразить природу.

Людовик непрерывно расширяет границы своего владения. Западный партер задуман как уходящая в бесконечную даль перспектива. А южный партер должен возвышаться над апельсиновой рощей (это и будет сделано в окончательном варианте). С 1661 по 1663 год на осуществление этих замыслов уйдет полтора миллиона ливров. На Фонтенбло такая же сумма будет потрачена за 17 лет.

Замечательная команда, строившая для Фуке^[43] усадьбу Во-ле-Виконт, на сей раз превосходит саму себя. Лево^[44] строит оранжерею, Лебрен^[45] разрабатывает планы, Ленотр с головой погружен в свою работу.

В 1664 году празднества, которые своей пышностью повергнут в изумление Европу, начинаются представлением «Забавы волшебного острова», коим Франсуа Блюш посвящает поэтически-взволнованные строки: «...сие празднество, юное, но уже образцовое, эфемерное, но нетленное, рыцарское, но строгое, причудливое, в котором уже

проглядывают контуры зарождающегося классицизма, даже по прошествии трех веков всё еще излучает свет».

В подражание «Неистовому Роланду» итальянского поэта XVI века Лудовико Ариосто действие происходит во дворце злой волшебницы Альцины, которая силой своих чар держит в заточении отважного Руджиеро (Роже) и его спутников. Музыку пишет Люлли, Мольер — пьесы. Он ставит «Принцессу Элиды», «Докучных», «Тартюфа» и серию интермедий с балетом, от которых без ума тогдашняя публика. В день торжественного открытия празднеств король изображает паладина Роже.

В течение пяти дней нескончаемой вереницей катятся позолоченные колесницы; в них восседают боги и богини, чьи маскарадные костюмы не могут сделать их неузнаваемыми для шести сотен посвященных, приглашенных на эти празднества.

В сверкающем костюме Роланда из «Неистового Роланда» Ариосто шествует Месье герцог, сын Великого Конде; Белый Грифон — это граф д'Арманьяк и т. д. Луиза де Лавальер тоже здесь, и всем ясно, что всё это празднество устроено в ее честь. Для присутствующей здесь королевы утешением будут дифирамбы и главный приз в лотерее, устроенной ее мужем. И хотя приз достается Марии Терезии, Луиза от этого ничего не теряет.

Балеты и концерты заполняют интервалы между главными представлениями. Среди фантастических декораций кишат чудовища и разные твари, гиганты и карлики, демоны и прочие духи, находящиеся в услужении у волшебницы. На третий день, когда чары уже разрушены и все идет к развязке, гигантский фейерверк обращает в прах замок Альцины. На четвертый день устроена «охота на головы», дабы сеньоры могли показать себя в искусстве владения оружием. Они должны на скаку пронзить одну из голов: Турка, Мавра или Медузы. На следующий день играют «Докучных» — пьесу, написанную Мольером для Фуке и его знаменитого праздника в поместье Во-ле-Виконт 17 августа 1661 года. Людовик был в восторге от пьесы и для этого второго представления, когда Фуке всё еще ожидал приговора, попросил Жана Батиста Поклена^[46] добавить к первоначальной версии еще одного «докучного», напоминающего маркиза де Суайекура, страстного охотника. Людовик тростью указал на него Мольеру как на весьма оригинальную личность.

На шестой день дают «Тартюфа», которого Людовик в свое время прочел и оценил, что говорит о нем гораздо больше, чем тысячи прочих поступков, коих требует от короля придворный протокол. Королева-мать и святоши не разделяют его мнения, и их стараниями пьеса в течение трех

лет остается под запретом. 13 мая, в последний день праздника, «Брак поневоле» вновь приносит Мольеру успех и почет.

Расположение Людовика XIV к Мольеру и по сей день остается загадкой. Король покровительствовал Мольеру вопреки всему и вся, и их связывали не банальные отношения между оказывающим покровительство и пользующимся оным, а нечто большее. С обеих сторон существовали уважение, восхищение и дружеские чувства. Трудно сказать, что вызывает большее удивление: наличие подобных чувств у гениального критика современного ему общества и человека на все времена или у такого государя, как Людовик XIV. Чувство изначального превосходства, культивируемое совместными усилиями Анны Австрийской и Мазарини, приумноженными действиями Кольбера, дабы вознести Людовика на недостижимую для прочих смертных высоту, никоим образом не затрагивает его отношений с такими людьми, как Мольер или Люлли, а позже — Расин или Делаланд^[47]. Артисты и король чувствуют себя на равных. В наши дни это не кажется безумным, но триста лет назад всё было иначе, ибо в ту пору ремесло актера было объявлено Церковью постыдным.

Похоже, что между Людовиком и Жаном Батистом довольно быстро завязываются доверительные отношения. Первый раз они встречаются в 1658 году у Анны Австрийской. Мольер играл там «Никомеда» и «Влюбленного доктора»^[48]. В 1663 году Мольер получает пенсию в тысячу ливров. С 11 по 22 октября приглашенная в Версаль труппа исполняет «Сертория» Корнеля и пьесы Мольера «Дон Гарсиа Наваррский», «Школа мужей», «Докучные», «Версальский экспромт» и «Любовная досада». 29 января 1664 года они появляются вместе — король и комедиант — у Анны Австрийской на представлении «Брака поневоле», комедии-балета, а точнее, в чистом виде буффонады, где Мольер играет, а король танцует, причем, как того требует роль, беснуется, как одержимый, и явно получает от этого несравненное удовольствие. Он сам заказал эту пьесу, которая была написана в три дня, а Люлли сочинил к ней музыку. 28 февраля Людовик становится крестным отцом старшего сына Мольера. Монарх и актер так близки, как только могут быть близки в XVII веке суверен и комедиант.

Мольер является также обойщиком короля и, в силу этой должности, три месяца в году посвящает обивке и перетяжке ложа короля. Они часто видятся, а в театральных занятиях они, можно сказать, приятели. Король так же ведет себя с Люлли — в том, что касается музыки. Итальянец, к

ужасу придворных, позволяет себе бесцеремонные шутки. Людовик хохочет. Между королем и шутком существует внутреннее молчаливое согласие. По мнению Филиппа Боссана, оно объясняется профессиональным уважением артистов к Людовику, который был одним из лучших танцоров своего времени и замечательным актером, так что они не без оснований могли считать его своим.

Это точно подметил мемуарист Прими Висконти: «На публике он исполнен серьезности и совсем не таков, как в узком кругу. Находясь в его комнате среди прочих придворных, я не раз замечал: если неожиданно открывалась дверь или он сам направлялся к выходу, он тотчас же менял выражение лица и манеры, словно готовился выйти на сцену; одним словом, он умеет быть королем во всём».

Решение о сооружении Большого Версальского канала принято в 1667 году, а строительство начато в 1668-м. В том же году 18 июля «Большой дивертисмент» повергает всех в изумление. «Совершенно очевидно, что любовь короля к своему новому владению не знает границ», — скажет искусствовед Пьер Верле. Расходы неуклонно растут вплоть до начала войны с Голландией: 339 тысяч ливров в 1668 году, 676 тысяч — в 1669-м, миллион 633 тысячи — в 1670-м, два миллиона 621 тысяча — в 1671 году. Кольбер, желавший, чтобы Людовик оставался в Лувре, в отчаянии.

Старый дворец исчезает: он поглощается новым дворцом, соединяющимся с четырех сторон с угловыми павильонами. В неприкосновенности остается лишь восточный фасад, выходящий на королевский двор.

Червоточина в яблоке: янсенизм

С Фрондой покончено, мир заключен, Людовик вступил в брак, так что остается лишь восстановить порушенное войнами, гражданской и внешней. Но есть другая проблема, которая становится всё более острой. Янсенизм будет отравлять и всё царствование Людовика XIV, и правление его преемников.

Своим рождением янсенизм обязан Янсению, епископу Ипра и знатоку творений Блаженного Августина, которому он посвятил свой огромный труд «Августин», опубликованный в 1640 году, через два года после смерти автора.

Лежащий в основе янсенизма спор о Божественной благодати, теологический по своей сути, станет политическим. Он будет волновать умы вплоть до Великой французской революции, враги которой увидят в нем ее виновника. Одного из виновников...

Сейчас даже трудно себе представить, до какой степени XVII век во Франции был религиозным.

Протестанты, побежденные Людовиком XIII и Ришелье, составляют лишь пять процентов населения и должны довольствоваться той свободой вероисповедания, которую им гарантирует Нантский эдикт^[49].

Католицизм как никогда силен во Франции, ибо духовенство, сформированное Контрреформацией, со времен Хлодвиг^[50] не было столь действенным и влиятельным. Но, как всегда и везде, находятся силы, ведущие к расколу. И на сей раз совершенно невероятным образом поводом для него оказывается вопрос о Божественной благодати.

Одни полагают, что Божественная благодать дарована всем людям и каждого, кто принимает ее, ждет рай. Другие считают, что нет ничего менее надежного, ибо свободой воли не обладает никто: одним предопределено спасение, другим — геенна огненная. Иезуиты, вопреки нередко встречавшемуся мнению, настроены гораздо более оптимистично и защищают первую точку зрения, равно как и власть Рима и монархические установления. Янсенисты привержены ко второй точке зрения. Иезуиты любят власть (на протяжении всего этого царствования место духовника короля неизменно занимает иезуит), а янсенисты относятся к власти подозрительно. Первые не чураются светской жизни, вторые ведут жизнь аскетическую, как и надлежит существу греховному, но уверенному в том,

что ему будет даровано спасение. Честность и янсенизм неотделимы друг от друга.

Самый знаменитый из янсенистов, Блез Паскаль, сформулировал суть этого спора во втором из восемнадцати своих «Писем к провинциалу», неоконченной серии блистательных посланий, направленных против иезуитов, печатавшихся с 1655 по 1657 год и имевших во Франции оглушительный успех. В центре спора — два понятия благодати: благодати достаточной и благодати действенной:

«Различие их мнений о достаточной благодати состоит в следующем: иезуиты утверждают, что существует благодать, данная всем людям вообще и подчиненная свободной воле, каковая, по своему произволу, делает ее действенной или недейственной без какой бы то ни было новой помощи Бога, не препятствующего ей при этом действовать успешно; поэтому они называют ее достаточной, ибо она достаточна для действия. Янсенисты же, напротив, утверждают, что нет никакой благодати, на самом деле достаточной, которая не была бы и действенной. То есть одна лишь воля к успешному действию недостаточна для того, чтобы действовать, ибо, по их мнению, без действенной благодати люди никогда не действуют».

Как достаточное может не быть действенным, если оно действительно достаточно? Недобросовестность Паскаля не уступает здесь его гениальности и производит столь же неотразимое впечатление: все жаждут прочесть «Письма к провинциалу».

А теперь вернемся немного назад.

В 1649 году — Людовику тогда одиннадцать лет — Никола Корне, синдик богословского факультета Сорбонны, извлекает из «Августина» семь положений, касающихся благодати, которые кажутся ему еретическими. В 1653 году папа Иннокентий X признает пять положений еретическими, но, не желая возбуждать умы, делает это осторожно, без шума.

Французское духовенство тотчас же делится на янсенистов и «иезуитов». В 1655 году викарий церкви Святого Сульпиция, принадлежащий к числу вторых, отказывает в отпущении грехов маркизу де Лианкуру, другу первых, что вызывает громкий скандал.

В следующем году новый папа Александр VII также признает еретическими пять положений, уже осужденных Иннокентием X. Его булла *Ad Sacrum* была зарегистрирована в Париже на заседании парламента 19 декабря 1657 года.

Тремя годами позже, 13 декабря 1660-го, в покоях больного Мазарини Людовик XIV объявляет председателям Ассамблеи духовенства, что

пришло время покончить с янсенизмом, ибо того требуют его совесть, его честь и благо королевства. Чем вызвано это заявление восемнадцатилетнего юноши, глубоко чуждого каким бы то ни было теологическим размышлениям?

Под влиянием своего духовника он угадывает в янсенизме недопустимый зародыш распри, новое воплощение Фронды. Ибо янсенизм — и в этом он сродни протестантству — оставляет человека один на один с Богом и со своей совестью. Янсенизм никоим образом не противопоставляет себя католицизму — совсем наоборот; но, признавая власть Рима, он не считает ее непогрешимой. В этом мире для него не существует безгрешной власти, а потому Божественное право королей не является ни законом, ни высшей истиной. Это недопустимо, и Людовик никогда не переменит своего отношения к янсенизму. До конца своих дней он будет считать его разрушительным и, умирая, будет сожалеть о том, что не сумел искоренить его в своем королевстве. Возможность полностью искоренить его имелась, может быть, в 1660 году, но тогда он упустил ее; однако в своем отношении к янсенизму, равно как и к протестантству, король наилучшим образом продемонстрировал свое несокрушимое упорство в достижении желаемого.

Прибытие 26 августа 1660 года вступившего в брак короля венчает триумф Мазарини. Шестью днями ранее он, никогда не дававший священных обетов, заявляет о своем намерении стать священником (его тотчас же заподозрили в желании стать папой), ибо здоровье его ухудшается с каждым днем и надеяться ему более не на что.

В последние месяцы жизни он приводит в порядок свои дела, определяет на места своих ставленников, составляет завещание. Состояние его так велико и происхождение его столь сомнительно, что сличала, чтобы «отмыть» его, он собирается оставить его королю, прекрасно зная, что тот не может его принять. Маневр этот оказался успешным.

У него отек легких и острый нефрит, он так исхудав, что на него не позарился бы даже голодный волк, тело его покрыто фиолетовыми пятнами.

6 февраля он приказывает перевезти себя в Венсенский замок, где ему суждено окончить свои дни.

7 марта кюре церкви Сен-Никола-де-Шан (Святого Николая в Полях) дает ему последнее причастие.

Король, заливаясь слезами, наблюдает за этой церемонией сквозь чуть приоткрытую дверь. Великий лицедей — так называл Мазарини кардинал

де Рец — умирает 9 марта в два часа ночи.

Король провел всю ночь на узенькой кровати около опочивальни кардинала. Обливаясь слезами, с лицом, искаженным горем, каковое некоторые сочли нарочитым, король в сопровождении трех маршалов — Грамона, Ноайя и Вильруа — идет поклониться усопшему, заменившему ему отца, которого его лишила смерть Людовика XIII. Но этот молодой человек поражает всех, в одночасье став Людовиком XIV.

У кормила власти

Людовик начинает с того, что на три часа запирается в своем кабинете с Летелье и Гуго де Лионном, государственными министрами, но без сюринтенданта Фуке, которого даже не уведомили об этом совещании. Так был создан Узкий совет, или Высший совет, куда не допускаются ни члены королевской семьи, ни принцы крови. Анна Австрийская, убитая горем, восклицает: «Я так и знала, что он окажется неблагодарным и захочет всё делать на свой лад!»

Архиепископу Руанскому, пришедшему спросить, к кому ему следует обращаться по церковным вопросам, он отвечает: «Ко мне, господин архиепископ».

Таким образом, тон задан.

На следующий день, 10 марта, Людовик собирает в Венсенском замке расширенный совет, где присутствуют канцлер Сегье, сюринтендант Фуке, Летелье, Лионн, Лаврийер, Ломени де Бриенн и его сын, который записывает речь короля, адресованную Сегье: «Месье, я собрал здесь моих министров и моих государственных секретарей, чтобы сказать, что до сих пор я позволял управлять моими делами покойному месье кардиналу; теперь наступило время, когда я должен управлять оными сам. Вы станете помогать мне своими советами, когда я вас о том попрошу. Я прошу вас и приказываю вам, месье канцлер, не подписывать никаких распоряжений, не получив на то моих приказаний и не уведомив меня об этом, за исключением тех случаев, когда об оных приказаниях вы будете уведомлены одним из государственных секретарей. <...> А вам, мои государственные секретари, я запрещаю что-либо подписывать, будь то даже охранная грамота или паспорт, без моего на то распоряжения; я приказываю вам давать мне отчет каждый день и не оказывать предпочтения ни одному из дел, назначенных к слушанию. <...> Что касается Лионна, то он может быть уверен в моем к нему расположении, ибо я доволен его службой. Порядок отныне будет иной. В управлении моим государством, моими финансами и внешними сношениями я буду руководствоваться правилами, отличными от тех, что были приняты покойным месье кардиналом».

Обращаясь непосредственно к Фуке, он уточняет: «А вас, месье сюринтендант, я прошу пользоваться услугами Кольбера, которого мне

рекомендовал покойный месье кардинал».

Никто не верит, что этот гитарист, танцор и охотник, до сих пор во всём подчинявшийся своей матери и своему наставнику, сдержит слово. Но все ошибаются. С этого времени за Людовиком утверждается репутация человека, умеющего как никто скрывать свое истинное лицо; человека, подлинную суть которого долгие годы пытались разгадать многие заинтересованные наблюдатели и который дожидался своего часа, ничем не выдавая своих намерений.

Что представляет он собой в это время?

Ему 22 года; у него сложение атлета; вопреки легенде, представляющей его маленьким человечком, он высокий, даже очень высокий для того времени: по самым точным расчетам его рост составляет пять футов и восемь дюймов, то есть 1,84 метра. Густые темно-каштановые волосы, темные глаза, блестящие и нежные, порой задумчивый вид; несколько длинноватый нос, румяные щеки со следами оспы, скверные, как и у всех в то время, зубы. Обманчиво медлительный ум, ибо он столь же медлителен, сколь и точен. Эта медлительность вызывает презрение его товарищей по играм — Бриенна, Гиша, Ледигьера, Рогана...

«Сии молодые люди, — сообщает Буало^[51], — не находя в короле той живости, коей обладали они сами, вообразили, что его величество не слишком умен». Он это понял и не простил им.

«Он не открывался ни мне, ни кому бы то ни было другому, — напишет Бриенн, — и меня удивляло, что в нем так мало ума. Должен признать, что я заблуждался».

Страсть к таинственности унаследована им, видимо, от матери. «Он никогда не говорит того, что думает», — отмечает архиепископ Лионский. «Ему нравится выглядеть загадочным», — вторит ему историк Жан Кристиан Птифис.

Людовик XIV принимает приветственный адрес из рук парижского адвоката. 1660 г.

У него потрясающая память, он учтив, любезен и наделен изрядной толикой здравого смысла. «Единственное, что в нем было, так это здравый смысл», — скажет позже Сент-Бёв^[52].

Обычно он робок, но в узком кругу весел и не обижается на шутки. Как-то раз в комнате королевы Анна Люси де ла Мот-Уданкур щиплет его за задницу. «Сучка!» — смеется он в ответ. У этого увальня — огненный

темперамент.

Перед смертью Мазарини рекомендует ему в качестве самых надежных слуг четверых: Кольбера, который будет заниматься делами государства с такой же тщательностью, «как если бы это были его собственные дела»; Летелье, Лионна и Фуке, с некоторыми оговорками в отношении последнего, человека слишком изобретательного, ловкость коего следует держать под контролем.

Уже 10 марта Людовик назначает Кольбера интендантом финансов и поручает ему тщательно проверить счета Фуке, у которого тот официально находится в подчинении.

Кольбер проверяет их так основательно, что Людовик вскоре имеет возможность убедиться в том, что его сюринтендант ворует. Причем ворует в размерах исключительных, ранее неслыханных и невиданных, хотя вообще воровство неотделимо от власти: считается вполне естественным, что министры и их приближенные приобретают свои состояния за счет государства — при условии, что оказываемые ими услуги компенсируют их воровство. К концу жизни Ришелье был несметно богат, а Мазарини — и того более.

Фуке ворует не больше других, и он по уши в долгах, так как ведет неслыханно расточительный образ жизни, который распаляет зависть к нему и дает основания для всяческих подозрений. Кольбер ничем не рискует, ибо лучшего козла отпущения не сыскать.

Два месяца спустя, 4 мая, Людовик XIV, убедившись в гнусности своего министра, лишает его должности сюринтенданта. Кольберу этого недостаточно. Фуке должен быть наказан иначе. Известно, что Фуке купил остров Бель-Иль близ Бретани и превращает его в неприступную крепость. Для чего он это делает? Он желает этим бросить вызов государству, королю! Кольбер наводит справки. В июне на его стол ложится подробный доклад, который он несет королю. На Бель-Иль имеются четыреста пушек, пять мортир, гарнизон из двухсот человек и круглосуточно ведутся фортификационные работы. Факт непростительного покушения на особу и власть короля очевиден. Решение об аресте принято, но...

Фуке начинает кое о чем догадываться и, рассчитывая упрочить свое положение, совершает одну оплошность за другой: упрекает Анну Австрийскую в том, что она встала на сторону его врагов; плетет интриги, добиваясь контроля за галерными судами в Леванте, а затем пытается добиться поддержки ставшей в июле возлюбленной Людовика Луизы де Лавальер. Она стала первой в череде знаменитых побед короля; среди его

официальных фавориток главное место принадлежит блистательной Франсуазе (именуемой Атенаис) де Рошешуар де Мортемар маркизе де Монтеспан, а завершились любовные похождения Людовика в 1683 году тайным браком с Франсуазой д'Обинье, вдовой Скаррона^[53], маркизой де Ментенон, когда 45-летний «король-солнце» сам положил конец галантной хронике, растянувшейся на 22 года.

Руководствуясь своей логикой финансиста, для которого всё продается и покупается, Фуке предлагает официальной возлюбленной короля через маркизу Дю Плесси-Белльер 20 тысяч пистолей. Но Луиза — сама честность, и только любовь толкнула ее в объятия короля. В первый и, возможно, последний раз в жизни Людовика любят не потому, что он король. И он, очарованный этой невинностью, всем сердцем любит Луизу.

Но Фуке этого не понимает — для своего оправдания он готов подкупить любого из окружения короля — и решает с помощью денег привлечь на свою сторону фаворитку, дабы избежать грозящей опалы. Оскорбленная до глубины души Луиза жалуется возлюбленному. Людовика, уже и ранее питавшего зависть по отношению к своей жертве, тотчас же охватывает неукротимая ненависть.

Семнадцатого августа Фуке устраивает, как это было тогда принято у знатных сеньоров, празднество в честь короля в своем замке Во, по-прежнему легкомысленно полагая, что таким образом изменит отношение к себе в лучшую сторону. Но Во слишком великолепен, а Фуке слишком выставляет напоказ свое богатство. Пышность, роскошь, блеск.

Балет, лотерея, ужин на три тысячи персон, разыгранные в парке «Докучные» Мольера, фонтаны, фейерверки. Король не смог бы с ним соперничать, даже если бы пожелал. Его снедают чувства унижения и зависти. «Мадам, — говорит он своей матери, уходя, — разве не должны мы заставить всех этих людей вернуть награбленное?»

Двадцать седьмого августа он направляется в Нант, где Фуке, которому поручено получить от бретонцев три миллиона добровольных пожертвований, должен к нему присоединиться.

Пятого сентября, в двадцать третий день рождения Людовика, около полудня, по выходе из Совета Фуке арестован на соборной площади господином Д'Артаньяном, младшим лейтенантом мушкетеров, будущим героем Александра Дюма.

Анна Австрийская осталась в Фонтенбло. Людовик немедленно информирует ее в следующих выражениях: «Я уже обсуждал сей несчастный случай (арест) с этими находящимися рядом со мной господами (в том числе Конде, Тюренном и Лионном). Я сказал им, что не

желаю более иметь сюринтенданта и стану заниматься финансами сам вместе с находящимися в моем подчинении преданными мне лицами. Некоторые из них выглядели сконфуженными, но я доволен, что они поняли, что я совсем не так прост, как они ранее полагали, и что служить мне — самое разумное для них решение».

Король заканчивает письмо следующими словами: «Я уже получил некоторое удовольствие, самостоятельно работая с финансами, и, уделив даже немного внимания этому занятию в послеобеденное время, начал разбираться в том, чего ранее совершенно не понимал; можете быть уверены, что я продолжу сии занятия».

Двенадцатого сентября в Фонтенбло официально объявлено о ликвидации сюринтендантства. Оно заменено Королевским советом финансов из пяти членов. 15 ноября того же года создана специальная судебная палата, чтобы решить судьбу заключенного и его сообщников. В ее обязанности включено также расследование всех злоупотреблений в области государственных финансов начиная с 1635 года. Масштабная задача!

Процесс этот является верхом беззакония: особое судебное производство, чудовищные нарушения, фальсификация и изъятие основных доказательств, давление, угрозы, подкуп свидетелей, полное пренебрежение правом на защиту. Всё это делается по указке Кольбера, преследующего свою жертву с изощренной свирепостью. Но Фуке яростно защищается. Он разоблачает, с приведением доказательств, беспорядок, царивший в финансах при Мазарини, и, признавая, что использовал свое положение для личного обогащения, говорит, что так поступали все, в том числе и сам Кольбер. Обвиняемый щадит лишь короля, так как король «не знал»...

Но вскоре в Фуке начинают видеть мученика. Честные чиновники и преданные друзья — Оливье д'Ормессон, мадам де Севинье, мадемуазель де Сюодери, Лафонтен, Пелиссон, Рокзант^[54] и другие — начинают публично защищать его, и общество меняет свое отношение к нему. За Фуке молятся в парижских церквях. Перемены в общественном мнении столь очевидны, что это можно считать первым ударом по тому благоговению, коим Людовик был окружен до сих пор.

Следствие, которое ведется под неусыпным надзором короля, длится три года. Наконец приговор вынесен. Из двадцати двух судей тринадцать голосуют за изгнание, девять — хотя обвинение в оскорблении величества было снято — за смертную казнь. Король очень недоволен. Ему сообщают о приговоре, когда он находится во дворце Брион у Луизы де Лавальер.

Ответ его категоричен: «Если бы его приговорили к смерти, я бы позволил привести приговор в исполнение».

Людовик заменяет изгнание пожизненным заключением. Мы можем сказать вместе с Жаном Кристианом Птифисом, что «это единственный в истории случай, когда право помилования было использовано для того, чтобы усугубить наказание».

Некоторые историки объясняют это тем, что Людовика привела в ярость попытка Фуке действовать через его возлюбленную. Как бы то ни было, но милосердия Августа тут нет и в помине.

Ожесточение короля возмутило порядочных людей. Фуке был отвезен в замок Пинероло^[55], где и умер в 1680 году. Что же касается судей, которые считали свои долгом быть беспристрастными, то с их карьерой было покончено.

Женщины

Людовик скучает с королевой; она очень мила, но в ней нет ни обаяния, ни веселости. Он начинает выказывать интерес к Генриетте Английской, жене своего брата, которая испытывает отвращение к мужу, оказывающему предпочтение лицам одного с ним пола, разукрашенному лентами и драгоценностями и благоухающему терпкими духами; причем вся эта мишура не скрывает его бесхарактерности и мягкотелости. Однако это не мешает герцогу Орлеанскому, когда Людовик позволяет ему отправиться на войну, выказать себя храбрым воином и способным командиром. На протяжении всей жизни он был «мировым судьей» в вопросах этикета, к нему все обращались за советами, и прежде всего сам король, если нужно было решить затруднительный для несведущих вопрос сословной иерархии; так что Месье был постоянно занят.

Отношения короля с невесткой заходят довольно далеко. Высокого роста, худая, сутулая, с отвисшей нижней губой, но с прелестным опаловым цветом лица, она конечно же понимает свою непривлекательность, а потому старается быть любезной. Ей 16 лет.

Отношения Людовика и Генриетты не остаются незамеченными. Месье жалуется матери. Анна Австрийская бранит Генриетту. Генриетта предлагает Людовику, чтобы отвести от себя подозрения, сделать вид, будто он ухаживает за одной из ее фрейлин. Они выбирают для этого Луизу де ла Бом ле Блан, девицу Лавальер, семнадцатилетнюю уроженку Турени, восхитительную блондинку (в те времена, как и позже в Голливуде, мужчины предпочитают блондинок), — голос которой способен растрогать даже вола, а взгляд — смягчить тигра.

И эта красotka, которая втайне давно уже сгорает от любви к нему, заставляет Людовика забыть Мадам. Святоши удручены. Молодой Боссюэ произносит негодующие проповеди. Мария Терезия, которая в этом 1661 году подарила Людовику старшего сына, Великого дофина, пребывает в неведении. Анна Австрийская, чье ближайшее окружение исполнено католических чувств, в отчаянии. Что делать?

А Людовик, вкушающий радость запретной любви, всё более отдаляется от враждебной его счастью религии. Он перестает исповедоваться, таким образом, лишая себя причастия и попирая свое звание Христианнейшего короля. На Пятидесятницу в 1664 году Месье

спрашивает его, собирается ли он готовиться к причастию. В ответ Людовик бросает, что, в отличие от него, не собирается лицемерить и ходить на исповедь только потому, что этого желает королева-мать.

Луиза де Лавальер родит Людовику четверых детей. В живых останутся двое: появившаяся на свет третьей в 1666 году Мария Анна, которая будет признана по закону, станет именоваться мадемуазель де Блуа, выйдет замуж за принца де Конти и умрет в Париже в 1739 году; и последний, родившийся в 1667 году и также узаконенный Луи де Бурбон граф де Вермандуа, который умрет в возрасте пятнадцати лет от злокачественной лихорадки.

В том же 1667 году Людовик подумывает о том, чтобы рассказать своему сыну, Великому дофину, почему он даровал Луизе де Лавальер титул герцогини де Вожур и признал их дочь мадемуазель де Блуа. Эти соображения он записал на полях своих «Мемуаров»: «Я счел справедливым обеспечить этой девочке почет, коего она заслуживает по рождению, и дать ее матери положение, достойное той любви, каковую я питал к ней в течение шести лет».

В мае 1667 года по дороге в Испанские Нидерланды, в интервале между взятием Шарлеруа и Турне, во время остановки в Авене мадам де Монтеспан наконец вознаграждает многомесячные ухаживания Людовика, к коим сама его и подтолкнула. Это сближение преображает короля.

Об этом рассказывает герцогиня де Лонгвиль, чья искушенность в делах любви не подлежит сомнению. Людовик, до недавнего времени удручающе неловкий с красавицами, внезапно обретает царственную непринужденность. Вспоминая неуклюжесть короля, своего кузена, Анна Женестьева де Бурбон герцогиня де Лонгвиль, сестра Великого Конде и возлюбленная автора «Максим» Ларошфуко, одна из самых знаменитых покорительниц сердец Великого века^[56], констатирует: «Теперь всё не так, как раньше, теперь он сам начинает разговор и умело его поддерживает, это совершенно другой человек».

Луиза не желает видеть в дарованном ей герцогстве Вожур прощальный подарок. Она отказывается признавать, что всё кончено, терпеливо сносит грубости Людовика и издевательства Франсуазы де Монтеспан, которой нет равных во Франции и Наварре в остро словии и свирепой насмешливости и которая обращается с ней как с горничной. Она терпит всё это до 1674 года, в конце концов удаляется в парижский монастырь кармелиток в предместье Сен-Жак и умирает в 1710 году.

Кончина ее оставляет Людовика совершенно равнодушным. «Она умерла для меня в тот день, когда удалилась в монастырь кармелиток», —

говорит он.

Подобное поведение вызывает возмущение.

В 1675 году Боссюэ добивается от Людовика обещания порвать с мадам де Монтеспан, которой версальский викарий отказывает в отпущении грехов и отсылает со словами: «Ступайте, мадам, прекратите ваше бесчинное поведение и тогда приходите преклонить колени перед служителями Иисуса Христа!» Данное королевское обещание выполняется в течение года. Но в конце концов Франсуаза де Монтеспан одерживает верх над вереницей мимолетных соперниц, ибо Людовик, перешагнувший сорокалетний рубеж, живет словно снедаемый жаждой чувственных наслаждений. Ему годятся все, пишет принцесса Пфальцская, лишь бы это были женщины: крестьянки, дочери садовников, горничные, знатные дамы и лишь бы они делали вид, что влюблены в него.

Среди последних, то есть знатных дам, отметим Элизабет де Грансе, Жанну де Рувруа, Лидию де Рошфор-Теобон, Шарлотту Элеонору де ла Мот-Уданкур и Аннуде Роган-Шабо, принцессу де Субиз, которая появляется на королевском ужине в изумрудных серьгах, дабы сообщить, что муж ее в Париже и что место свободно.

Что касается Франсуазы де Монтеспан, то Людовик XIV специально для нее строит близ Версаля дворец Кланьи, восхищенное описание коего оставила мадам де Севинье. Одержимая страстью к игре, фаворитка проигрывает целые состояния в бассет и ландскнехт^[57]. В 1678 году, в пору заключения Нимвегенского мира, завершившего Голландские войны (1672–1678), она находится на вершине преуспевания. У нее, можно сказать, королевская свита. У королевы же только один паж, и она выходит из себя: «Эта шлуха меня в гроб вгонит».

В конце концов она начинает надоедать Людовику. Она устраивает ему сцены, и благодаря острому языку ей всегда удается сконфузить его и поставить в тупик. Красота ее увядает. После рождения их седьмого бастарда, графа Тулузского, король избегает близости с ней.

А тут появляется только что прибывшая из Оверни Мария Анжелика де Скорай де Русий, девица Фонтанж. Ей восемнадцать лет, и она обладает красотой, «какой уже давно не видели в Версале», говорит Эзекиель Шпангейм, посланник курфюрста Бранденбургского в Париже. Людовик теряет голову от любви к ней, она — тоже. Она тотчас же начинает выставлять напоказ ту же роскошь и то же высокомерие, что и мадам де Монтеспан. Покинутая фаворитка теперь испытывает те же мучения, коим сама подвергала Луизу де Лавальер и всех других претенденток, которых Людовик удостаивал вниманием в пору ее первенства. Как и Лавальер, она

отказывается уступить свое место, и Людовик, которому всегда было неприятно идти на открытый разрыв^[58], еще долгие годы позволяет ей жить рядом с ним в ее роскошных апартаментах и время от времени посещает ее, правда, вполне платонически, движимый то ли учтивостью, то расчетом. Учтивостью — потому что она оставалась матерью его детей, расчетом — чтобы умирить придворные сплетни.

Мадам де Монтеспан упорно желала появляться везде и всюду, в результате чего разыгрывались удивительные сцены, описанные итальянским мемуаристом Прими Висконти: «Когда они присутствовали на мессе в Сен-Жермене, то обе садились перед королем, мадам де Монтеспан на хорах слева, а другая — справа, в то время как в Версале мадам де Монтеспан занимала место слева от алтаря, а мадемуазель де Фонтанж — справа. Они молились, держа в руках четки или молитвенник, как святые, в экстазе возведя глаза к небу. Действительно, двор — это одна из самых замечательных комедий на свете».

Мария Анжелика задает тон. Если во время охоты в Фонтенбло она подвязывает лентой выбившуюся прядь волос, то на следующий день это делает весь двор и весь Париж. Прическа «а-ля Фонтанж» до сих пор упоминается в словарях. Но счастье той, что ее придумала, оказалось не столь уж продолжительным. Год спустя Людовик уже скучает. Красотке находится замена. Похоже, она была глупа, но вряд ли это было единственной причиной ее опалы.

Тем не менее, как ранее король сделал Лавальер герцогиней де Вожур, теперь, также в качестве последнего подарка, он даровал Марии Анжелике титул герцогини де Фонтанж и пенсию в 20 тысяч ливров, что было вполне достойным вознаграждением. Она потеряла преждевременно родившегося сына и год спустя, так окончательно и не оправившись, умерла в Пор-Рояле в Париже.

Любовницы Людовика Луиза де Лавальер, Франсуаза де Монтеспан, Мария Елизавета де Людр, Мария Анжелика де Фонтанж да и другие, менее известные, по большей части оканчивали свою жизнь в монастыре.

Только Франсуазе д'Обинье, вдове Скаррон, маркизе де Ментенон, удалось, как говорится, взять главный приз: после смерти Марии Терезии она выходит замуж за короля, этим браком добавив завершающий штрих к своей судьбе, одной из самых удивительных судеб Великого века. Она была внучкой Агриппы д'Обинье, большого поэта, сражавшегося пером и шпагой, и дочерью ничтожного авантюриста, закоренелого негодяя, который убил свою жену и ее любовника, вторую жену оставил без средств

к существованию, жил мошенничеством, скрывался и время от времени попадал в тюрьму. В 1647 году в Ла-Рошели Франсуаза и ее мать, вернувшиеся с Мартиники, просят милостыню у дверей иезуитского коллежа.

Две тетушки вытащили ее из этой нищеты. Первая, мадам де Мюрсан — протестантка, вторая, мадам де Нёйан — католичка. Она воспитана в двух религиях, но верх берет вторая. Ее поместили воспитанницей в монастырь урсулинок в Ньоре, но она отказалась принять постриг и вышла замуж за Поля Скаррона, скованного ревматизмом поэта, любителя фривольных шуток, который, беря ее в жены, обещает «научить ее всяким дурачествам». В его салоне на улице Нёв-Сен-Луи собираются парижские вольнодумцы. Франсуаза слушает их споры с той молчаливой сдержанностью, которую впоследствии будет сохранять в любых обстоятельствах на протяжении всей жизни. Скаррон умирает в 1660 году. Она поселяется сначала в монастырском пансионе на Королевской площади, затем в пансионе на улице Сен-Жак, которые можно назвать ее пансионами Воке^[59]. Анна Австрийская приказывает выплачивать ей две тысячи ливров пенсии. Прозванная «прекрасной индианкой» из-за того, что жила на Мартинике, она является украшением особняка семейства д'Альбре, где, будучи всего лишь бедной кузиной, она многим «разбивает сердца», ибо ее черные глаза полны очарования, а ее сдержанность пробуждает надежды.

В 1666 году она выбирает своим духовником аббата Гоблена, имеющего репутацию самого сурового наставника в Париже, где наследникам Торквемады^[60] несть числа. Это становится известно мадам де Монтеспан, которая тотчас же приглашает ее воспитывать своих детей. В 1672 году вдова Скаррон живет в доме на улице Вожирар вместе с тремя старшими королевскими бастардами, первый из которых вскоре умрет, второй станет герцогом дю Меном, а третий — графом де Вексеном^[61]. Король тайно приходит посмотреть на них и на нее тоже. Она показалась ему холодной и неприятной. В 1674 году узаконенные бастарды появляются в Версале, и «прекрасная индианка» вместе с ними. Мадам де Монтеспан начинает беспокоиться, и не без оснований. По-прежнему считая ее холодной, Людовик теперь находит ее привлекательной и с удовольствием беседует с ней. В конце года он назначает ей вознаграждение в 100 тысяч франков. Она приобретает владение Ментенон и становится маркизой.

Фонтанж давно забыта. В декабре 1681 года новоиспеченную маркизу

видят в карете короля. Она сидит около окна рядом с его величеством. Ей 45 лет. Ее «большие бархатные глаза с отблесками черного бриллианта, пухлые губы и приветливая улыбка, — пишет Жан Кристиан Птифис, — придают ей привлекательность прекрасного спелого плода». В 1680 году она становится полновластной фавориткой короля. Каждый вечер, между восемью и девятью часами, Бонтан, первый камердинер короля, провожает ее к государю, а затем приводит назад — «на глазах у всего света», пишет мадам де Севинье.

Ее благочестие страдает от этого. Чтобы хоть немного искупить свою вину, она старается сблизить короля с королевой, которая заявляет: «Господь послал мадам де Ментенон, чтобы вернуть мне сердце короля».

Мария Терезия умирает от сепсиса 30 июня 1683 года. А в ночь с 9 на 10 октября — в результате своего рода сговора между священниками и особо приближенными к королю святошами — в великой тайне совершается бракосочетание «короля-солнце» и Франсуазы д'Обинье. Сразу же после смерти королевы входящий в ближайшее окружение короля герцог де Ларошфуко советует маркизе не покидать короля, ибо тот нуждается в ней...

Служители Церкви — Боссюэ, архиепископ Парижский Арле де Шанвалон, духовник короля отец де Лашез — в восторге: коронованный сатир, кажется, успокаивается.

Людовик в «Мемуарах» подробно рассказывает о своих недозволенных связях, и кажется, что он пишет исключительно для себя самого, чтобы разобраться в собственных мыслях. Его поведение, уверен он, «не может быть примером для подражания».

«Поскольку государь всегда должен оставаться безупречным образцом добродетели, то никоим образом нельзя поддаваться слабостям, свойственным всем прочим людям, тем более что оные слабости не могут сохраняться в тайне и сие прекрасно ему известно».

Он не скрывает своих порочных увлечений и не собирается от них отказываться, но принимает необходимые меры предосторожности, дабы уменьшить их отрицательные последствия.

Первое: «Нельзя предаваться любовным увлечениям в ущерб делам».

Второе: «Мы должны оставаться господами своего рассудка и не смешивать нежности влюбленного с решениями суверена; а дарующая нам наслаждение красавица не может позволять себе говорить с нами ни о наших делах, ни о людях, кои служат нам при управлении оными».

Ибо женщины опасны.

«У них всегда наготове какой-нибудь совет, с помощью которого они желают либо добиться возвышения, либо сохранить свое положение». Противостоять им «есть настоятельная необходимость, и история дает нам столько гибельных примеров того, как вследствие пренебрежения оной угасали знатные дома, рушились троны и гибли империи».

Ныне подобный здравый смысл именуется женоненавистничеством. Но Людовик никогда от него не откажется. Вот еще один пример.

В 1665 году в присутствии Летелье, Лионна, Кольбера, маршалов де Грамона и де Вильруа он пойдет дальше, заявив, что неспособен противостоять своим желаниям: «Вы мои друзья, и я могу полностью на вас положиться. Женщины обладают большой властью над мужчинами моего возраста. Я приказываю вам, коль скоро вы заметите, что женщина, кто бы она ни была, хоть в малейшей степени берет надо мной верх, тотчас же мне об этом сказать. Не пройдет и суток, как я избавлюсь от нее, удовлетворив ваше желание».

Это удивительное распоряжение никогда не будет исполнено, ибо никто из этих пяти доверенных лиц никогда бы на это не решился, за исключением, быть может, Кольбера, способного сказать нечто подобное в приступе раздражения. Но Людовик не отказывается от однажды произнесенных слов.

Однако можно не сомневаться в искренности его желания не смешивать свои любовные увлечения с делами: к женщинам он всегда будет относиться с недоверием: «Как только вы позволите женщине говорить с вами о важных вещах, она всенепреренно заставит вас совершить ошибку».

Много позже даже ставшая его женой мадам де Ментенон, чье влияние будет гораздо сильнее влияния всех любовниц Людовика вместе взятых и самой королевы (Мария Терезия никогда и не стремилась на что-либо влиять), будет отстранена от принятия каких бы то ни было решений. Но Людовик часто спрашивал ее: «Что думает об этом Ваша Надежность?» — как он спрашивал сотню других людей, ответы которых не были для него ни законом, ни изречениями пророков. Для продвижения своих фигур мадам де Ментенон всегда будет пользоваться окольными путями.

Когда однажды отец де Лашез заметил королю, что имя вычеркнутого из списка бенефициев принадлежит кандидату мадам де Ментенон, Людовик ответил: «Именно поэтому я его и вычеркнул; я не потерплю, чтобы она вмешивалась в эти дела».

Могущество и слава

Пока идет постыдный процесс Фуке, Людовик XIV размышляет о ремесле короля. Власть... Какая власть? И для чего?

Выражение «абсолютная монархия» приобрело в истории значение, весьма далекое от его истинного смысла. Для противников Старого порядка^[62] это синоним неограниченной власти; короли якобы могли делать всё, что хотели. Нет ничего более далекого от истины: абсолютный — означает «не связанный». Указать на это отличие не значит играть словами. Король, если он того желает, принимает решение сам, но не может решать всё. Он не обладает всеми правами. Обычай и эволюция общества, по крайней мере со времен Гуго Капета, не позволяют ему делать только то, что он хочет.

Боссюэ так определяет правила абсолютной власти монарха:

Государь никому не должен давать отчет.

Государь выносит окончательный приговор.

Государь не может подвергаться принуждению.

Но при этом короли не свободны от исполнения законов.

Это последнее положение ограничивает три первых. Каким законам должен подчиняться король, чтобы власть его была законна?

Монарх должен чтить божественные законы, которые накладывают больше обязательств, чем дают прав. Пренебрежение десятью Божественными заповедями освободило бы его подданных от обязанности подчиняться ему.

Монарх должен чтить естественный закон, наделяющий человека разумом, справедливостью и чувством долга. Король должен составлять законы, опираясь на разум и справедливость, ибо иначе его подданные не будут обязаны исполнять их. В 1685 году протестанты, с полным на то основанием, не согласятся с эдиктом, принятым в Фонтенбло и отменяющим Нантский эдикт, поскольку он равно запрещал им и эмигрировать, и отправлять свой культ.

И наконец, монарх должен уважать своих подданных. Он не может преступать уже существующие законы королевства и должен сообразовывать с оными свои собственные законы. В области частного права монарх не должен покушаться на собственность своих подданных; он не может ни присвоить себе их достояние, ни распоряжаться им по своей

воле.

Эти ограничения можно назвать теоретическими, однако существуют и практические ограничения.

В.М.

Король Франции Людовик XIII. Ф. де Шампень. Между 1622 и 1639 гг.

Королева Анна Австрийская. П. Рубенс. 1622–1625 гг.

Анна
Австрийская
с трехлетним
Людовиком

Подданные
приветствуют
юного короля
и королеву-мать.
*Первая половина
XVII в.*

Анна Австрийская с трехлетним Людовиком
Подданные приветствуют юного короля и королеву-мать.
Первая половина XVII в.

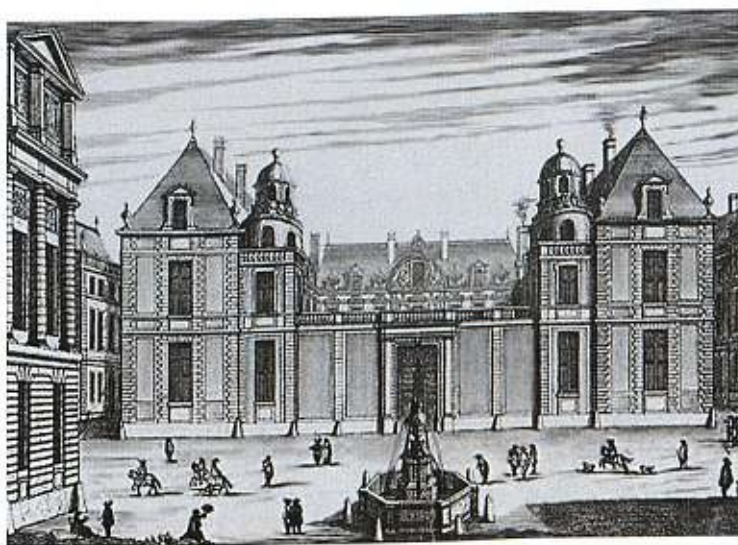

Людовик с младшим братом Филиппом герцогом Анжуйским. Первая половина XVII в.

Первый министр
кардинал
Джулио Мазарини.
П. Бушар. 1877 г.

Дворец Мазарини
в Париже

Первый министр кардинал Джулио Мазарини. П. Бушар.
1877 г.

Дворец Мазарини в Париже.

Сюринтендант
финансов
Никола Фуке.
Р. Нантейль.
1661 г.

Поместье Фуке
Во-ле-Виконт

Сюринтендант финансов Никола Фуке. Р. Нантейль. 1661 г.
Поместье Фуке Во-ле-Виконт.

Людовик XIV с братом Филиппом Орлеанским и Кольбером
посещает гобеленовую мануфактуру.

Гобелен по эскизу Ш. Лебрена. Между 1667 и 1672 гг.

Олимпия Манчини, первая любовь короля. П. Миньяр

Маргарита Виоланта Савойская, несостоявшаяся невеста Людовика. Около 1660 г.

Свадьба Людовика XIV и испанской инфанты Марии Терезии. 1660 г.

Слева — Олимпия Манчини, первая любовь короля. П. Миньяр.

Справа — Маргарита Виоланта Савойская, несостоявшаяся невеста Людовика. Около 1660 г.

Свадьба Людовика XIV и испанской инфанты Марии Терезии. 1660 г.

Государственный секретарь
Жан Батист Кольбер.
К. Лефевр. 1666 г. Фрагмент

Государственный секретарь
по военным делам
Франсуа Мишель Лувуа.
Я. Ф. Фут

Учреждение Академии наук и основание обсерватории.
А. Тестелен. 1667 г.

Слева — Государственный секретарь Жан Батист Кольбер. К.
Лефевр. 1666 г. Фрагмент

Справа — Государственный секретарь по военным делам
Франсуа Мишель Лувуа. Я. Ф. Фут.

Учреждение Академии наук и основание обсерватории. А.
Тестелен. 1667 г.

Людовик XIV с атрибутами королевской власти.
К. Лефевр (?). После 1670 г.

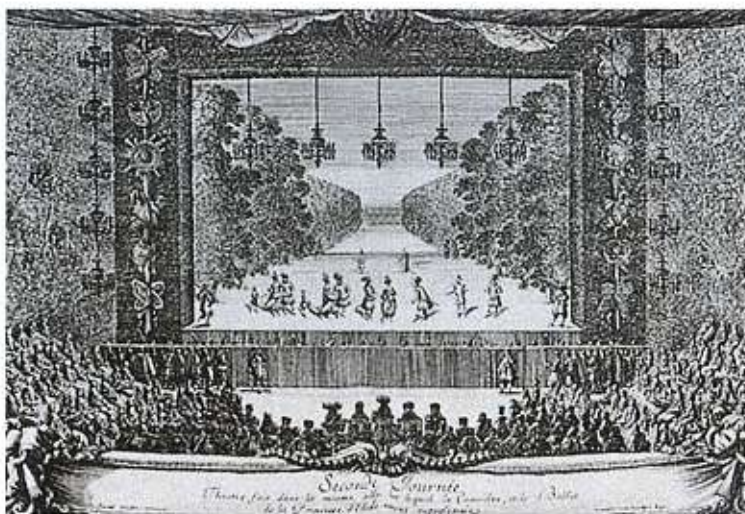

Королева Мария Терезия с Великим дофином. П. Мильяр.
После 1661 г.

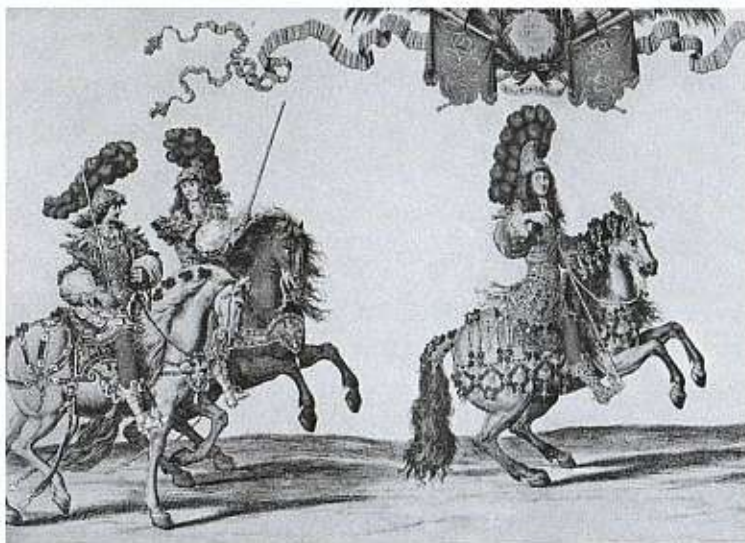
Людовик в ролях Солнца и Играющего на лютне в «Балете Ночи». 1653 г.

«Тартюф» в садах Версаля. Гравюра XVII в.

Людовик В ролях Солнца и Играющего на лютне в «Балете Ночи». 1653 г.

«Тартюф» В садах Версаля. Гравюра XVII в.

Король участвует в конном состязании — «карусели»

Людовик с принцами и придворными за любимой игрой — бильярдом. 1694 г.

Король участвует в конном состязании — «карусели»

Людовик с принцами и придворными за любимой игрой — бильярдом. 1694 г.

Людовик XIV. Ш. Лебрен. 1668 г.

Генеральные штаты не созываются, но провинциальные штаты действуют на трети территории королевства. Бретань и Лангедок успешно противодействуют притязаниям королевской администрации. Королю, вероятно, было проще отменить Нантский эдикт, чем направить интенданта в Ренн^[63].

Парламенты и другие высокие судебные инстанции (счетные палаты, палаты косвенных сборов и т. п.) сохраняют за собой право регистрации

королевских актов. Людовик XIV ограничил их власть имеющимися в его распоряжении средствами, но они сохранили свои основные prerogatives, главной из которых осталось право регистрации. Законы становятся обязательными для исполнения лишь после их обнародования.

Монархия должна принимать во внимание интересы всех корпораций королевства — провинциальных, муниципальных, профессиональных, судебных. Во Франции всё является корпоративным. Эти корпорации вместе образуют само тело королевства. Они являются ретрансляторами общественного мнения. Едва привилегии одних оказываются под угрозой, другие тотчас же встают на их защиту. А потому власти приходится хорошенько подумать, прежде чем атаковать их.

Абсолютный монарх во Франции не может быть тираном.

Пьер Бейль, изгнанный из Франции философ-кальвинист, ставший, вопреки мнению своих современников, в том числе и кальвинистов, поборником терпимости (его перу принадлежит труд «Что представляет собой всецело католическая Франция в царствование Людовика Великого», где он не оставляет камня на камне от воззрений иезуитов, добившихся от короля сожжения его «Общей критики "Истории кальвинизма" отца Мембурга»), превозносит власть королей и заявляет, что единственным действенным средством не допустить во Франции гражданских войн является абсолютная власть монарха, мощная и обладающая необходимыми средствами, чтобы внушать страх.

Отец Кенель, изгнанный из Франции янсенист, чьи книги имели такой успех, что Людовик, безуспешно пытавшийся отправить его в заточение, в конце своего царствования добился от папы Климента XI направленной против него буллы *Unigenitus*, утверждает, что в короле следует видеть наместника Бога, что ему следует подчиняться и покорно склоняться перед его властью.

Две главные жертвы нетерпимости своего времени, и прежде всего королевской нетерпимости, тем не менее с удивительной твердостью и решимостью выступают в защиту государя.

Людовик намерен полностью взять на себя обязанности короля, быть королем постоянно, днем и ночью, всегда и везде, воплощая на высшем уровне народ и нацию. Обеспечивать общее благо, достижение коего является его главной целью и суть коего понятна лишь ему одному. Ему одному ведома цена королевства, каковая несопоставима с суммой частных интересов всех его подданных, пусть и являющейся фундаментом королевства, ибо лишь королю известна истинная ее значимость. Таково его убеждение.

В своих «Мемуарах» в 1667 году он, как мы уже видели, высказал свое мнение о женщинах и о том, каковы должны быть отношения с ними. Другое его замечание свидетельствует, что он понимает разницу между тем, к чему его обязывает звание короля, и его личностью^[64]. «Он ясно понимает, что королевская власть от Бога, но король — не Бог», — констатирует историк Птифис.

Абсолютная независимость королей в земной жизни вытекает из этой доктрины. «Король зависит только от Бога и от своего меча», — пишет Людовик в 1661 году.

В 1662 году, обращаясь к идее Гоббса, английского сторонника абсолютной монархии, чьи труды были опубликованы во Франции двумя годами ранее, он утверждает, что понятие общего интереса недоступно отдельному человеку и что порядок в обществе возможен лишь в том случае, если человек отказывается от своих естественных прав в пользу государя, ибо только последний может действовать во благо государства: «Покорность и уважение, кои нам выказывают наши подданные, являются с их стороны безвозмездным даром; в обмен они ждут от нас справедливости и защиты, поскольку они должны почитать нас, а мы — охранять и защищать их».

Следуя этой концепции, король признаёт, что несет обязательства перед бедными: «Если Господь своей милостью позволит мне осуществить то, что я задумал, я постараюсь, чтобы благоденствие моего правления если и не уничтожило богатых и бедных, ибо таковые всегда будут существовать в силу различия в уме, искусности и просто в везении, то хотя бы позволило ликвидировать в королевстве бедность и нищету, то есть сделать так, чтобы даже самый бедный человек был обеспечен средствами к существованию либо благодаря собственному труду, либо благодаря регулярно предоставляемой ему помощи».

Эти великолепные намерения требуют средств, которых в королевстве никогда не будет. В том же 1662 году, когда были написаны эти строки, тысячи человек умирают от голода в областях, расположенных к северу от Луары. Единственное, что можно было сделать, так это раздавать ничтожную толику зерна и денег во дворе Лувра, а в других местах — некоторое количество продуктов, закупленных в Бретани, Аквитании и даже польском Данциге.

Король понимает, сколь опасно не иметь другого советчика кроме своей совести: «Гораздо легче подчиняться вышестоящему человеку, чем самому себе, а когда тебе доступно всё, чего ты хочешь, совсем непросто хотеть лишь того, что должно».

Только страх перед Богом может останавливать короля. Как и все в то время, Людовик верит в постоянное вмешательство в дела людские Господа, чьего суда не избегает никто: за ошибки приходится платить полной мерой, и злодей рано или поздно получает по заслугам.

Людовик, к счастью, — он сам об этом говорит — защищен от возможного превышения власти своим особым, высшим и исключительным пониманием общего блага. Истинной опасностью, угрожающей его подданным, является не отсутствие у него чувства меры, а злоупотребления его министров: «Мы имеем дело не с ангелами, а с людьми, в коих безграничная власть всегда рождает искушение воспользоваться оной».

А посему выбирать их следует среди людей скромного звания, дабы иметь возможность вернуть их к прежнему ничтожеству, коль скоро они уклонятся от прямого пути. Вот как объясняет он это своему сыну: «Скажу вам совершенно откровенно, что не в моих интересах было выбирать служителей более знатного рода. Мне нужно было, прежде всего, утвердить свою собственную репутацию и, выбирая людей такого ранга, дать всем понять, что я не намерен делить с ними мою власть. Мне было важно, чтобы они не возымели притязаний на места более высокие, чем мне будет угодно дать им; а сие весьма затруднительно, коль скоро касается людей высокородных».

Как же правит он, исходя из этих принципов?

При помощи совета, именуемого Королевским или Узким советом. Это объединение различных советов, главными из которых являются Высший совет и Финансовый совет. Первый, называемый также Государственным советом, собирается три раза в неделю и включает лиц, назначенных королем и имеющих звание государственных министров. Этот совет занимается общими делами и включает в себя от трех до семи членов. Королевский Финансовый совет взял на себя обязанности сюринтендантства под председательством короля. В него входят президент совета и три советника, один из которых является интендантом финансов, каковым, с момента его создания, стал Кольбер. Он также собирается три раза в неделю. Совет депеш, возглавляемый королем, рассматривает доклады интендантов и губернаторов и составляет ответы.

Король старается не отгораживаться от народа системой прошений, называемых *placets*. *Placet*, по определению словаря Литтре^[65], есть краткое письменное прошение, имеющее целью добиться справедливости, прощения или какой-либо милости. Сии прошения были пережитком

старинной юстиции времен первых Капетингов.

«Я уведомил, — писал король дофину, — что, каких бы дел это ни касалось, с просьбами о помиловании следует обращаться прямо ко мне. Таким образом, я получал подробные сведения о положении моих подданных. Они видели, что я думаю о них, и сие, как ничто другое, заставляло их любить меня».

В Версале по понедельникам в зале лейб-гвардии ставят стол, куда можно класть прошения. Лувуа^[66] поручено разбирать прошения и через неделю приносить их в совет, где их распределяют среди соответствующих государственных секретарей, каковые еще через неделю представляют свои доклады. Людовик накладывает свою резолюцию: «отказать», «удовлетворить» и «король примет к рассмотрению», последнюю — если желает подумать, прежде чем дать ответ.

Сколь бы велико ни было могущество короля, у малочисленной администрации, очевидно, всё же есть возможность противодействовать злоупотреблениям власти. Когда Людовик взошел на трон, центральные административные структуры были исключительно слабыми и оставались таковыми на протяжении всего его царствования, несмотря на некоторые усовершенствования.

Численность «государственных служащих» так ничтожна, что сейчас совершенно невозможно представить, каким образом их хватало для управления двадцатью миллионами подданных, коих разделяли бесчисленные отличия: не менее двадцати диалектов, множество таможен, особые местные обычаи и вкусы.

Основное ядро, на котором держится все управление Францией, состоит из восьмисот человек. Оно включает короля, членов совета, государственных секретарей, государственных советников, докладчиков, начальников канцелярий и их подчиненных. Это ядро прибегает к услугам должностных лиц, занятых в финансах, юстиции и полиции. По подсчетам Кольбера, в 1665 году было 45 780 человек. Они являются владельцами своих должностей, они их купили у государства, и многие из них, однажды заплатив, считают, что теперь как держатели долговых обязательств имеют право на постоянные выплаты от государства. А посему они не видят необходимости выказывать особое усердие в трудах, что наносит ощутимый урон делу.

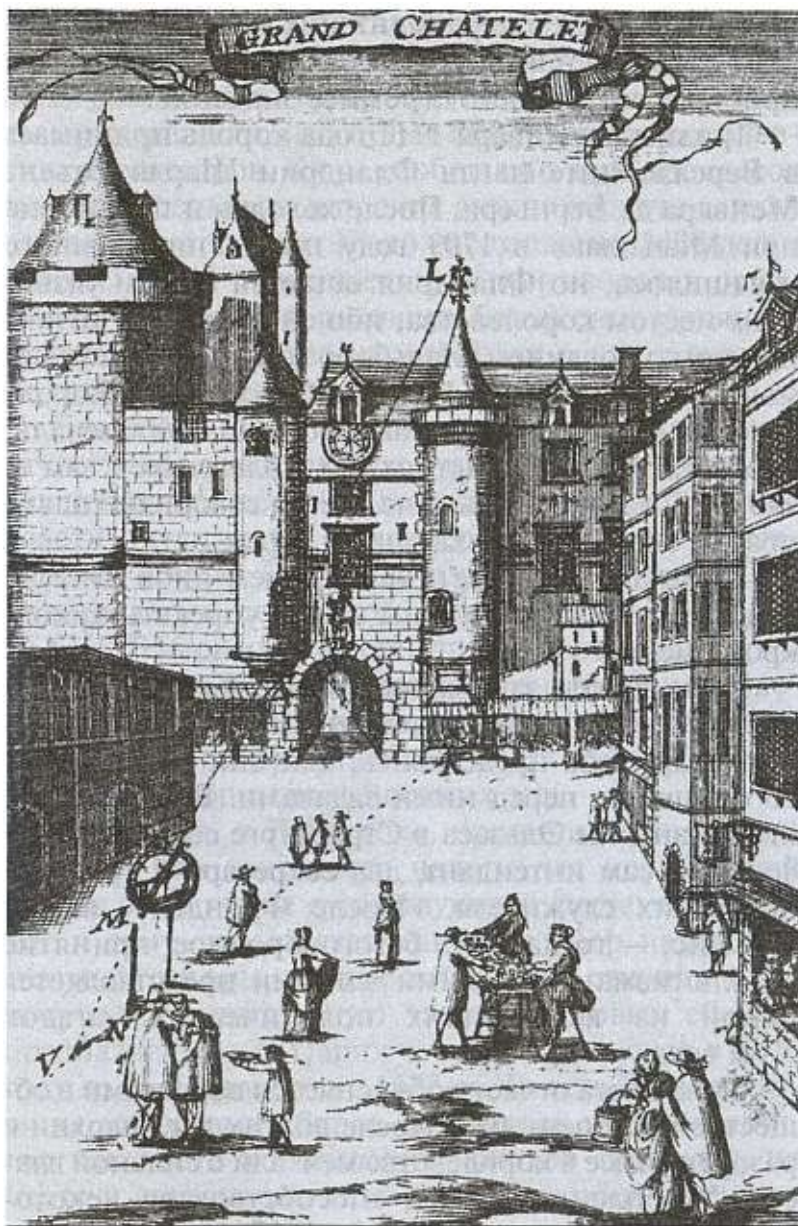
Те, на кого возложено исполнение различных обязанностей, — 27 бригад конной полиции, канцелярские служители, ответственные за

производство арестов в Шатле^[67], охрана Главного прево Франции (придворная полиция), парижская стража, судебные исполнители откупного ведомства — насчитывают всего лишь несколько тысяч. Им нелегко справляться со всеми этими обязанностями.

Чтобы пересечь Францию с севера на юг, нужно 22 дня, а с востока на запад — 19.

Численность должностных лиц остается неизменной до конца царствования Людовика XIV. 31 комиссар отвечает за управление страной. Их еще называют «интендантами юстиции, полиции и финансов». Слово «юстиция» дает им власть над королевскими и сеньориальными судами. Слово «полиция» в ту пору является синонимом администрации. Слово «финансы» включает фиск и экономику, налоги и производство. Огромная власть сосредоточена в руках горстки доверенных лиц.

Их 18 человек в финансово-податных округах и 12 — в провинциях, имеющих свои «штаты», которые сами определяют размер налогов, и в «новых» провинциях. Их выбирают из числа государственных советников и парламентских докладчиков. Король принимает их всех поочередно, и эти контакты приобретают для него огромное значение.

Большой Шатле. 1650 г.

Тридцатого января 1711 года король принимает в Версаче интенданта Фландрии Шарля Этьена Меньяра де Верньера. После холодов и поражения при Мальплаке в 1709 году положение намного улучшилось, но Фландрия остается самым уязвимым местом королевства, ибо ей грозят англичане под командованием Мальборо и имперцы под командованием принца Евгения Савойского. Король говорит: «Раньше вы не раз сообщали

мне о печальных и тягостных событиях; но я благодарен вам за это, ибо я хочу, чтобы мне всегда говорили только правду, сколь бы горька она ни была».

Интендант отвечает: «Если в чем-либо имеется недостаток, вы не должны за это упрекать никого кроме меня».

Интенданты занимались всем, имея столь ничтожное количество подчиненных, что сейчас невозможно себе представить, как они справлялись со стоящими перед ними задачами. В 1710 году в интендантстве Эльзаса в Страсбурге состоят шесть человек: сам интендант, два секретаря и три канцелярских служащих. «После Фронды, — пишет Птифис, — тогдашнее безоговорочное принятие абсолютизма городскими элитами представляется одной из величайших политических загадок XVII века.

Загадка эта отчасти объясняется царящими в обществе настроениями. После долгих лет анархии и разорения все в королевстве мечтали о сильной власти. Укреплению власти способствовали некоторые предпринятые ею в 1665–1667 годах действия, в частности выездные заседания судей в Оверни, в Клермоне и Пюи, а также в Ниме и других городах и провинциях, где судили занимавшихся разбоем сеньоров. Особую торжественность этим заседаниям придавало то, что судьи имели статус королевских комиссаров. Кюре сообщали о ходе процессов по воскресеньям, а в прочие дни недели это делали глашатаи на улицах. Было рассмотрено 1400 дел и вынесено 340 обвинительных приговоров в отношении дворян, совершавших незаконные деяния; правда, большинство из них были осуждены заочно, так как бежали в горы.

Безоговорочное принятие этого абсолютизма отчасти объясняется тем, что король и Кольбер осуществляли перемены постепенно. Расширение власти интендантов — непосредственных представителей короля («королей в своей провинции») — подвергалось серьезной критике при Людовике XIII. Теперь их компетенция была сведена к роли инспекторов, их обязанности ограничивались ведением расследований и вынесением судебных решений. А сбор государственных налогов был доверен особой категории должностных лиц.

Например, в Лангедоке, провинции, имеющей «штаты», где взимаются налоги для королевской казны, сохранение существующей системы приводит к тому, что ответственные за сбор налогов — знатные сеньоры, должностные лица, откупщики — получают значительную часть налоговых сборов, предназначенных Парижу: от 29,6 процента в 1647 году до 36,4 процента в 1677-м. То есть более половины налоговых сборов оставалось в

провинции, так как часть королевских доходов тратилась на месте и шла на военные расходы и общественные надобности. Ничьи интересы не ущемлялись, и король всё же достаточно получал от Лангедока, а сложившийся там модус вивенди^[68] позволял должностным лицам присваивать себе дополнительную часть прямых налогов. Таким образом, местная олигархия способствовала укреплению абсолютизма: «все были в выигрыше».

Пример Лангедока не является единственным. Повсюду в основе соглашения с королевской властью — подчинение и обогащение. Существование взаимной заинтересованности делало ненужным увеличение числа непосредственных агентов государства, то есть тех, кого сейчас именуют чиновниками.

Рутинa и пропаганда

Людовик XIV вскоре приобретает репутацию человека, по которому можно сверять часы. Он с неукоснительной пунктуальностью следует однажды заведенному распорядку. Сен-Симон^[69] позже напишет: «Имея календарь и часы, можно было, даже находясь за 300 льё^[70] от Версаля, сказать, что он в данный момент делает».

В половине восьмого первый камердинер, который спит на полу у постели Людовика, говорит ему: «Сир, пора вставать!» Он снимает ночную рубашку, окропляет себя святой водой, и начинаются аудиенции: малая утренняя аудиенция, большая утренняя аудиенция. Во время первой в покои короля входят главный камергер, первый камергер, главный гофмейстер и гардеробмейстер, первые камердинеры и кое-кто из привилегированных сеньоров.

Людовик всё еще в постели, моет руки одеколоном и читает молитву. Он встает, надевает домашние туфли, шерстяную рубашку и халат с цветными узорами или в полоску; первый цирюльник снимает с него ночной колпак, надевает на него короткий парик и через день бреет его.

Следом появляются личный врач и хирург, главный аптекарь, секретари кабинета, казначей и дворяне, имеющие особую привилегию видеть короля на стульчаке.

Большая утренняя аудиенция начинается с появления в опочивальне короля посетителей, число коих иногда доходит до сотни. Кардиналы, послы, герцоги и пэры, маршалы Франции, губернаторы, министры, которые видят вблизи или издали, как король облачается в рубашку, повязывает галстук, надевает туфли с квадратными носами и перчатки. После чего король преклоняет колени для молитвы, и все уходят. Окончив молитву, он идет в свой кабинет, где «сообщает пароль» на этот день в присутствии Великого дофина, сыновей и внуков — принцев крови Франции, числом около пятнадцати, узаконенных бастардов и первых камердинеров. На этом утренняя аудиенция оканчивается.

Месса занимает его с девяти до десяти часов.

С десяти до половины первого король проводит заседание совета. В час дня он обедает. В три часа он выходит на воздух, на прогулку или на охоту, причем охоте с ружьем предпочитает псовую. В пять или в шесть часов, в зависимости от времени года, он присутствует на вечерней службе,

а в семь часов ведет еще одно заседание совета.

Но время от времени распорядок нарушается. По вторникам, четвергам и субботам состоятся «собрания»; иначе говоря, король устраивает приемы для увеселения своего двора. Салоны открываются в семь часов. Людовик обожает бильярд и иногда играет до девяти часов. Затем имеют место ужин и бал, который длится до полуночи. В 12 часов он ложится спать. Отход ко сну — это последняя церемония, которая длится до часу ночи, когда, наконец, гасят огни. Позже, за исключением дней «собраний», он станет проводить два часа, с восьми до десяти вечера, у мадам де Ментенон.

Власть неотделима от общего блага. «Мемуары» Людовика достаточно красноречиво говорят об этом; и это не просто перечисление благих намерений, как могло бы показаться при поверхностном их прочтении. Всеобщее благо...

Для любого короля того времени оно зависит от мира, но еще более — от войны. От мира внутри страны и войны за ее пределами, ибо государи того времени стремятся к расширению своих владений. Царствовать — значит завоевывать. Кто не продвигается вперед, тот отступает. Только торговцы, в Венеции или Амстердаме, довольствовались бы миром, если бы их оставляли в покое; но, увы, соперничество между ними так велико, что они также вынуждены сражаться.

Людовик XIV будет стремиться к расширению своих владений до тех пор, пока сила будет на его стороне, чтобы защищать себя, скажет он, от «дурных намерений» своих соседей. И, по всей вероятности, говорит он это искренне.

Но до каких пределов защищать себя? Вопрос этот является наиважнейшим. Из ответа на него следует, что Людовик был либо завоевателем в чистом виде, из тех завоевателей, что никогда не останавливаются, либо благоразумным монархом, думающим об увеличении своего могущества, но сознающим пределы своих возможностей.

Результаты всех его войн позволяют сделать однозначный вывод: Людовик XIV был гораздо более благоразумен, чем Наполеон или, к примеру, Бисмарк. (Аннексия Эльзаса и части Лотарингии в 1871 году будет иметь непосредственным следствием первый крах Германии в 1916-м, а рикошетом — и второй в 1945 году.)

Нужно признать, что он всегда проводил достаточно взвешенную

политику, хотя он вполне мог бы идти гораздо дальше, чем он это делал, по крайней мере, в ту пору, когда сила была на его стороне, то есть в течение тридцати лет.

Обладание пресловутым левым берегом Рейна, которое было мечтой Революции и Империи, на протяжении многих лет царствования Людовика оставалось вполне реальным. Однако он упорно от этого отказывался вопреки советам своих генералов и общественному мнению, которое, что совершенно необъяснимо, было настроено на экспансию.

Одной из причин его сдержанности было нежелание нарушать династическое право: в отношениях между законными монархами, то есть монархами милостью Божьей, должны были соблюдаться определенные правила. Поэтому он воздерживался от аннексии Лотарингии, где герцоги правили на законных основаниях, несмотря на вполне естественное и обоснованное для короля Франции желание сделать это.

Полный кипучей энергии Людовик решает закончить Деволюционную войну^[71] на столь великодушных условиях, что приводит в отчаяние Тюренна. Тот выходит с заседания совета словно оглушенный, а Лувуа — в состоянии, близком к апоплексии. 11 лет спустя в Нимвегене, завершая войну с Голландией, он многое приобретает, но многое из завоеванного и отдает. В 1697 году в деревне Рисвик, заканчивая войну против Аугсбургской лиги^[72], он вернул почти всё, сохранив только Страсбург, чем вызвал бурю возмущения во Франции. Даже мадам де Ментенон с ее евангельским миролюбием увидит нечто постыдное в возврате того, что было завоевано с таким трудом и за что было пролито столько крови. В 1713 году, в конце войны за испанское наследство, он уже не сможет делать такие подарки, будет сражаться до последнего, чтобы прийти к заключению не самого унижительного мира, и добьется успеха.

Первое и единственное, к чему он стремится, — это «округлить свои владения», что отнюдь не выдает в нем претендента на мировое господство.

Однако этот не стремящийся к мировому господству человек одержим жаждой славы. Сей парадокс не мог не ввести в заблуждение всю Европу, так и не понявшую, что за этой намеренной демонстрацией величия скрывается глубокая осторожность. В нем видели — или желали видеть — всего лишь неисправимого гордеца, который приказывал украшать свои дворцы картинами, где он был изображен великолепным победителем, ибо любая, даже самая незначительная стычка превозносилась как подвиг,

превосходящий все деяния Александра Македонского (пример тому — переправа через Рейн, а на самом деле — через мелководный приток, который французы, в 20 раз превосходящие числом противника, преодолели совершенно беспрепятственно); гордеца, который приказывал чеканить медали со своим изображением, ибо ему одному приписывались лавры любых деяний, будь то даже морское сражение, имевшее место за тысячу льё от Версаля, в котором он вряд ли мог участвовать, ибо ступил на борт корабля только один раз, в Дюнкерке, где всего лишь делал вид, что командует боем, ибо не имел ни малейшего представления о том, как это делается.

Любые великие деяния должны были выглядеть его заслугой. Зеркальная галерея является апогеем этого почти языческого прославления государя, чем-то напоминавшего римские панегирики: бесчисленные превозносящие его изображения часто представляют его в образе древнего римлянина. Ворота Сен-Дени^[73] являются еще одним тому свидетельством. Людовик неустанно совершенствовал эту прославляющую его систему, созданную Анной Австрийской и Мазарини, с тем чтобы после Фронды укрепить национальное единство, объединив французов вокруг короля. Придворный энтузиазм подогревал это мифологическое обожествление короля, а он не только этому не препятствовал, но даже поощрял.

Ворота Сен-Дени. 1698 г.

Людовик был единственным в свое время правителем, который до такой степени превозносил королевскую власть. Да и ранее ни один король не прославлялся таким образом со времен Римской империи, где императоры были богами. Сейчас всё это выглядит чрезмерным и неуместным, как, впрочем, и 300 лет назад.

Но чрезмерно это лишь по форме, по внешнему выражению, ибо над

королем есть Бог; власть, именуемая абсолютной, была гораздо более ограниченной, чем многие формы власти, возникшие впоследствии. А все виды прославления — архитектурные, нумизматические, живописные и скульптурные, — напоминающие век Августа, на самом деле не слишком отличаются от культов тех идолов, которые появились в XX веке и чьи имена нет нужды называть. Культы эти ни в чем не уступают прежним с точки зрения пропаганды и бесконечно превосходят их в изощренности и даже своего рода наивности.

Этот перманентный апофеоз долгое время имел несомненный успех, как если бы народ разделял убеждение Людовика в том, что он является воплощением народа и что его величие есть величие народа.

Пропаганда... Современные историки согласны с тем, что ни о чем другом не было и речи. «Весь этот фимиам, — считает Франсуа Блюш, — был чистой воды пропагандой, каковая должна была укреплять лояльность подданных». Хвалить короля — значит превозносить государство, армию, закон, великих людей королевства, наконец, Францию. Вот так.

Блюш опирается здесь на мнение принцессы Пфальцской^[74], которая пишет в 1701 году: «Как-то я спросила одного разумного человека, почему во всех писаниях постоянно превозносят короля, и услышала в ответ, что всем издателям было дано особое распоряжение печатать лишь те книги, где восхваляется король, и что делается сие ради подданных. Французы обычно много читают, а поскольку провинции читает всё, что приходит из Парижа, то восхваления короля внушают им почтение и уважение к нему. Вот для чего это делается, а вовсе не для короля, который этого не видит и не слышит, с тех пор как больше не посещает оперу».

Стало быть, на сей раз король ничего не знал.

Но в конце концов эти гиперболические прославления начинают вызывать тревогу. Сколь бы велико ни было усердие сикофантов^[75], нельзя превозносить всё: поражения, голод, несчастья последних лет — эту суровую реальность, так мало похожую на абстрактное величие.

Заграница никогда не позволяла вводить себя в заблуждение. Но всё же там приняли за чистую монету латинские надписи на медалях и картинах, французские элегии, оды и панегирики, ежедневно с маниакальным упорством восхвалявшие Людовика, «величайшего короля в мире». Нумизматическая реклама этого царствования насчитывает 318 медалей в честь Людовика XIV, при этом 218 приравнивают его к Марсу, а 88 — к Юпитеру.

Вся Европа сочла, что он питает по отношению к ней «дурные

намерения», или же сделала вид, что так считает. Враги вскоре обвинили того, кто позволял называть себя величайшим королем в мире, в стремлении к мировому господству. А абсурдность этого обвинения сделала его особенно убедительным.

На протяжении всего царствования Людовика его изображали людоедом. Служившие Вильгельму Оранскому наемные памфлетисты, главным образом из Голландии, представляли его чудовищем гордыни и жестокости, в чем им немало помогали хорошо оплачиваемые исступленные измышления его французских сикофантов.

«Величие и великолепие» — таков был официальный девиз, и ему скрупулезно и даже увлеченно следовали те, чье положение и должность позволяли это делать: архитекторы, артисты, танцовщики, писатели, музыканты, художники и скульпторы. Сам Кольбер, этот холодный счетовод, внес свою лепту и, быть может, более весомую, чем кто-либо другой.

Эти два слова фигурируют на полях его заметок и сопровождаются восклицательными знаками, которые в общем контексте вовсе не выглядят символами осуждения: «Величие и великолепие!!!» Даже проповедники, почти все, включились в общий хор; самый знаменитый из них, Боссюэ, возносил Людовику неслыханные хвалы. Нужно было дождаться смерти короля, чтобы Жан Батист Масийон^[76], произнося надгробную речь, осмелился воскликнуть: «Один лишь Бог велик, братья мои, и особенно в последние мгновения, когда он призывает к себе земных владык!» Дерзость эта повергла всех в трепет. Пожалуй, только янсенисты и протестанты не поддались всеобщему опьянению и не объявили короля достойным райского блаженства.

О войне

Приступая к теме войны, под знаком которой прошло всё это царствование и которая являлась первой и неизменной заботой короля (одна война, едва закончившись, влечет за собой другую, к которой нужно готовиться), ставшей в конце концов самым важным делом в королевстве и «двигателем его экономики», нужно задаться вопросом: не лежит ли в основе этого неслыханный, доминирующий надо всем и вся эгоцентризм «короля-солнце», не является ли королевство (в стиле своего времени Людовик всегда называет его не просто королевством, а своим королевством, нужды которого, как он считает, известны ему лучше, чем кому-либо другому, и лишь он может их удовлетворить) своего рода алиби, маскировкой, скрывающей личную всепожирающую страсть, приводящую Нарцисса к полному безразличию к самому себе?

В таком случае войны^[77] «короля-солнце» были если не прихотью, то, по крайней мере, развлечением, одним из тех, о которых говорит Паскаль: «Король без развлечений является несчастнейшим из людей».

Как бы то ни было, но итог этого пристрастия оказался положительным. Воинственные предприятия короля позволили королевству возвыситься во всех отношениях, за исключением евангельского. Нужно признать, что беспредельный эгоцентризм Людовика XIV сыграл положительную роль, поскольку Франция сумела им воспользоваться и слава его царствования не померкла с окончанием его правления.

Принимая во внимание его убежденность в том, что лишь он один, по самой своей сути, может знать, в чем состоит общее благо, и искренне этого блага желает, — а желание это невозможно поставить под сомнение, — следует признать, что предметом этой могучей страсти был не только он сам, но и всё королевство с его подданными. А потому лишь внешние проявления этой страсти могут делать его в глазах боязливых душ коронованным чудовищем.

Это стало ясно в трагические дни Войны за испанское наследство, когда дорога на Париж была открыта врагу. Его обращение к народу 12 июня 1709 года разрушает все предположения относительно его личной одержимости одной идеей. Он обратился к французам как к соотечественникам, а не как к подданным, чтобы объяснить им, почему,

несмотря на военные неудачи и природные катастрофы — беспримерно суровая зима опустошила страну, — несмотря на всеобщую нищету, нужно продолжать сражаться. Людовик просит у народа поддержки и, не лицемеря, обращается к нему как к равному. И он получит ее, эту всеобщую поддержку.

Известно, что он, как никто, был охвачен жаждой славы, что всю жизнь он видел в ней свое самое драгоценное достояние.

«Жажда славы, безусловно, шла впереди всех прочих моих желаний», — напишет он. А посылая кого-нибудь из генералов найти выход из сложной ситуации, он будет напутствовать их: «Я доверяю вам мое самое драгоценное достояние — мою славу». Всё его наследие, самой наглядной частью которого является архитектура, говорит о его одержимости этой страстью.

Впрочем, слава в то время — это, прежде всего, военная слава. Тон задает Корнель: «Побеждать, не рискуя...» «Есть лишь одна подлинная слава — слава оружия», — напишет 100 лет спустя Вовенарг^[78], и мысль эта не вызовет ни у кого особых возражений. «Ноль смертей» — заманчивый идеал современных войн — не волновал умы 300 лет назад.

Общество XVII века оставалось феодальным. Если не принимать во внимание духовенство, средневековый престиж дворянства шпаги^[79] оставался неизменным, а его ценности — доминирующими. Буржуа мечтали приобщиться к ним; король сам подталкивал к этому тех, кого сделал своими первыми служителями. В этой среде они находили мужей для своих дочерей, а их сыновья по большей части стремились служить в армии.

Обязательного призыва в армию не существовало. Только дворянство было обязано нести военную службу; этот «налог крови» освобождал их от уплаты талы^[80]. В солдаты шли добровольно. В армию рекрутировались лишь те, кто был готов сносить удары и получать раны. Еще Паскаль говорил: «Все люди стремятся быть счастливыми. Из этого правила нет исключений. <...> Вот почему одни идут на войну, а другие нет; и те и другие движимы одним и тем же желанием, но преследуют разные цели».

Людовик вел четыре войны, длившиеся 33 из 54 лет его царствования: Деволюционную войну, войну с Голландией, войну с Аугсбургской лигой, именуемую также Десятилетней войной, Войну за испанское наследство. Три первые он начал сам. Последняя была ему навязана. Она длилась 11 лет, привела Францию к краю пропасти и завершилась скромным успехом.

Какими средствами ведется война? В 1659 году, когда был подписан Пиренейский мир с Испанией, армия насчитывала 250 тысяч человек (численность для той поры огромная); но это было сборище разрозненных войск, не имевших ни малейшего представления о дисциплине.

Мишель Летелье, в 1643 году ставший интендантом армии, а вскоре занявший пост государственного секретаря по военным делам, разделяет войско на пять частей и превращает это скопище разношерстных банд в постоянную организацию.

В 1666 году, через четыре года после того как Людовик взял власть в свои руки, армия становится истинно королевской. Летелье, человека скорее робкого и скромного, несмотря на его таланты организатора и администратора, будут до такой степени превозносить, что в нем станут видеть «часть самого короля».

Военная иерархия упрощена. Король назначает маршалов, генералов, командующих корпусами. Войска регулярно получают денежное довольствие, постоянно проводятся учения. Вновь построенные склады заполняются провиантом и боеприпасами. Вооружение приведено к единому стандарту, мушкеты замещаются ружьями, в артиллерии сокращается количество калибров.

Численный состав армии постоянно увеличивается: 50 тысяч человек в 1662 году, 72 тысячи — в 1667-м и в итоге — 380 тысяч.

Не строительство, а армия была первой страстью Людовика XIV. Еще и не помышляя о Версале, он с маниакальным усердием вникает во все детали военного дела. Будучи капитаном подразделений своей гвардии, он сам довольно часто проводит с ними учения, устраивает смотры и собственноручно составляет алфавитный список лиц, входящих в эти роты. Де Голлю такого и в голову не приходило.

Армия для него важнее всего: женщин, охоты, музыки и театра. Неустанное упорство и фантастическая тщательность — вот что отличает отношение Людовика XIV к армии. К концу жизни, во время Войны за испанское наследство, он будет знать как свои пять пальцев топографию Бельгии и рейнской и дунайской частей Германии, названия сотен деревень и деревушек, что позволит ему давать точнейшие распоряжения своим ошеломленным генералам. Что касается строительства, то он неотступно следит за ним, и архитекторы отнюдь не из вежливости, а скорее со стыдом вынуждены признавать его суждения безошибочными.

Армия — единственная организованная сила плохо управляемой нации, единство которой обеспечивается лишь священной особой короля и

его умением подавлять любые попытки раскола. На его пушках будет выгравирован латинский девиз: *Ultima ratio regnum* (Последний довод королей).

Армия будет выполнять самые разнообразные функции. Она будет поддерживать порядок в тех провинциях, которые пока еще не считают себя полностью французскими, а также обеспечивать поступление налогов, «обращение» в истинную веру протестантов и помощь пострадавшему от каких бы то ни было бедствий населению.

«Роль оружия, — считает Франсуа Блюш, — невозможно переоценить». А по мнению Жана Кристиана Птифиса, война была «основным экономическим двигателем королевства».

Одна Франция — факт в истории беспрецедентный — будет доминировать в Европе до конца этого царствования. Последствия несчастий, обрушившихся на страну во время Войны за испанское наследство, были устранены, и финал этого гигантского конфликта, подобного грядущим мировым войнам, не был несчастным. Итог его можно считать удачным для королевства.

Два человека, Кольбер и Лувуа, посвятили жизнь служению Людовику: первый отвечал за финансы, второй — за функционирование государственного механизма.

Вместе они будут обеспечивать своему господину гегемонию в Европе, первый — в течение пятидесяти лет на суше, второй — в течение тридцати лет на море. Появление в одной стране одновременно этих двух выдающихся личностей — явление уникальное, какого Европа не знала ранее и не узнает впредь; возможно, этим в значительной степени объясняется всё еще волнующее умы очарование века Людовика XIV.

Собака и кошка: Кольбер и Лувуа

Неожиданная смерть Кольбера и Лувуа — Кольбер, на 20 лет старше Лувуа, скончался в 1683 году, а Лувуа, который был лишь на год моложе короля, ушел из жизни в 1691-м — не уничтожила их влияния. Оба они стояли во главе двух самых могущественных кланов, возвысившихся при Старом порядке. По мысли короля, эти два клана должны были друг друга уравновешивать. Людовик, вплоть до конца своего правления использовавший принцип качелей, и своему сыну будет советовать не пренебрегать оным, ибо зависть одного часто позволяет сдерживать честолюбие другого. Эти кланы надолго пережили и тех, кто их возглавлял, и «короля-солнце».

Кольбер и Лувуа — оба были выдающимися организаторами. Оба были грубы и прагматичны.

В 1661 году Жан Батист Кольбер сразу же стал иметь большое влияние. Ему 43 года, у него за спиной богатый опыт, ведь он был правой рукой Мазарини. Он досконально знает механизм администрации, финансы для него — открытая книга. Поразительная работоспособность сочетается в нем с жадой действия. С королем он держится поразительно скромно, и тот питает к нему полное доверие, чему в царствование Людовика Подозрительного не сыщется подобных примеров. Кольбер желает знать абсолютно всё о тех делах, которыми занимается. Подробности — его страсть, которую разделяет король, требующий от него «подробнейших отчетов обо всем».

У Кольбера имеются большая семья, среди многочисленных членов которой немало талантливых людей, а также множество знакомых, в той или иной мере ему обязанных. За десять лет под его контролем окажутся все сферы, за исключением войны, но война поглотит всё.

Кольбер свалил Фуке и занял его место. В 1661 году он стал интендантом финансов, в 1664-м — сюринтендантом королевских строений, искусств и мануфактур (что сравнимо с нынешним министром культуры, только гораздо более влиятельным), в 1665-м — генеральным контролером финансов, а в 1667 году — секретарем по делам морского флота. И этот весьма внушительный список обязанностей отнюдь не является полным. Людовик XIV доверит ему воспитание своих побочных

детей от Луизы де Лавальер и Франсуазы де Монтеспан. Он воспитает их вместе со своими детьми — их у него десять — в исключительной строгости и скромности. Причем мадам Кольбер будет принимать в этом непосредственное участие.

Главная его задача — процветание королевства, выражаясь современным языком, экономический рост и повышение уровня жизни. Он умеет смотреть широко и далеко. Его страсть — море, морской флот, заморские страны, и он отстаивает, вопреки мнению Лувуа и даже несмотря на довольно вялую поддержку со стороны короля, необходимость освоения дальних территорий. Удрученный тем, что французы не спешат эмигрировать в Канаду, в то время как английское население будущих Соединенных Штатов постоянно растет, он проповедует смешанные браки между французами и индианками в ту пору, когда еще никто в мире не призывал к подобным союзам.

Увы, колонисты Квебека не спешат броситься в объятия дикароков, а Церковь, которая не разделяет идеи министра, опасаясь, что индианки обратят в язычество христиан, очарованных их прелестями, проваливает этот план.

Во Франции Кольбер опережает свое время, но Франция отстает от Голландии и Англии. Для него всё определяется экономикой, краеугольным камнем которой является торговля. Задача сформулирована безупречно, но добиться необходимых для ее решения увеличения денежных резервов и максимального ограничения импорта ему не по силам.

Образец для него — Ришелье, что раздражает и забавляет Людовика, который порой, посмеиваясь, говорит ему: «Ну вот, господин Кольбер опять будет толковать нам о великом кардинале...»

Работа — его религия. Он намеренно держит себя с ледяной холодностью, что отпугивает докучных и позволяет ему выигрывать время для дела. Убежденный и даже ревностный католик, он терпеть не может монахов (во Франции в то время имеется 250 тысяч монахов и монахинь), которые, во-первых, ничего не делают и, во-вторых, не производят на свет детей. Первой из названных причин объясняется и его ненависть к рантье. Протестанты, трудолюбивые и предприимчивые, внушают ему глубокое уважение. Известно, что прискорбная отмена Нантского эдикта состоялась лишь после его смерти; добросовестные историки сделали из этого вывод, звучащий высшей похвалой: пока он был жив, на это не могли осмелиться.

Людовик XIV так безоглядно полагается на него во всём, что однажды дает ему знаменитое распоряжение: «Я вам приказываю делать всё, что вы пожелаете». Естественно, он воспринял это как шутку.

Однако ему не удастся добиться бездефицитного бюджета государства. Выражение «абсолютная монархия» означает монархию, ничем не связанную, ибо король всё может решать один; но, будучи ограничен в своих действиях как обычаями, так и правами промежуточных институтов, он далеко не всегда волен в своих решениях. Единственная область, где он свободен от необходимости быть предусмотрительным, это расходы. Для того чтобы платить, есть Кольбер.

Личные траты короля на его гвардию, на Версаль, наконец, на войну приводят Кольбера в отчаяние, и он, контролер финансов, умрет с горьким сознанием того, что контролировать их не удалось, что монарх, которого он мечтал сделать самым богатым в мире, вынужден изворачиваться, чтобы изыскать необходимые средства.

Однако Кольбер, как и король, стоит за «величие и великолепие». Он скажет шевалье де Клервилю, интенданту фортификаций (его учеником и преемником был Вобан^[81]), поручая ему укрепление порта Тулон: «В нынешнем царствовании нет ничего мелкого и незначительного. Невозможно представить себе ничего более величественного».

Кольбера можно было бы назвать министром культуры, если бы такая должность существовала в то время. Он взял на себя заботу об этой сфере государственной жизни, не дожидаясь назначения на должность интенданта королевских строений. Главное предназначение искусства, считал он, заключается в том, чтобы прославлять короля и, более того, утверждать первенство Франции во всех областях знания. Он считает, что всё взаимосвязано, и никому не позволяет делать то, что ему вздумается. Художник Лебрен будет законодателем в искусстве, Шаплен^[82] — в литературе. У Лебрена есть такой талант, у Шаплена он отсутствует; он всего лишь автор «Девственницы», которую все безжалостно критикуют, а более других — Буало^[83], который наградит его прозвищем Девственник, чего Шаплен никогда ему не простит. Однако нужно признать, что он весьма начитан и у него хороший вкус. Вольтер пишет: «У Шаплена были огромные познания в литературе и, что удивительно, у него был вкус и он был одним из самых проницательных критиков». Кольбер поручает ему представить свои соображения для составления списка всех европейских писателей, в том числе французских, которые получают пенсию от короля, ибо пропаганда его царствования не должна ограничиваться пределами королевства. В список будут включены 88 имен, и надо сказать, что вознаграждение, которое будет определено для иностранцев, вызовет изрядное раздражение у некоторых государей. Папа прикажет одному из

удостоенных награды итальянцев отказаться от денег, а император удвоит сумму, назначенную одному из его подданных.

Выбор секретаря по вопросам изящных искусств Кольбер также поручит Шаплону. Это будет Шарль Перро, автор знаменитых «Сказок», назначенный генеральным контролером королевских строений.

Третьего февраля 1663 года Кольбер вместе с Шапленом, Перро и некоторыми другими создает небольшой совет, который закладывает основу будущей Академии надписей и изящной словесности, первоначально именуемой Малой академией, чье предназначение Людовик определяет следующим образом: «Я вам доверяю нечто, что мне дороже всего на свете, — мою славу» (Людовик никогда не боялся повторяться). Группа эта возьмет на себя сочинение текстов, целью коих и является сие прославление.

Кольбер, истинный библиофил, влюбленный в книги, переплеты, шрифты и иллюстрации, принимается за реформу королевской библиотеки. Он находит для нее великолепное помещение на улице Вивьен, рядом с собственным домом, и со временем фантастически ее увеличивает. Когда он взял на себя руководство библиотекой, она насчитывала 16 тысяч томов, к концу жизни Кольбера число книг в ней достигло 60 тысяч. Его собственную библиотеку, la Colbertine, также значительно пополнившуюся, купит Людовик. Сейчас она является одним из главных украшений Национальной библиотеки Франции.

Великолепные коллекции Фуке вызывали у Кольбера жгучую зависть: по сравнению с ним даже у короля, можно сказать, не было ничего. И Жан Батист с жаром принимается за создание первого в королевстве собрания предметов искусства. Он набирает команду «загонщиков», которые рыщут по Европе в поисках выдающихся произведений искусства. Лучше не присылать ничего, чем «заурядное и посредственное». В 1661 году у Людовика не было и двухсот картин, к концу жизни Кольбера королевская коллекция будет насчитывать две с половиной тысячи полотен.

Он берет под свою опеку мастерские Лувра, учрежденные Генрихом IV. Во дворце, как в улье, роятся мастера всех родов: там живут и работают чеканщики, краснодеревщики, граверы, ювелиры, художники, обойщики. К ним добавляются печатники королевской типографии; частные же типографии находятся под особым надзором, чтобы не допускать появления изданий подрывного характера. Однако это задача непростая, так как не хватает людей, а типографии возникают тут и там. Кольбер хотел бы сократить их число, но не слишком в этом преуспевает. Да к тому же есть еще и Голландия, где имеются отличные профессионалы, которые

вовсе не стремятся курить фимиам «королю-солнце».

Кольбер — «мэтр Жак»^[84] абсолютной монархии.

В 1662 году у Кольбера появляется соперник — молодой Лувуа, соперник тем более нежелательный, что является наследником клана Летелье, утвердившегося в коридорах власти раньше, чем клан Кольбера, клана, приобщенного к делам еще при Ришелье и возглавлявшегося тогда Мишелем Летелье.

Возвышение молодого Лувуа, который вскоре станет контролировать огромную сферу военных дел, настолько подорвет влияние Кольбера, что не раз будет казаться, что его вот-вот постигнет опала.

Франсуа Мишель Летелье, маркиз де Лувуа, съёр де Шаваль, был третьим сыном Мишеля Летелье, создателя современной армии, который занимал столь высокое положение в государственной иерархии при Мазарини, что даже надеялся быть его преемником, пока не убедился в необходимости отказаться от подобных замыслов. Франсуа, как и его отец, стал государственным секретарем по военным делам и государственным министром. В 1655 году, когда ему было четырнадцать с половиной лет, отец добился для него приобщения к своей должности. Официально Франсуа занял его место в 1677 году, когда Мишель Летелье был назначен канцлером Франции; но уже с двадцати двух лет он время от времени исполнял его обязанности, так как король в 1662 году разрешил ему подписывать документы в отсутствие отца, а отсутствовал тот весьма часто.

В 1665 году он приобретает неограниченную власть в этом ведомстве, которое остается самым влиятельным до конца царствования Людовика XIV и еще довольно долго после его смерти. Но в то время Франция еще не воюет, а король без ума от своих замечательных полков и обожает маневры и парады, которые всенепременно должны быть грандиозными и стоят кучу денег. Лувуа поощряет эти наклонности, которые ему самому придают значимости.

Деятельность Летелье внутри военной администрации до такой степени утвердила превосходство канцелярской службы — пера — над аристократией шпаги, откуда родом все генералы, что Людовик стал допускать людей недворянского звания в ряды этой исконной элиты... А Лувуа еще усилит влияние пера.

Отец очень рано сумел оценить способности сына, который оказался выдающимся организатором, здравомыслящим, точным, неутомимым, но лишенным воображения и дерзости человеком с душой полицейского, для которого главное — неразглашение тайны. По милости Лувуа, с его

заносчивостью и склонностью к крайним мерам, король совершит свои самые большие ошибки: насильственные «воссоединения», разграбление Пфальца, преследование гугенотов в Севеннах. Особо печальную известность приобрело опустошение Пфальца (1689), поссорившее Францию с немецкими князьями.

Он мог быть сколь угодно грубым и резким, лишь бы заставить повиноваться себе, но мог быть и добрым малым, щедрым и поразительно деликатным. Например, он подарил одному из своих друзей, шевалье де Ножану, не имевшему состояния, восхитительный дом с чудесным садом, возведенный за несколько недель в пригороде Парижа, на холме Мёдон, на месте жалкого строения, которое он ему ранее подарил. Ножан, по возвращении из армии, едва не лишился чувств при виде этого подарка.

Для Кольбера Лувуа является постоянным источником тревог. В какой-то момент, а именно в 1671 году, когда король назначает хранителем печатей Лувуа, а не Кольбера, который также был в числе кандидатов на эту должность, кажется, что Лувуа может его потеснить. В этом же году на освободившееся со смертью Гуго де Лионна место в секретариате иностранных дел назначается ставленник клана Летелье Симон Арно маркиз де Помпонн.

Кольбера вскоре начинают беспокоить расходы Лувуа. В 1666 году он пишет своему господину: «Сир, я полагал, что вопрос такой важности, как сбор войск и их продвижение, не может быть доверен молодому человеку двадцати четырех лет от роду, не имеющему опыта, очень горячему, поскольку властью, дарованной ему на его посту, он может разорить королевство и хочет его разорить, тогда как я хочу спасти его».

Разорить королевство? Кольбер видит, что финансовое положение, на восстановление коего он потратил пять лет, находится под угрозой из-за расходов короля, ведь для него ничто, о чем бы ни шла речь, не является достаточно прекрасным, когда дело касается его престижа. Кольбер пишет о маневрах и парадах, проведения которых желает король: «Ваше величество до такой степени смешивает свои развлечения с сухопутной войной, что весьма затруднительно отделить их друг от друга. Ваше величество было хорошо осведомлено о тех беспорядках, кои вызывают в провинциях эти бесконечные перемещения войск, и о том, как велико недовольство населения...»

Критика эта вызвана «увеличением численности и красоты» королевской гвардии, и лишь Кольбер позволяет себе такого рода

замечания: «Чудовищное различие между этими частями королевской гвардии и остальной армией приводит в уныние офицеров и солдат последней и в конце концов разрушит ее, ибо всякий хороший офицер или солдат станет делать всё возможное, чтобы попасть в королевскую гвардию».

Он настаивает: «Это слишком чувствительное отличие его гвардии во всем охладит усердие всех прочих подданных. Для великих королей не должно быть различия между последним и самым далеким из его подданных и самым ближним. Ни Франциск I, ни Генрих IV никогда не делали подобных различий; последний часто набирал свою лейб-гвардию из старых служак».

Старые служаки — это шесть первых, самых старых пехотных полков: Пикардия, Пьемонт, Шампань, Наварра, Нормандия и Морская пехота.

Но королевская гвардия остается неприкосновенной. 20 лет спустя 27 мая 1685 года, сделав смотр Королевскому полку, Людовик, теперь уже вовсе не молодой человек, говорит Лувуа: «Мой полк так прекрасен и я так им доволен, что мне хочется расцеловать Моншеврёя» (командира полка).

А еще через три десятка лет, 19 апреля 1714 года (в следующем году он умрет) он скажет о французских и швейцарских гвардейцах: «Я их часто видел, но никогда они не казались мне столь прекрасными».

Людовик ничего не меняет, и Кольбер, отравляющий ему удовольствие, выводит его из себя. Однажды, когда тот был болен, король удостоил его исключительной милости, приведшей в волнение двор: в сопровождении своих гвардейцев явился к больному с визитом и дал ему совет: «Кольбер, печаль рождает болезнь, будьте веселы, и вы поправитесь».

Безусловно, между королем и министром существовало некое подобие дружбы; ничего подобного не было в его отношениях с Лувуа.

Лувуа стал сюринтендантом Почтового ведомства в 1668 году и канцлером Ордена Святого Духа — в 1671-м. В 1683 году, после смерти Кольбера, он получил его должность сюринтенданта королевских строений, искусств и мануфактур.

Лувуа ввел Табель о рангах, которая открывала доступ к командным должностям лицам недворянского звания, а также учредил провинциальные вспомогательные войска, где действовала система разрядов, введенная Кольбером на флоте, что позволило довести численность армии до трехсот тысяч человек; также по его инициативе были организованы военные

школы.

Лувуа создал лучшую в Европе службу снабжения армии, которая неумолимо и тщательно следила за обеспечением войск всем необходимым, контролируя исполнение всех, даже самых незначительных распоряжений: о закупках, складах, транспорте, доставке. Он лично проверял мешки с мукой, предназначенные для войска, и перевозившие их повозки, ощупывая их оси. Впервые солдаты стали регулярно получать пищевое довольствие и жалованье. Гражданская администрация и военные комиссары приобрели огромную власть, которая порой употреблялась во зло.

Лувуа является создателем самой сильной армии в Европе. А благодаря Кольберам — великому Кольберу и его сыну Сеньеле — военный флот достигнет своего апогея. За десять лет, что совершенно неслыханно в морском деле, имея лишь небольшое количество жалких судов, оставленных Мазарини, Кольбер строит и организует прекраснейший и могущественнейший в мире флот.

При Мазарини, старавшемся не раздражать англичан, созданный Ришелье флот пришел в такой упадок, что от него осталось лишь девять третьесортных кораблей, едва державшихся на плаву, три транспортных судна и полусгнившие галеры. Укрепившиеся на Йерских островах на юге Франции берберы хозяйничали везде, от Антибадо Перпиньяна. Моряки покидали страну. Треть экипажей голландца Рюйтера^[85], одного из самых известных капитанов своего времени, состояла из французов. В 1661 году морской флот мог выставить тысячу пушек, а в 1674-м — шесть с половиной тысяч. Тремя годами ранее Франция имела уже двести военных кораблей, обогнав Англию и Соединенные провинции. Сверкающие золотом суда королевского флота превосходили все остальные красотой и совершенством конструкции. Англичане были в отчаянии.

Людовику льстит, что на этих великолепных кораблях развевается его флаг, но в глубине души он остается человеком сухопутным. Несмотря на великолепие его эскадр, море продолжает быть для него чуждой стихией. Понятие «морская империя» ничего ему не говорит. Он всегда будет предпочитать свои полки своим кораблям. В «Мемуарах» он пишет: «Исходя из своих собственных интересов, поскольку благо государства не позволяет королю подвергать себя непостоянству морской стихии, я буду вынужден верить моим генералам судьбу моего оружия, никогда не принимая в этом личного участия. <...> Сухопутная война сулит больше удачи, чем морская, где самым храбрым почти никогда не удастся отличиться от самых слабых».

Эти рассуждения свидетельствуют о том, что Людовику вовсе не чужд

старинный рыцарский идеал личной доблести. И в этом споре Древних и Новых Людовик стоит на стороне первых.

Прелюдии великолепия

Едва Людовик пришел к власти, он тотчас же заявил о том, что не намерен никогда, никому и ни в чем уступать первенство.

Десятого октября 1661 года посол Испании в Лондоне барон де Ватвиль, вопреки установленному обычаю, проходит впереди посла Франции графа д'Эстрада. Людовик XIV тотчас же вызывает представителя Филиппа IV в Париж. Король Испании, его тесть, предлагает решить конфликт следующим образом: Ватвиль будет отозван, а послы Испании ни на каких публичных церемониях в Лондоне не станут оспаривать первенство Франции. Людовик же требует, чтобы это правило было распространено на все европейские дворы. 24 марта 1662 года во время торжественной аудиенции он принимает извинения Испании.

Он пишет своему старшему сыну, Монсеньору, Великому дофину: «Это можно считать большим успехом, ибо я добился того, о чем мои предшественники не могли даже мечтать, заставив испанцев не только не претендовать отныне на первенство, но даже публично торжественно объявить, что они никогда не станут на него претендовать. И я не знаю, происходило ли с момента возникновения монархии что-либо более для нее почетное, ибо короли и суверены, коих наши предки видели у своих ног, когда те приносили им клятву вассальной верности, являлись к ним не как суверены и короли, но как сеньоры каких-нибудь незначительных княжеств, полученных ими в удел и от которых они могли отказаться; здесь же речь идет о клятве совершенно другого рода, даваемой королем королю, одной монархией — другой, что не позволяет даже нашим врагам усомниться в том, что наша монархия является первой во всём христианском мире».

Заключительные строки его письма звучат особенно красноречиво: «Я могу с уверенностью утверждать, что не добился бы такого успеха, если бы с начала и до конца не руководствовался собственными убеждениями гораздо больше, чем чужими, и это стало для меня долгим и неисчерпаемым источником радости».

После Испании — Англия.

Англичане требовали, чтобы в водах, которые они по собственному произволу объявили британскими, иностранные суда первыми салютовали их флагу (два экзальтированных юриста, Уэлвуд и Селден, для которых

«английские моря» включали весь Ла-Манш и Северное море вплоть до берегов Франции, Голландии и Дании, увлекли своей бредовой идеей Карла II). 25 января 1662 года Людовик пишет своему послу в Лондоне: «Ни король, мой брат, ни его советник просто еще не знают меня, когда позволяют себе в обращении со мной высокомерие и граничащую с угрозой непреклонность. Я не знаю в этом мире такой силы, которая могла бы заставить меня смириться с этим. Мне можно причинить зло, но меня нельзя запугать».

Обе державы злобно взирают друг на друга вплоть до 1667 года, когда принято решение, что корабли обеих стран будут салютовать друг другу одновременно или же не будут салютовать вовсе.

Король Франции вскоре дает понять и папе, с кем тот имеет дело.

Папа Александр VII, этот, по словам Мазарини, «самонадеянный педант», хочет ликвидировать привилегию экстерриториальности, признаваемую за посольствами и их владениями. Эти анклавов, куда нет доступа папской полиции, становятся убежищем для римских воров. Людовик, пойдя в некоторых вопросах навстречу и не получив ничего взамен, на сей раз категорически отказывается идти на какие бы то ни было уступки.

Чтобы защитить права Франции, он направляет в Рим с чрезвычайным посольством герцога де Креки. Креки, суровый солдат, прибывает в Рим 11 июня 1662 года в сопровождении внушительного эскорта. 20 августа корсиканцы папской гвардии, возбужденные дракой одного из своих гвардейцев с каким-то французом, открывают стрельбу по посольству. Креки сам едва не стал жертвой мушкетного залпа, а один из пажей его жены, ехавшей в карете домой, был убит.

Папа ограничивается ничего не значащим выражением сожалений. Людовик оскорблен и заявляет, что речь идет об умышленном покушении, какому не сыщется примеров даже среди варваров. Он требует официальных извинений, роспуска корсиканской гвардии, смещения с постов губернатора Рима и начальника папской полиции. Папа не удостоивает его ответом. Креки покидает Рим, а вдали от Святого престола за дело берутся юристы. В июне 1663 года парламент Прованса объявляет о присоединении к французской короне Авиньона и графства Венессен, а 16 тысяч солдат идут поддержать Парму и Модену в их пограничном конфликте с Александром VII, который станет безуспешно пытаться создать Священную лигу для борьбы против «старшей дочери» Римско-католической церкви.

Но, не добившись успеха, он внезапно уступает по всем пунктам: распускает корсиканскую гвардию как «не способную нести службу» и объявляет всех корсиканцев навеки исключенными из числа папских служителей, признает права герцогов Пармы и Модены и, наконец, соглашается на сооружение памятной пирамиды, на которой клеймом позора будут отмечены все бесчинства его служителей. После этого Людовик возвращает ему Авиньон и графство Венессен, вопреки воле их жителей. Только Великая французская революция вернет всё на свои места.

Двадцать девятого мая 1664 года кардинал Флавио Киджи, племянник Александра VII, явился в Фонтенбло с официальными извинениями от имени смирившегося понтифика.

«Еще долгое время, — пишет Гуго де Лионн, государственный секретарь по иностранным делам, — в Риме никто не осмелится и помыслить, что к королю Франции можно относиться так же, как к королю Японии».

«Прелюдии великолепия», как именовали эти демонстративные действия, этим не ограничились.

Двадцать лет спустя, 15 мая 1685 года, дож Венеции смиренно предстал перед Людовиком в Зеркальной галерее. Годом ранее флот Дюкена^[86] обрушил на город 14 тысяч зажигательных бомб, превратив в руины три четверти строений, чтобы наказать за союз с испанцами. Но этого королю было недостаточно, требовались еще и извинения.

Дожа прекрасно принимают и осыпают подарками — чудесными портретами и великолепными гобеленами, — после чего он заявляет: «Год назад мы были в аду, сегодня мы выходим из рая».

В то время те способы, к которым прибегал Людовик, не вызывали особого возмущения. По мнению Птифиса, его поведение не отличалось от действий других государей. Честь была превыше всего.

Война, наконец-то!

В 1667 году Людовик начинает так называемую Деволюционную войну. Это его первая война, если не считать имевший место два года назад конфликт с Англией, целью которого было поддержать голландцев, в ту пору союзников Франции. Лондон отнял у них остров Горе близ побережья Сенегала, Тобаго и Сент-Эсташ в Антильском архипелаге, а главное, будущий Нью-Йорк, тогда именовавшийся Новым Амстердамом, в Северной Америке.

Луиза де Лавальер, беременная в четвертый раз, в мае получает титул герцогини де Вожур, а тем временем Людовик, подобно отправившемуся завоевывать Сицилию Алкивиаду^[87], столь же успешно захватывает Нидерланды.

Вожур — это прощальный подарок, ибо два месяца спустя во Фландрии Франсуаза де Монтеспан займет место прежней фаворитки, что станет известно всей армии. 2 октября, ровно через год после рождения мадемуазель де Блуа, первой из узаконенных бастардов Людовика, новая герцогиня произведет на свет мальчика, который получит титул графа де Вермандуа, а с двухлетнего возраста — звание адмирала Франции (тем самым король предоставлял Кольберу полную свободу действий в отношении морского флота).

Прежде чем бросить вызов прекрасной Мортемар, Людовик как-то заметил: «Она хотела бы, чтобы я ее любил». У них родятся семеро детей, шесть из которых выживут и, как и предыдущие, будут узаконены, к великому возмущению благонамеренных особ.

По-настоящему Людовик желал вести только две первые войны своего царствования, Деволюционную и войну с Голландией. Его «воссоединения» спровоцировали войну с Аугсбургской лигой, без которой он вполне мог бы обойтись; последняя, Война за испанское наследство, была ему навязана.

Он стремился к этим двум вышеупомянутым войнам, тщательно к ним готовился и самолично, как в давние времена, командовал армией.

Деволюция? В словаре Литтре говорится: «Юридический термин. Передача достояния одной ветви наследников в случае пресечения другой ветви или отказа от наследства». И Литтре уточняет: «Деволюционная война с Испанией в связи с претензиями Людовика XIV на обладание

Нидерландами в силу его брака с Марией Терезией».

Деволуция, на которую ссылались французские юристы для обоснования претензий короля, толковалась ими несколько иначе, чем это сделал Литтре: там не шла речь ни о пресечении ветви, ни об отказе от наследства. Дело в том, что в Брабанте и в известной степени во Фландрии, в тех самых Нидерландах, на которые зарился король, в случае нескольких последовательных браков наследство переходит к детям от первого брака. Однако ссылка на частное право была явно спорной, когда речь шла о королевском наследстве.

Брак Людовика XIV с Марией Терезией, дочерью короля Испании Филиппа IV, должен был гарантировать мир между двумя самыми могущественными в Европе католическими державами. Испания обязалась выплатить своей инфанте в качестве приданого 500 тысяч экю золотом с условием, что она откажется от своих прав на испанскую корону после смерти отца. Филипп IV умер в 1665 году, не заплатив ни одного экю из обещанной суммы. От его второго брака^[88] остался наследник пяти лет от роду, Карл II^[89], хилый и уродливый, не способный к продолжению рода; к тому же медики считали, что он вряд ли проживет больше нескольких месяцев (на деле он прожил еще 35 лет).

В завещании Филиппа IV было оговорено, что в случае смерти этого выроodka наследство перейдет к младшей сестре Марии Терезии, Маргарите Терезии, помолвленной с австрийским императором Леопольдом I^[90]. Таким образом, могла бы быть воссоздана империя Карла V, который в свое время грозил уничтожить Францию.

Франция вежливо выразила несогласие, указав на то, что это завещание не соответствует ранее достигнутым договоренностям, а поскольку приданое Марии Терезии не было выплачено, ее права на наследство отца остаются в силе. Протесты, однако, не возымели действия. Регентша Испании, родившаяся в Вене, душой и телом верная империи, находилась под влиянием своего духовника, немецкого иезуита, не менее, чем она, преданного интересам империи, которого она намеревалась сделать первым министром. Протесты остались без ответа, и тогда Людовик XIV стал готовиться к войне.

Начиная со времен Ришелье, французская армия была первой в Европе, при Мазарини ее усилил Летелье, а его сын Лувуа, как мы видели, превратил ее в самую мощную военную машину со времен Римской империи. На тот момент она насчитывала 72 тысячи человек. Чувствуя за собой эту силу, король 8 мая 1667 года адресуется Европе «Трактат о правах

Наихристианнейшей королевы на различные владения испанской короны», который и провоцирует военный конфликт.

Людовик XIV требует для своей жены герцогство Брабант, маркграфство Антверпен, графство Намюр, герцогство Лимбург, Мехелен, Верхний Гельдр, графство Артуа, герцогство Камбре и часть Люксембурга... Он требует многого, чтобы получить хотя бы что-то.

На «Трактат о правах королевы» немедленно последовал сочиненный полемистом из Франш-Конте ответ под очень витиеватым названием «Щит Государства и Правосудия против откровенного покушения всемирной монархии, осуществляемого под безосновательным предлогом претензий королевы Франции». Здесь впервые звучит обвинение короля Франции в стремлении к созданию всемирной монархии, которое будет звучать со всех сторон на протяжении пятидесяти лет. Это нелепое обвинение дает представление о степени недоверия, которое внушала «Великая нация» со времен подписания Вестфальского мира.

Регентша Испании отвергает французские претензии. Людовик начинает кампанию 21 мая 1667 года без объявления войны, ибо французы, как они говорят, сражаются лишь затем, чтобы «вернуть себе то, что у них было узурпировано».

Испанские Нидерланды были покорены за несколько недель осадной кампании. Тюренн овладевает Беншем, Шарлеруа и Атом; Омон^[91] берет Берг, Вёрне и Армантьер, Кортрейк, Турне, Дуэ, Ауденарде; наконец, сдается и Лилль. Король входит в город 28 августа. Двор следует за войсками.

На глазах у всех придворных, дам и солдат Людовик демонстрирует опасную отвагу, иллюстрирующую его восхищение героем поэмы Ариосто, вызывающую восторг солдат и упреки Тюренна, который даже пригрозил покинуть армию, если король и далее будет появляться в траншее на большом белом коне и с белым плюмажем, как будто специально для того, чтобы быть замеченным.

Действительно, один из его пажей был убит рядом с ним под Турне, а другой — в Лилле, в двух шагах от него. После этого он перестал подражать Генриху IV, не преминув, однако, заявить солдатам: «Раз вы хотите, чтобы я берёг себя для вас, я хочу, чтобы вы берегли себя для меня».

Еще ранее Сен-Морис, посол Савойи, заметил: «Он отдает распоряжения в очень мягкой форме».

Легкость, с какой французы одержали победу, вызывает всё большее

беспокойство в прочих европейских странах. Соседи Испанских Нидерландов, голландцы, всё еще являющиеся союзниками Франции, позволяют англичанам убедить себя в том, что рано или поздно придет и их черед, если они будут бездействовать. Великий пенсионарий^[92] Ян де Витт вступает в союз с Лондоном и Стокгольмом, чтобы сыграть роль посредника. Людовика это выводит из себя.

Лилль сдался 24 августа. Остается лишь взять Брюссель — столицу, где был коронован Карл V, и триумф будет полным. Но Тюренн противится: зима уже не за горами да и снабжение армии оставляет желать лучшего (это камешек в огород Лувуа). Осень проходит, а зима начинается с дипломатических ухищрений.

В январе 1668 года Людовик ставит Мадрид перед выбором: либо он сохраняет взятые крепости, либо завоевывает Франш-Конте.

Мадрид не отвечает. Тогда посреди зимы, что совершенно неслыханно, поскольку в ту пору военные действия ведутся только в теплое время года, Людовик за две недели овладевает Франш-Конте. Весна еще не началась, а он уже собрал огромную армию на Сомме, чтобы с наступлением теплых дней вернуться в Нидерланды.

Мир был подписан в Ахене 2 мая 1668 года. Людовик возвращает Франш-Конте, однако сохраняет крепости во Фландрии, среди которых Лилль является самой большой драгоценностью. Но при этом армия, которая хотела бы сохранить всё завоеванное, чувствует себя обманутой. Отказ Мазарини в 1659 году от захвата тех же Нидерландов вызвал тогда точно такие же настроения. От начала кампании и до подписания мира прошел год.

Этот 1668 год отмечен также Великим Королевским Празднеством — так оно называлось в программе, — устроенным в Версале 18 июля.

Филипп Боссан в книге «Людовик XIV, король-артист» пишет, что именно в этот день король всерьез решил обосноваться в Версале, покинув Лувр и Сен-Жермен ради этих окруженных болотами холмов.

Замысел этот возник не вчера, ибо Людовик умеет смотреть далеко вперед. Дворец пока еще всё тот же, возведенный Людовиком XIII; и хотя обустройство парка идет уже в течение нескольких лет, рытье Большого канала начато лишь три года назад.

Празднество будет устроено в парке. Да иначе и быть не могло, ибо старый дворец по королевским меркам слишком мал, чтобы вместить его. Но и позже, когда Большой Версаль уже станет обитаемым, все масштабные увеселения будут проходить в парке — королю с его размахом

требуется пространство. К тому же что за праздник без фонтанов и фейерверков?

Великое Празднество строится на трех темах, выбранных специально для того, чтобы восславить величие государя: солнце, вода и пространство. Король являет себя творцом этого пространства, созданного для него и благодаря ему. Версаль — это он. Всю жизнь с неустанным усердием он будет руководить тамошними работами, которым не было конца, ибо всю жизнь он будет желать того, чего еще нет.

Там будут Люлли, Мольер со своим «Жоржем Данденом»^[93], обманчивые картины, столь же великолепные, сколь и эфемерные, но Роже исчез вместе со всеми героями Ариосто. Людовику более не нужно рядиться в чужие одежды, теперь он сам — единственный герой.

В этот день можно в последний раз увидеть дворец Людовика XIII в его первоизданном виде. Король уже приказал Лево расширить его, создав соединенные террасой апартаменты: одни — для короля, другие — для королевы.

Ату батавов! ^[94]

Ахенский мир — не единственный заключенный в 1668 году: в сентябре «Церковный мир» дает янсенистам десять лет передышки. А обращение в католичество бывшего гугенота Тюренна вызывает ликование среди церковников. Королю хотелось бы видеть в этом событии свидетельство угасания Реформации в его государстве, ибо как можно оставаться гугенотом, если лучший из них отрекается от протестантизма ради истинной веры?

«Церковный мир»? Речь идет о компромиссе между официальной Церковью и янсенистами. Учитывая непреклонность короля в отношении последних, этот компромисс явится всего лишь передышкой, и Пор-Рояль будет в конце концов разрушен. В 1661 году Людовик написал в своих «Мемуарах»: «Я стремился сокрушить янсенизм и ликвидировать общины, в которых вызревал этот дух новизны и которые, возможно, были преисполнены благих помыслов, но не понимали или не желали понимать, к каким опасным последствиям это может привести.

Компромисс «Церковного мира» стал возможен благодаря папе Клименту IX, понтифику миролюбивому, который не стал подливать масла в огонь старой ссоры.

Выразив в своем бреве ^[95] от 28 сентября 1668 года удовлетворение тем, что французские епископы, из числа самых ярых янсенистов, наконец подписали формуляр, осуждающий пять спорных положений Янсения, он решает, щадя самолюбие подписавших, временно воздержаться от его публикации.

Это решение смягчает остроту ситуации. 13 октября 1668 года папский нунций в Париже устраивает аудиенцию элите «секты», в том числе Великому Арно, особо ненавидимому Ришелье, и говорит ему: «Месье, Господь даровал вам золотое перо для защиты Церкви». 24 октября Людовик лично любезно принимает Великого Арно, а 31-го Саси покидает Бастилию, где находился в заточении с 1666 года. Несколькими днями позже Людовик встречается с последним в Лувре.

Пятнадцатого февраля, выслушав наставления Саси, монахини Пор-Рояля ставят свои подписи под формуляром, осуждающим Янсения. Пор-Рояль восстановлен в правах 3 марта. Отшельники возвращаются туда в

том же году, а Людовик приказывает отчеканить медаль с надписью: «Согласие восстановлено в Церкви Франции».

Появление медали сопровождается следующим академическим комментарием: «Среди богословов Франции поднялись такие острые споры на тему Божественной благодати, что возбужденность умов стала причинять большой вред; можно было опасаться, что дело зайдет еще дальше. Король действовал совместно с папой, чтобы задушить ростки раскола. Понтифик посылал многочисленные бреве прелатам королевства, и его величество велел опубликовать постановления, которые вернули Галликанской^[96] церкви ее изначальное спокойствие».

«Тартюф» в феврале разрешен к постановке, к великому сожалению святош. В том же месяце Кольбер назначен государственным секретарем. А Людовик, который конечно же считает драгоценный лесной кодекс и великие августовские ордонансы своего министра необходимыми, но прозаичными, не чувствует удовлетворения. В Церкви царит мир, в королевстве — тоже, и это прекрасно; но ведь спокойствие — это далеко не всё. Время идет, ему тридцать лет. А как же слава?

По мнению некоторых историков, он, вероятно, чувствовал, что молодость уходит, а слава хиреет среди этих мирных занятий. Быть королем — это значит воевать.

Уже целый год обдумывает он, каким образом можно было бы проучить голландцев, которые объединились с Англией и Швецией, чтобы поддержать очутившуюся в затруднительном положении Испанию.

Что за игру они вели? Разве они не были союзниками Франции? Разве в 1666 году не объявил он войну Англии, чтобы помочь им?

К тому же их богатство просто оскорбительно. Голландия — крохотная страна, население ее равно менее чем десятой части населения Франции, но при этом она является первой финансовой и торговой державой в мире. Голландцы снаряжают тысячи грузовых судов и ведут торговлю по всему миру. В Голландию стекаются товары и финансы со всего мира, превращая ее в своего рода Уоллстрит XVII века. Она наводняет Европу своими товарами.

«Это экономическое господство приводило в отчаяние Ришелье», — напоминает историк Инесс Мюра. Оно стало кошмаром для Кольбера.

Товары, не произведенные голландцами, а скупаемые ими по всему миру, они затем всему миру и перепродают. Они являются торговыми агентами и арматорами^[97] всего мира; невозможно не покупать их товары, а потому они диктуют цены. Флот их огромен. Они спускают на воду

девять тысяч судов в год.

В воображении Кольбера это число увеличивается до 16 тысяч... Министр считает, что именно батавы мешают ему развивать французскую торговлю. В 1667 году он вводит устрашающий таможенный тариф на ввоз их товаров в королевство, а они осмеливаются ответить тем же, обложив налогом французские вино и водку. Тогда Кольбер ввел пошлину на селедку и пряности. Так же как и Людовик, он считает недопустимым союз, заключенный в 1668 году Республикой Соединенных провинций с Лондоном и Стокгольмом, имеющий целью оказывать содействие Мадриду. В глубине души он даже лелеет мечту об аннексии Голландии.

Голландцы не только являются посредниками в мировой торговле, но они еще и кальвинисты, причем непримиримые. Католиков у них притесняют, как кальвинистов во Франции. К тому же они выставляют напоказ оскорбительную суровость. Они все одеты в черное. Великий Пенсинарий ходит пешком, а его жена сама готовит. Подобные уроки экономии и простоты нравов тем более невыносимы, что Франция задыхается от нехватки денег. А в довершение всего они республиканцы.

Королю непереносимы все эти козни. Проучить, решает он, их следует проучить. Как это сделать, не настроив против себя слишком многих? Ибо гордость не мешает Людовику быть осторожным.

Англия приходит ему на помощь в марте 1669 года. Карл II заявляет ему о своей готовности принять католичество в обмен на солидные субсидии, ибо парламент в своей мелочной скупости отказывает ему в средствах к существованию. В обмен на переход в лоно Апостольской церкви и финансирование Карл предлагает безоговорочный союз — он готов сражаться на стороне Франции против любого врага (за исключением Испании, поскольку сам он является одним из гарантов Ахенского договора).

Людовик XIV понимает, что это предложение сулит ему большую выгоду: союз с Англией будет оправданием войны с Голландией.

Начинается 1670 год. Кольбер в зените славы. Сен-Морис с уверенностью утверждает: «Ни один министр не занимает столь же прочного положения, как Кольбер», — и добавляет, что «если бы он захотел, он был бы уже первым министром и правил бы так же самовластно, как это некогда делал Мазарини».

В Версале, словно из-под земли, вырастает Фарфоровый Трианон^[98], названный так из-за цвета плиток, которыми он отделан. Все восхищаются этим чудом, которое, правда, вскоре разонравится королю и будет снесено.

31 марта мадам де Монтеспан производит на свет герцога дю Мена, который станет для короля самым любимым из его бастардов.

1671 год. Франция, не удовлетворенная результатами Деволуционной войны, настроена воинственно. Страна большая, сильная, так зачем же медлить? Кольбер тревожится, а Лувуа начинает игру. В это время является вакантной должность главы королевской канцелярии. Оба соперника претендуют на нее. Лувуа берет верх, несмотря на усилия поддерживающей Кольбера мадам де Монтеспан, которая умоляла короля назначить на эту должность ее протеже. Кольбер выражает свое недовольство на заседании Королевского совета.

Двадцать первого апреля Людовик адресует ему следующее письмо: «Третьего дня я в достаточной степени совладал со своими чувствами, чтобы не показать вам, сколь я был удручен тем, что человек, осыпанный мной благодеяниями, позволил себе говорить со мной так, как это сделали вы. Я испытываю к вам истинно дружеские чувства, и то, что я сделал для вас, ясно о том свидетельствует. Сии чувства я питаю к вам и сейчас и полагаю, что красноречивым тому доказательством является то, что ради вас я сдержался и, чтобы не позволить вам вызвать еще большее мое недовольство, не стал вам прилюдно говорить то, что сейчас пишу. Побуждают меня к этому память о тех услугах, кои вы мне оказывали, и моя к вам дружба; воспользуйтесь этим и не рискуйте более сердить меня, ибо после того как я выслушал ваши доводы и доводы ваших собратьев, я не хочу более ничего об этом слышать. Подумайте, устраивает ли вас морской флот и по вкусу ли вам сие занятие или, быть может, вы предпочли бы что-нибудь другое; говорите свободно. Но после того как я приму решение, я уже не потерплю никаких возражений».

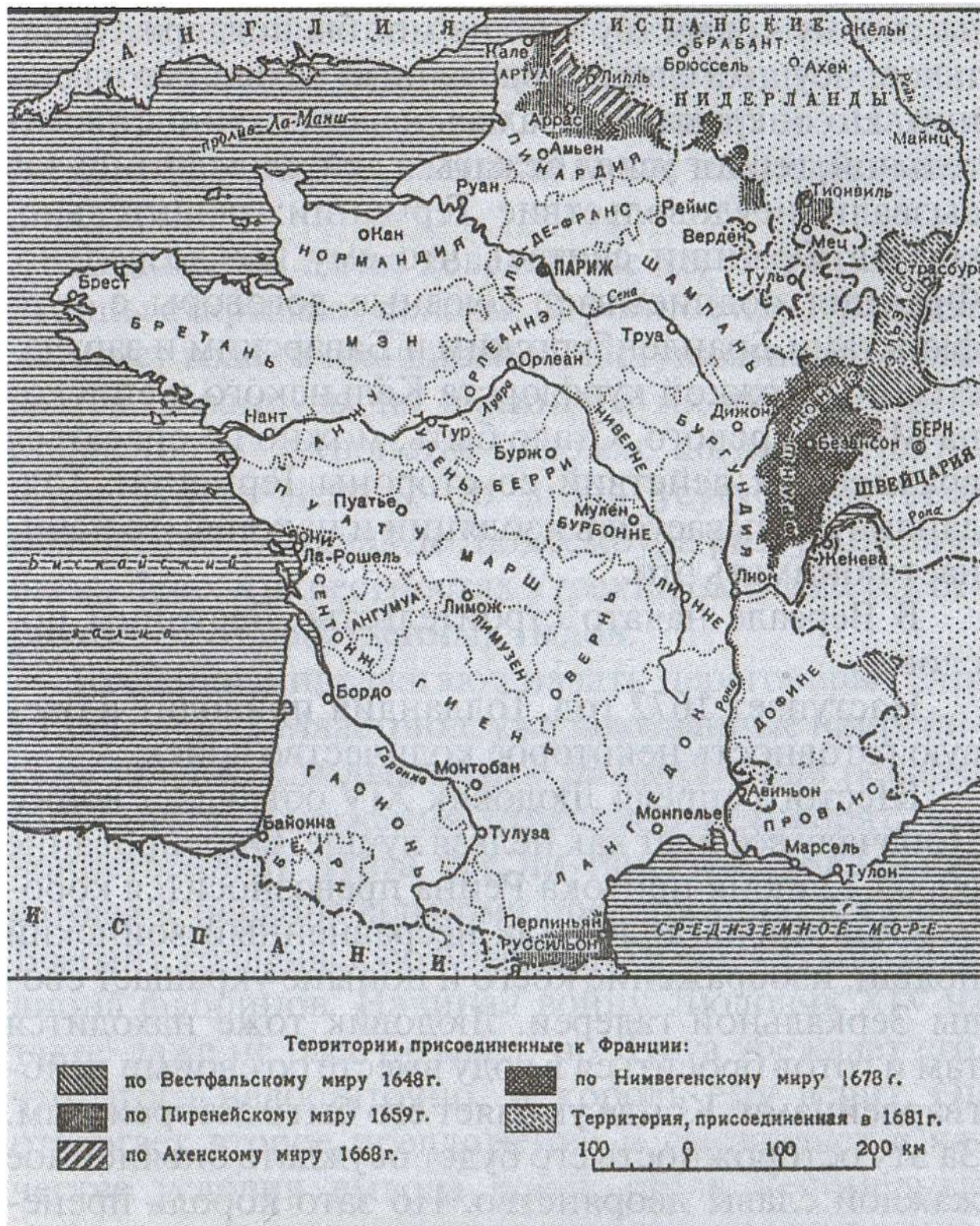
Тем временем идет подготовка к войне с Голландией. В качестве хранителя финансов Кольбер, возможно, настолько же ее желает, насколько и опасается. Война мгновенно уничтожит то, что он создал с момента своего вступления в должность. Год назад он составил «Мемуар относительно нехватки денежных средств в июле и августе 1670 года», который является скрытым предостережением от любых военных авантур.

Дипломат Гуго де Лионн придерживается того же мнения: не стоит бросаться на Голландию, так как есть дела и поважнее; но он помалкивает.

Тюренн, напротив, уверяет, что война продлится не более шести месяцев и стоимость ее будет вполне приемлемой. И к Тюренну прислушиваются те, кому хочется считать его правым.

Перед началом военных действий Франция демонстрирует чудеса дипломатии. Ее посол в Гааге усыпляет бдительность голландцев ничего не

значащими переговорами. Согласно секретному Дуврскому договору, Англия обязуется поддерживать Францию в обмен на три миллиона ливров, а шведы, не получив обещанного им голландцами испанского золота, вновь вступают в союз с Францией. Чтобы нейтрализовать герцога Лотарингского, который по своему коварству вполне мог бы поддержать батавов, осуществляется внезапный захват его владений. Но операция оказалась недостаточно стремительной, герцог успел бежать, а действия французов вызвали неудовольствие Германии: решительно, король Франции считает, что ему всё дозволено. Франция подписывает союзные договоры с курфюрстами Бранденбургским и Баварским и заручается поддержкой курфюрста Кёльнского и епископа Мюнстерского. Стало быть, можно не опасаться враждебных действий со стороны Германии. Голландия оказывается в изоляции и наконец-то начинает понимать это.

Франция во второй половине XVII века.

В Версале начато строительство Лестницы послов.

Наступает 1672 год. Голландия приводит в боевую готовность некоторое количество войск.

Шестого апреля Людовик XIV объявляет войну. Поначалу всё идет как нельзя лучше. Форсирование вброд 12 июня притока Рейна превозносится королевской пропагандой как несравненный воинский подвиг, изображение коего и поныне украшает своды Зеркальной галереи. Людовик тоже находится там и готов броситься в воду вместе со своими лейб-гвардейцами. Конде умоляет его быть осторожным. За эту осторожность его будет осуждать опьяненное жаждой славы дворянство. Но зато король пренебрегает другим советом Великого Конде, гораздо более важным, чем первый: немедленно идти на Амстердам. Овладеть Амстердамом — значит овладеть Голландией. Но Людовик медлит, и так будет всегда.

Ему нужна торжественность парада. Вместо того чтобы покончить со всем одним ударом, он, чтобы привлечь всеобщее внимание, ведет правильную осаду уже смилившихся городов, тогда как эшевен^[99] готовы в любую минуту сдать ему городские ключи; он воображает, что это увеличит его славу, и не понимает, что на самом деле всё это отдает фиглярством.

Двадцатого июня доведенные до отчаяния голландцы открывают шлюзы. Огромное пространство заливают вода, и грандиозное наступление захлебывается. Французы не имеют ни малейшего представления об устройстве шлюзов; когда они пытаются что-то делать, то лишь усугубляют свое положение. Маршал де Люксембург, разрушив дамбы на Леке, в окрестностях Утрехта, оказывается отрезанным от собственных тылов.

Голландцы предлагают начать переговоры. Они готовы отдать Маастрихт, уже завоеванные прирейнские крепости и выплатить 16 миллионов репараций. Эти предложения отвергаются; говорят, что воинственный Лувуа тут ни при чем. Голландцы готовы к первоначальному предложению добавить Брабант, голландскую Фландрию и еще четыре миллиона флоринов. Начиная войну, Людовик XIV на такое даже не рассчитывал; но Лувуа убеждает его, что этого недостаточно, и король ему верит. Он отвергает второе предложение и выставляет в качестве условия вывода войск столь непомерные претензии, что в стране вспыхивает сопротивление.

Представители голландской стороны, которые, по мнению французов, должны были немедленно явиться с мольбой о мире, так больше и не появляются, и король возвращается во Францию, предоставив

Люксембургу выпутываться из создавшегося положения.

Амстердам отныне представляет собой неприступный остров. Голландцы продолжают разрушать свои дамбы. Французские войска, живущие за счет местного населения, отбирают у людей последние крохи. Людовика это тревожит, и Лувуа вынужден написать герцогу Люксембургскому: «Король был весьма удивлен, что страна всё еще подвергается грабежам и страдает от бесчинства солдат. <...> Его величество приказал мне уведомить вас о том, что он просит вас любыми средствами положить этому конец, чтобы крестьяне в деревнях могли жить совершенно спокойно и платили такие же подати, как и при голландцах».

Торговая буржуазия Соединенных провинций, представляемая Великим пенсионарием Яном де Виттом, в чьих руках всё еще находится власть, вполне удовлетворилась бы заключением почетного мира. Но народ, возбуждаемый кальвинистскими проповедниками, требует войны до победного конца. Он возлагает все свои надежды на Вильгельма III Оранского-Нассау^[100], непреклонного протестанта. В июле этот столь же угрюмый, сколь и упорный в достижении цели принц назначается штатгальтером^[101], иначе говоря, верховным главнокомандующим. В течение тридцати лет, то есть до самой своей смерти он будет непримиримым врагом Людовика XIV.

Двадцатого августа 1672 года в Гааге ненавидимый за свою умеренность Ян де Витт, представитель буржуазного клана Амстердама, уже две недели назад ушедший со своего поста, был убит вместе со своим братом Корнелием мятежными сторонниками штатгальтера. Их обоих сначала закололи кинжалами, затем протащили по улицам, после чего повесили и изрубили в куски! Европа не остается равнодушной к происходящему. Регентша Испании и курфюрст Бранденбургский Фридрих Вильгельм Гогенцоллерн приходят на помощь голландцам.

Когда эйфория проходит, Людовик становится более благоразумным. Он соглашается на посредничество шведов, которым удастся договориться о том, что переговоры состоятся летом в Кёльне. Но до лета еще далеко, а зима оказывается губительной для престижа короля и Франции.

Люксембург без особого труда сдерживает испано-голландские войска Вильгельма Оранского, но, желая внушить «спасительный ужас», он позволяет устроить резню в Сваммердаме и Бодеграве, где у Вильгельма имеется небольшой замок. Ужас и ненависть следуют за ним по пятам: одно лишь слово француз долгое время будет приводить батавов в

содрогание. Франция выставлена к позорному столбу в Германии и в других странах. Еще недавно считавшаяся покровительницей малых наций, она внезапно стала для них кошмаром, а король — чудовищем, которое следует уничтожить.

Наступает лето. Людовик вновь отправляется в поход. Кёльнский конгресс открывается в июне 1673 года. В июле Людовик лично начинает осаду Маастрихта, мощной крепости на Маасе (Мёзе), которую защищает многочисленный гарнизон. Король попросил Кольбера прислать ему художника, так как полагал, что «там можно будет увидеть нечто прекрасное». Крепость была взята за 12 дней, что потрясло Европу, так как Маастрихт считался неприступным.

Но Кёльнский конгресс пока что не дает результатов. Людовик XIV отказывается от части своих претензий, однако его противники находят это недостаточным. Император, регентша Испании, герцог Лотарингский и принц Оранский объединяются против него в «великий Гаагский союз». Проходит лето. Европа настроена против короля Франции. В октябре Испания объявляет ему войну. Всем заправляет Вильгельм Оранский.

Людовик сокращает свою группировку, чтобы сконцентрировать войска во Фландрии и среднем течении Рейна.

На этом год и заканчивается. А тем временем в Версале большие апартаменты короля наконец становятся пригодными для жилья.

Превратности и апогей

В начале 1674 года король Англии уведомляет своего французского покровителя, что будет искать возможность заключить сепаратный мир с голландцами, каковой и был подписан 19 февраля. Немецкие союзники Франции один за другим изменяют ей, чтобы присоединиться к императору. 28 мая регенсбургский сейм объявляет войну Франции. А Людовик тем временем во второй раз захватывает Франш-Конте. В июне Тюренн, занимавший правый берег Рейна, вынужден переправиться на другую сторону.

Одиннадцатого августа, под вечер, близ Шарлеруа Великий Конде, несмотря на мучительный приступ подагры, перекрывает дорогу на Париж принцу Оранскому и разбивает его в кровавом сражении, во время которого под ним было убито три лошади. 30 ноября Тюренн начинает удивительную Эльзасскую кампанию, которой будет восхищаться Наполеон, и одерживает над имперцами ряд блистательных побед в Альткирше, Мюлузе и Тюркгейме... Остатки их армий счастливы уже тем, что могут возвратиться в Германию.

Возвращение ко двору Анри де ла Тур д'Овернь, виконта де Тюренна, главного маршала французской армии, превращается в неслыханное торжество. По пути его следования со всех сторон раздаются восторженные приветствия. Король на глазах у всех обнимает его. Но следующим летом, 27 июля 1675 года, он погибает близ Засбаха, сраженный вражеским ядром. Вся Франция в трауре. Людовик распорядился похоронить его в аббатстве Сен-Дени, где некогда Карл V произнес удивительную в его устах фразу: «Мы потеряли отца нации».

Конде, хотя и измученный болезнью, встает на место Тюренна в Эльзасе. Он вновь вынуждает имперцев отступить за Рейн, после чего окончательно удаляется в Шантийи^[102]. Два замечательных полководца того времени одновременно сходят со сцены. Остается лишь гордиться их славой и сожалеть о их уходе.

Однако пора, наконец, вступить в переговоры, так как положение внутри страны хуже некуда. Дефицит, составлявший в 1672 году восемь миллионов, в 1676-м достиг 24 миллионов. Все существующие налоги выросли и введено множество новых. Кольбер, всегда мечтавший

ликвидировать продажу должностей, вынужден скрепя сердце увеличивать число продаваемых должностей. Нужно как-то выкручиваться.

В 1673 году получено восемь миллионов от продажи освобождений от талей. Приходится брать в долг: 5,5 миллиона в 1672 году, 6,25 — в 1674-м, 7,15 — в 1676 году. В счет будущих доходов сделан заем у генуэзцев под неслыханные ранее десять процентов. В 1674 году создана заемная касса, которую два года спустя, из-за угрозы банкротства, пришлось закрыть, поскольку казна, чтобы свести концы с концами, регулярно изымала оттуда огромные суммы, в результате чего долг в конечном счете достиг 34 миллионов. Прибегают также к порче монет, так что в конце концов разражается скандал, в котором замешан племянник Кольбера Никола Демаре, обвиненный в получении взяток (впоследствии он сумеет доказать свою к этому непричастность и в конце концов станет преемником Кольбера на посту генерального контролера финансов).

Все эти дела и эти меры порождают мятежи и заговоры. В 1675 году Бордо и долина Дордони восстают против новых налогов. В том же году и по тем же причинам вспыхивает мятеж в Бретани. В «восстании красных колпаков»^[103] под предводительством некоего Ле Бальпа, нотариуса из Керглофа, приняли участие 15 тысяч разъяренных жителей. Король хотел сам выехать на место, но ему не позволила это сделать смерть Тюренна. Он посылает туда шесть тысяч человек под командованием капитана своих мушкетеров некоего месье де Форбена. Ле Бальп был вскоре убит маркизом де Монгайаром, замок которого он захватил, а «красные колпаки» разбежались кто куда. Мятеж был подавлен, вдоль бретонских дорог выстроилась вереница виселиц, а местные жители получили приказ на зиму взять на постой 11 (некоторые говорят — 12) тысяч солдат, которые, пишет мадам де Севинье, «живут так, словно они всё еще находятся по ту сторону Рейна», и добавляет: «Мы все разорены». Амнистия была объявлена 5 февраля 1676 года.

Теперь о заговорах. В 1674 году гугенот Жан Франсуа де Поль, сеньор де Сардан, подписывает в Гааге с Вильгельмом Оранским договор, согласно которому последний обязался предоставить ему десять тысяч солдат, 60 кораблей и 300 тысяч ливров при условии, что он сам соберет отряд в 12 тысяч человек в Гиени, Лангедоке, Провансе и Дофине, депутатом коего он себя называет. Три месяца спустя Испания обещает ему две тысячи всадников и миллион ливров, чтобы взбунтовать Севенны и Виваре. Историки предполагают, что он был фантазером, наделенным даром убеждения, однако и по сей день не могут утверждать это с полной

уверенностью.

В том же 1674 году молодой гасконский дворянин Дю Козе де Назелль сообщает Лувуа о другом заговоре, которым руководит шевалье де Роган. Говорят, что это был один из красивейших мужчин во Франции, обольстительный и донельзя распутный. Он был весьма приближен к королю, неизменно участвовал в его карточной игре, но распутство его было таково, что в конце концов Людовик удалил его от двора и лишил должности главного егермейстера.

У Рогана был сообщник по имени Жюль дю Амель де Лотреамон, бывший кавалерийский полковник и нормандский авантюрист, заклятый враг абсолютизма и заговорщик по призванию. В 1658 году он был организатором мятежа так называемой «войны саботье»^[104] в Солони.

И вновь встает вопрос о военных налогах. Чтобы финансировать кампанию этого года, Кольбер извлекает на свет давно забытый лесной налог и требует выплатить недоимки за последние 30 лет, в одночасье разоряя владельцев лесных угодий. Лотреамон в своей провинции без труда собирает довольно большой отряд недовольных и, как всегда на протяжении уже целого века делают французские заговорщики, обращается к Испании. Связь обеспечивает секретный агент губернатора Нидерландов Франциск ван ден Энден. Это 73-летний голландец из Антверпена, философ и алхимик, бывший учитель Спинозы, который поселился в Пикпюсе, где создал школу, названную «Пристанище муз».

Лотреамон потребовал шесть тысяч солдат, оружие для двадцати тысяч человек, осадные материалы и два миллиона ливров. Он обещает, что испанцам, которые высадятся в Кийбёфе, будет сдан, в зависимости от обстановки, Гавр, Абвиль или Дьеп, дворянство Нормандии потребует созыва Генеральных штатов, а тем временем люди, переодетые лейб-гвардейцами, похитят дофина во время охоты на волков... Эжен Сю использует этот фантастический замысел в качестве сюжета для своего романа «Лотреамон»^[105], который будет опубликован в 1837 году.

Рогана арестовали 11 сентября 1674 года в Версале, когда он выходил из церкви по окончании службы; сумевший бежать Лотреамон был смертельно ранен в какой-то руанской гостинице; Ван ден Энден по возвращении из Брюсселя был схвачен в Бурже.

Судебный процесс начался 6 ноября в Арсенале, приговор был оглашен 26-го. Рогану вместе с его любовницей Рене Морис д'О де Вилле и шевалье де Прео отрубили голову, а Ван ден Эндена повесили.

Все эти тревожные события не мешают начать, по предложению

Лувуа, строительство собора Инвалидов в Париже, равно как и устроить празднество, беспрецедентное, по крайней мере, по своей продолжительности, — «Версальские увеселения», — которое продлилось два месяца, с 4 июля по 31 августа.

1676 год отмечен важным событием — важным не для царствования и не для истории, но для представления короля о самом себе, для его способности трезво оценивать последствия своих решений, затрагивающих судьбы двадцати миллионов человеческих существ, за которых Христианнейший король в ответе перед Всевышним. Событие (или отсутствие оно), побудившее короля задуматься об этом, связано с упущенной возможностью.

В Кёльне и других местах всё еще ведутся переговоры, и война, которая должна была идти не более шести месяцев, а растянулась на четыре года, всё еще продолжается и на суше, и на море. Во Фландрии кампания начинается с захвата Кондесюр-л'Эско и блокадой Бушена 10 мая. В этот момент Вильгельм появляется в Валансьене с пятьюдесятью тысячами солдат. Выступивший ему навстречу Людовик идет, как было указано, к мызе (ферме) Уртебиз.

Позиция великолепная. Сила на стороне Людовика благодаря численному превосходству его войск и расположению их на возвышенности. У него есть всё: артиллерия, испытанная кавалерия и пехота. Победа протягивает ему руки. С ним его гвардия — лейб-гвардейцы, легкая и тяжелая кавалерия, мушкетеры, — такая грозная в своих сверкающих мундирах. У него лучшая кавалерия в мире. А враг ни о чем не догадывается.

А там, внизу, идут ни о чем не подозревающие обреченные на смерть 50 тысяч человек во главе со злейшим врагом Франции. Людовик колеблется. Он собирает военный совет: «Господа, я хочу слышать ваше мнение...»

Тут присутствуют Креки, Шомберг, Ла Фейад и Лорж, но Тюренн, увы, умер, а Конде находится в Шантийи. Из названных первые трое — прежде всего придворные и отнюдь не самые талантливые из маршалов этого времени — считают, что лучше не начинать сражение. Зачем бесцельно подвергать опасности жизнь короля? Времена Ариосто ушли в прошлое, равно как и совсем недавнее, во время осады Турне и Лилля, гарцевание на белом жеребце в подражание Генриху IV. Только Лорж, племянник Тюренна, настаивает на сражении. Но осторожность большинства берет верх.

«Людовик всегда будет сожалеть об этой упущенной возможности», — пишет Жан Кристиан Птифис и добавляет: «Монарх был уязвлен тем, что могли усомниться в его храбрости. Много времени спустя он признается, что он всё еще видит Уртебиз в кошмарных снах». Подобные сожаления никак не назовешь банальными.

Следующий год — военный 1677-й — начинается в марте в Валансьене. Людовик всё чаще делит с солдатами трудности походной жизни. «Вряд ли еще сыщется государь, который бы так весело переносил тяготы войны», — рассказывает мемуарист Карре д'Алиньи. Он первым садится в седло, а спешивается последним. 17 марта мушкетеры овладевают крепостью, и приходит черед Камбре.

Одиннадцатого апреля у Касселя Месье вместе с герцогом Люксембургским^[106] обращает в бегство Вильгельма, завладевает его шатром и имуществом, в том числе золотой посудой, а также пятьюдесятью знаменами, которые будут вывешены в соборе Парижской Богоматери. Люксембургский уже давно стяжал себе военную славу, а Филипп Орлеанский, известный главным образом своим пристрастием к духам и украшениям, здесь показал себя настоящим воином. Франция ликует. Повсюду раздаются крики: «Да здравствуют король и Месье, который выиграл сражение!» Но Месье никогда больше не будет командовать армией.

Однако нужно начинать переговоры, и незамедлительно, а также заменить ненадежных союзников. В январе 1676 года турки предложили свои услуги, но были отвергнуты из-за того, что они мусульмане. (Франциск I не был столь щепетилен^[107].) Польша Яна Собеского уклоняется от участия, не выполняет своего обязательства атаковать курфюрста Бранденбургского и подписывает с императором договор о нейтралитете. Венгры и провансальцы, пылающие ненавистью к императору, слишком слабы, чтобы играть сколько-нибудь значительную роль. Уставшие от войны с Испанией португальцы заявляют о своем нейтралитете. А регентша Савойи не хочет ни о чем знать.

Воюющие стороны, наконец, решают встретиться в Нимвегене; переговоры начинаются в мае. А тем временем положение Карла II в Англии становится всё более затруднительным. В ноябре в Лондоне Вильгельм Оранский женится на дочери младшего брата Карла, герцога Йоркского, Марии, которая осталась англиканкой, несмотря на обращение ее отца в католицизм. Этот брак в изрядной степени компенсирует

поражение при Касселе и усиливающееся стремление голландцев к миру. Вильгельм видит в нем средство вовлечь Англию в борьбу против Франции. Тотчас по возвращении из Лондона он заявляет, что намерен всеми силами противиться заключению мира.

Весной 1678 года война разгорается с новой силой. 12 марта французы берут Гент, а 25-го — Ипр. Антверпену не остается ничего другого, как сдаться. Дорога в Соединенные провинции открыта. Неизбежным следствием этого является подписание 10 августа мира между Францией и вышеупомянутыми провинциями. Четыре дня спустя Вильгельм атакует герцога Люксембургского близ Монса, но безуспешно. Впоследствии он будет клятвенно уверять, что не знал о подписании мира, который возвращал ему Оранж и его личные владения в Шаролэ и Франш-Конте...

За всеобщий мир платит фактически одна лишь Испания. 17 сентября Франция присоединяет Франш-Конте, Камбрези, часть Эно, часть прибрежной Фландрии и остававшуюся часть Артуа, но возвращает — отнюдь не равноценный обмен — ряд крепостей во Фландрии и Валлонии.

Император Леопольд медлит с подписанием договора вплоть до 5 февраля 1679 года. Лишь после поражения под Фрайбургом герцога Лотарингского Карл V склоняется к необходимости подписать договор. Он уступает Фрайбург, находящийся на правом берегу Рейна, вместе с коридором, соединяющим его с Брайзахом на левом берегу. Из предосторожности Людовик сохраняет за собой Лотарингию — Карл V отказался уступить Нанси и Лонгви, — а также право прохода своих войск через Эльзас.

В 1672 году Людовик полагал, что война против ничтожного неприятеля будет не более чем шестимесячной прогулкой, каковая, однако, завершилась лишь семь лет спустя, заставив его воевать с Европой; но он вышел из этой войны бесспорным победителем.

Нимвегенский мир является апогеем французского могущества. «Господство Людовика неоспоримо», — пишет Птифис.

Мир лежит у ног Людовика, и гордость его не знает границ. После заключения этого мира, к которому он так мучительно стремился, Людовик произносит исполненную тщеславия фразу: «Только моя воля позволила заключить этот мир, коего так желали те, от кого он не зависел».

Французский народ разделяет этот энтузиазм. Париж присваивает королю титул Людовика Великого, а один испанский сеньор пишет в это самое время: «Я изъездил немало французских провинций и, несмотря на огромные налоги и постоянный контроль, коему по воле короля подвергаются его подданные, я не встретил ни одного человека, будь то

дворянин или простолюдин, который бы не превозносил его до небес и не выражал бы готовность отдать все свои силы и свое достояние, чтобы служить ему».

Отравления

Тем временем финансовый кризис, вызванный затянувшейся войной, продолжает углубляться. Сразу же после подписания мира Кольбер перешел к политике оздоровления, а точнее — исправления финансовой ситуации. Нужно заставить откупщиков, подозреваемых в том, что они грабили государство, вернуть несправедливо присвоенное. Подозрение в данной ситуации равнозначно уверенности.

Но лекарство оказывается хуже болезни. Один за другим разоряются частные лица, взявшие на откуп налоги, и сборщики военных налогов.

Кольбер ненавидит рантье не меньше, чем монахов, считая и тех и других бездельниками, а потому изыскивает способ снизить курс ренты, чтобы уменьшить государственный долг, так что в 1682 году Лувуа обвинит его в том, что он разрушил систему кредитования. Кольбер умрет в следующем, 1683 году, а его преемник Лепелетье ликвидирует заемную кассу, введя в оборот ренту в 12,5 процента.

Армия поглотила все ресурсы страны. Сквозь блистательный ореол славы, окружающий это царствование, явственно видится угроза тотального банкротства.

Король же, похоже, недооценивает размеры беды. Он знает, что денег не хватает, что война не может «кормить» войну. Но он спокойно взирает на крушение «кольбертизма», этой меркантилистской доктрины, которая ставила своей задачей сделать его «самым богатым монархом в мире».

В результате Нимвегенского мира голландцы добились отмены устрашающего таможенного тарифа 1667 года и возврата к тарифу 1664 года. Война, похоже, не имела для них слишком драматичных последствий, и они вскоре обрели свое прежнее благоденствие.

Во Франции же, напротив, финансовый кризис сводит на нет все усилия генерального контролера. Королевские мануфактуры, на создание которых были потрачены большие деньги, — Сен-Гобен^[108], Бове и другие — прозябают из-за отсутствия субсидий и заказов, торговые компании не выдерживают конкуренции. Вест-Индская компания объявила о своей ликвидации в 1674 году. Тогда же интендант Новой Франции, иначе говоря, Канады был уведомлен о том, что провинция должна обходиться собственными средствами ввиду отсутствия свободных судов для обеспечения регулярной связи с метрополией. Ост-Индская компания,

которая так и не смогла добиться преуспевания, теряет все свои фактории в Индийском океане, за исключением острова Бурбон (современный Реюньон). Сенегальская компания рухнула из-за разорения своего банка. Северная компания, неспособная противостоять голландцам в Северном и Балтийском морях, исчезает в связи с банкротством ее руководителей. Злоупотребления одного из ставленников Кольбера губят Ближневосточную компанию. Война лишила Кольбера возможности проводить в жизнь свою политику.

1678 год. Мансар^[109] начинает в Версале строительство южного крыла дворца. Но именно в этот момент начинается скандальное «дело об отравлениях», которое своей гнусностью бросает тень на блеск королевского величия.

Дело начинается 12 марта с ареста Катрин Дезй Монвуазен, или просто Вуазен, подозреваемой в колдовстве. 17 марта Адам Кере (Кобре), именующий себя аббатом Лесажем, мнимый священник, мнимый ученый, отпетый мошенник, также взят под стражу.

Седьмого апреля Людовик учреждает для расследования «дела об отравлениях»^[110] суд, названный Огненной палатой. Докладчиками в суде выступают Клод Базен, государственный советник, и Ла Рейни, начальник полиции. Огненная палата собирается в Арсенале, и заседания ее проходят при закрытых дверях.

Однако вскоре начинают распространяться слухи об абортах, колдовстве, порчах, черных мессах и прочей чертовщине. Тем не менее процесс этот будет назван «делом об отравлениях». Отравления уже давно стали «модным» преступлением.

В 1666 году маркиза де Бренвиллье отравила своего отца, а четыре года спустя, в июне — брата, Антуана Дре д'Обрея, судью по гражданским делам в Шатле, затем в сентябре — другого брата, парламентского советника. Заочно приговоренная к казни в 1673 году, она была арестована лишь в 1676-м в Голландии, в самый разгар Голландской войны, по распоряжению Лувуа. Процесс длился с 28 апреля по 16 июля, а на следующий день после его завершения она была казнена. Перед казнью она заявила, что желала бы быть сожженной заживо, чтобы как можно больше искупить свою вину, заставив, таким образом, весь Париж оплакивать ее кончину.

Четыре года спустя, 28 февраля 1680-го, взойдя на костер, Вуазен повторила слова, сказанные на костре Жанной д'Арк: «Иисус! Мария!» — что дало повод мадам де Севинье написать: «Быть может, это святая».

До этого Вуазен утверждала, что похоронила в своем саду 2500 детей, и это еще самое незначительное злодеяние среди немыслимого потока безумных признаний, тщательно зафиксированных Ла Рейни — к великому изумлению современных историков, знающих, что колдуны часто склонны выдумывать, чтобы придать себе значимость, и доносить, чтобы не оставаться в одиночестве. Ла Рейни как человек опытный должен был бы знать это лучше, чем они, и не записывать всякой ерунды.

2100 судебных заседаний, 442 обвиняемых, 367 задержанных, из которых 218 посажены в тюрьму, 34 казнены, пять приговорены к галерам, 23 осуждены на изгнание — таков итог деятельности Огненной палаты.

Среди обвиняемых — люди всех званий, от простонародья до знатных сеньоров, не исключая и судейских. С магистратами, поскольку они тоже встречаются среди обвиняемых, их собратья обращаются мягче, чем со всеми остальными — банальное проявление классического конфликта между дворянством шпаги и дворянством мантии.

Вдова Вуазен, обвиняемая по «делу об отравлениях». Вторая половина XVII в.

Пытка питьем отравительницы маркизы де Бренвилье. Вторая половина XVII в.

Вдова Вуазен, обвиняемая по «делу об отравлениях». Вторая половина XVII в.

Пытка питьем отравительницы маркизы де Бренвилье. Вторая половина XVII в.

Некоторые наблюдатели заметили если и не пристрастность, то, по крайней мере, странное совпадение: обвинениям подвергаются преимущественно друзья Кольбера, что позволяет подозревать происки

Лувуа. Неприятности, обрушившиеся на герцога Люксембургского, подтверждают это предположение.

Франсуа Анри де Монморанси-Бутвиль герцог Люксембургский тогда был одним из первых военачальников своего времени, одержавшим победу при Сенефе, Касселе и Монсе, а в будущем его ждали еще более значительные свершения. Уже в ту пору его можно было назвать «обойщиком» собора Парижской Богоматери, поскольку в соборе было развешено большое число захваченных им вражеских знамен. Сочетания знатности и военного таланта было достаточно, чтобы вызвать неприязнь Лувуа, для которого война всегда была лишь делом канцелярий, коим даже самые выдающиеся командующие армиями обязаны подчиняться. А герцог вовсе не был склонен покоряться канцелярским крысам.

Сначала маршала подозревали в попытке отравить какого-то буржуа и его любовницу. Затем его обвинили в том, что он творит смертельные заклатья. И наконец, лжеаббат Лесаж заявил, что «маршал герцог де Люксембург заключил пакт с дьяволом, чтобы женить своего сына на дочери маркиза де Лувуа. Но тут Лесаж перегнул палку. Можно себе представить, какой хохот вызвало подобное утверждение.

Род Монморанси был уже знаменит в ту пору, когда о Бурбонах никто еще и не слыхивал. Монморанси были связаны родственными узами с королевским домом. Обвинение было нелепо и абсурдно. Тем не менее герцог Люксембургский провел 14 месяцев в Бастилии, так как Людовик не пожелал вмешиваться в это дело. Признавшийся в своих кознях интендант маршала был отправлен на галеры.

Говорили также, что герцогиня де Буйон, Мария Анна Манчини, племянница Мазарини, убила старого мужа с помощью молодого любовника. Она явилась в суд, сопровождаемая своим якобы покойным мужем и своим сообщником, герцогом де Ван-домом, и ей хватило нескольких слов, чтобы выставить Ла Рейни посмешищем. На вопрос начальника полиции, вызывала ли она дьявола, герцогиня ответила, «что видит его перед собой сейчас, что он уродлив и отвратителен, хотя и принял облик государственного советника».

Ее сестра Олимпия, графиня де Суассон, гораздо больше скомпрометированная, получила предписание короля добровольно покинуть королевство. Но худшее ждало впереди: стали распространяться слухи относительно мадам де Монтеспан. Лесаж выложил все свои домыслы Ла Рейни. Вуазен, его главная сообщница, якобы встречалась с двумя служительницами маркизы, горничной Като и девицей Дезейе. Дело это не новое. С 1667 по 1679 год Франсуаза, именуемая Атенаис, мать

семерых детей короля, получала от Вуазен множество снадобий и зелий. Некоторые якобы помогли ей завоевать любовь короля и заставить его покинуть Луизу де Лавальер, другие помогли ей удержать Людовика, а третьи — вновь вернуть его, когда любовь начала остывать (а охлаждение неизбежно приходит, утверждает Шодерло де Лакло). А так как средства эти не помогали, она, как утверждает негодяй отец Гибур, проводивший черные мессы, даже принимала в них участие.

Вуазен, Лесаж, Гибур и прочие одержимы жаждой доноительства. Их клеветнические измышления чудовищны, и подозрения не скоро рассеются.

Лишь в 1709 году Людовик прикажет сжечь показания этой дьявольской команды. А в 1680 году между любовниками произойдет бурная сцена, после которой к прежним отношениям уже не будет возврата.

Тем не менее Людовик сохранит за своей любовницей, теперь покинутой ради Франсуазы Скаррон, которая вскоре станет маркизой де Ментенон, ее апартаменты в Версале и будет ежедневно посещать ее вплоть до 1691 года, когда он деликатно даст ей понять, что пришло время удалиться, заверив ее «в неизменном уважении и дружбе».

Однако распространение слухов о мадам де Монтеспан имело следствием постепенное прекращение «дела об отравлениях».

Едва было произнесено имя его возлюбленной, как Людовик запретил использовать книги записей при ведении допросов, приказав записывать показания подследственных на отдельных листках. Затем дознаватели получили его распоряжение заниматься только теми людьми, в деле которых не фигурирует имя мадам де Монтеспан, избегая всего, что могло бы хоть каким-то образом указывать на нее. Наконец, деятельность Огненной палаты была приостановлена, а последние обвиняемые, в соответствии с секретными предписаниями, были разбросаны по разным тюрьмам королевства. Таким образом, лжеаббат Лесаж и гнусный Гибур избежали смертной казни.

А Великий век движется своим чередом. Строительство большой и малой версальских конюшен начато одновременно со строительством конюшен в Марли. Первые будут закончены через три года, вторые — через семь.

В 1682 году Версаль становится официальной резиденцией короля и его двора.

Фасад нового дворца, тот, где находится Зеркальная галерея, завершен. Ардуэн-Мансар заканчивает сооружение двух находящихся со стороны

города крыльев дворца, предназначенных для министров. В 1684 году, когда Зеркальная галерея еще находится в лесах, начинается строительство северного крыла, в дополнение к южному, где наконец-то смог поселиться Великий дофин, которое своей тяжеловесностью нарушает общую гармонию.

Куда ни глянь, везде строители, везде обломки гипса, штукатурка и строительный мусор. Данжо^[111] в своих мемуарах говорит, что еще в 1685 году 36 тысяч рабочих трудились во дворце, в парке и занимались сооружением хозяйственных построек. Лестница послов, воплощение замыслов Лебрена, поражает современников своим величием. Но Зеркальная галерея и обрамляющие ее Салон войны и Салон мира будут закончены лишь два года спустя. Строительство третьей и последней часовни (а точнее, окончательной, так как две первые будут разрушены) будет начато в 1689 году, освящена часовня будет в 1710 году, а завершающие штрихи будут добавлены в 1712-м, за три года до смерти короля.

Город Версаль развивается в том же темпе вплоть до 1684 года. До тех пор придворные не жили во дворце, а должны были строить себе дома по заранее установленному плану на отведенных им королем участках. Делалось это для того, чтобы заставить знатных дворян обосноваться в Версале. Но строительство северного крыла в дополнение к южному меняет ситуацию. Король решает разделить его на апартаменты с соответствующими службами, чтобы поселить рядом с собой максимальное количество удостоенных этой чести придворных. Как полагают, число имевших апартаменты во дворце достигало трех тысяч человек.

Переезд двора в Версаль меняет всё. «Король-машинист»^[112], автор и исполнитель собственной пьесы, превратился в «короля-машину». Он стал сам для себя образцом, «автономно функционирующим телом», можно было бы сказать «автоматом», если бы это не звучало уничижительно.

В том же 1689 году исчезает серебряная утварь, знаменитая по всей Европе, специально заказанная Людовиком к вящей своей славе. С одной стороны, к решению расстаться с ней короля подталкивает нехватка денег, вызванная войной против Аугсбургской лиги, называемой Десятилетней войной, а с другой — такая серьезная жертва свидетельствует о том, что Людовик в какой-то степени утратил свое варварское пристрастие к

мишурному блеску. Там было четыре тонны серебра, и он рассчитывал получить за него шесть миллионов ливров, но получил только два.

За 30 лет, прожитых в огромном Версальском дворце, Людовик не раз переезжал из одних апартаментов в другие, пока не расположил свою опочивальню в центральном здании Мраморного двора. В этих покоях он и умер. В наши дни здесь бывают миллионы туристов. За долгие годы строительства дворца вкусы изменились: барокко уступило место классицизму, но не было окончательно изгнано, к радости специалистов, которых это смешение стилей приводит в восторг.

Нынешний Версаль может дать лишь смутное представление о великолепии Великого века. При Людовике XV была разрушена Лестница послов, а перестройки, сделанные при Луи Филиппе, спасшем Версаль как дворцовый комплекс, тем не менее, нанесли самому дворцу огромный урон. Но, быть может, больше всего пострадал парк.

Хулители Людовика XIV возмущаются ценой этого предприятия. Пьер Верле дал ему оценку, которая не оставляет камня на камне от самых яростных обвинений. «Версаль, — пишет он, — есть творение мирного времени, главные успехи в его строительстве и самые значительные траты относятся к тем моментам, когда провозглашался мир». Прежде чем сделать окончательный вывод, приведем несколько цифр.

536 тысяч франков истрачены за два года Деволюционной войны. После заключения мира расходы увеличиваются: 670 тысяч в 1669 году, миллион 633 тысячи — в 1670-м, два миллиона 261 тысяча — в 1671 году. Четыре миллиона 66 тысяч были израсходованы за шесть лет Голландской войны, то есть по 677 666 франков в год. После подписания Нимвегенского мира, когда возрастает влияние Людовика в Европе, увеличиваются и расходы: четыре миллиона 886 тысяч франков в 1679 году, пять миллионов 641 тысяча в 1680-м и т. д. Между 1661 и 1715 годами расходы собственно на Версаль составили 68 миллионов франков; чтобы быть точным, к этой сумме надо добавить четыре миллиона 612 тысяч, потраченных на водопровод Марли, доставлявший в версальский парк воду Сены, и восемь миллионов 984 тысячи на недостроенный акведук в Ментенон, по которому должна была идти вода из Эра^[113]. Таким образом, общая сумма приближается к 82 миллионам франков, а бюджетный дефицит в 1715 году составляет 75 миллионов.

«Следует признать, что, подарив нам Версаль, Людовик XIV обогатил Францию» — такой вывод, не стесняясь, делает Поль Верле.

Присоединения

Еще не успели высохнуть чернила Нимвегенского договора, а Помпонн, государственный секретарь по иностранным делам, уже отправляет в Гент специалиста по феодальному праву, чтобы разобрать около двух тысяч грамот и актов, «частично истлевших и изъеденных крысами».

Нужно выяснить, какие из владений могут быть востребованы Францией. С этого начинается политика присоединений, которая должна расширить и укрепить мирным путем завоеванное в Деволюционной и Голландской войнах... По завершении расследования и принятии решения владельцы не лишались своей собственности, а лишь должны были признать французский суверенитет и принести присягу вассальной верности. В случае отказа сеньории подвергались секвестру и присоединялись силой. Людовик, таким образом, брал на себя функции и судьи, и истца. Всё это не могло не вызвать беспокойство соседей Франции.

С 1679 года присоединения становятся всё более многочисленными: в Франш-Конте — 80 деревень, принадлежавших герцогу Вюртембергскому; в Лотарингии — большое число владений принцев и знатных европейских сеньоров, от короля Испании до одного из кузенов короля Швеции; в 1680 году приходит черед Эльзаса, но без Страсбурга, аннексия которого слишком беспокоила бы немцев. Для присоединения Страсбурга нужно найти какой-нибудь серьезный повод.

Подходящий случай представляется в следующем году: барон де Мерси, посланник императора Священной Римской империи Леопольда I, прибывает в Страсбург осенью. Лувуа делает вид, что считает его приезд прелюдией к размещению в городе мощного гарнизона имперцев, что совершенно неприемлемо для Франции, и в ночь с 27 на 28 сентября три драгунских полка занимают Рейнский редут. Их командующий, барон де Монклар, предлагает жителям Страсбурга выбор между покорностью и ужасами войны. Таким образом, 24 октября 1681 года Людовик XIV вместе с королевой на глазах у изумленных жителей въезжает в город и направляется в собор на Te Deum^[114].

Действия Франции вызывают тревогу в Европе. В ответ на протест имперского сейма, собравшегося в июле 1680 года в Регенсбурге, Людовик продиктовал следующий ответ своему послу: «Вам следует сказать лишь

то, что я намерен пользоваться принадлежащим мне в силу Мюнстерского и Нимвегенского договоров».

В ответ сейм решает призвать под ружье 40 тысяч человек.

Когда король Швеции Карл XI, один из кузенов которого был лишен Цвайбрюккенского герцогства в Лотарингии, подписывает договор о взаимопомощи с Соединенными провинциями, Людовика начинает тревожить расширение этого альянса. Во Франкфурте открывается конференция для рассмотрения жалоб жертв присоединений. Людовик выражает готовность вернуть Фрайбург-им-Брайсгау и отказаться от любых присоединений в рамках договора о тридцатилетнем перемирии. В феврале 1682 года император Леопольд присоединяется к шведско-голландской лиге. В мае его примеру следует Испания.

Людовика это не слишком беспокоит: Германия слаба, а императору с юго-востока грозит турецкое наступление, не говоря уже о неприятностях, причиняемых ему венгерскими оппозиционерами, которых финансирует Франция; Испания становится всё более слабой, а действия Турции позволяют вздохнуть с облегчением.

Весной 1683 года трехсоттысячное турецкое войско выступает в поход на Вену и в июле начинает осаду города. На защиту Австрии встают Германия и Польша под руководством польского короля Яна Собеского и герцога Лотарингского Карла IV. Но это столь желанное облегчение непродолжительно; Людовик предвидит, что турки будут разбиты. Нужно начинать действовать, прежде чем империя сможет повернуть на запад... А потому он приказывает оккупировать Испанские Нидерланды, ввиду того что Мадрид не признал решение о присоединении, вынесенное его «арбитрами».

Двенадцатого сентября, в памятный для Европы день, король Польши Ян Собеский разбивает турок под Каленбергом, почти у ворот Вены. Побежденные сняли осаду и в беспорядке бежали.

Двадцать шестого октября Испания объявляет войну Франции, однако больше никто не следует ее примеру. Сражения разворачиваются только в Нидерландах. Но нельзя назвать это «войной в белых перчатках»: с обеих сторон несть числа грабегам и опустошительным набегам. Двумя днями ранее, 24 октября, Людовик пишет маршалу д'Юмьеру: «Я вам приказываю сжигать 50 домов или деревень взамен одного сожженного в моих владениях».

Лувуа, само собой разумеется, также рекомендует вести беспощадную войну. «Я прошу вас неизменно оставаться жестоким и безжалостным», —

пишет он интенданту Роберу. Как бы то ни было, но силы неравны, и французы везде одерживают верх.

Наступает 1684 год, когда Геную, как упоминалось выше, постигло наказание. Генуя, союзница Испании, пренебрегая протестами Франции, продолжала строить галеры для Католического короля^[115]; а к тому же она еще и республика... За шесть дней Генуя была на три четверти разрушена бомбардировкой с моря. Но так как генуэзцы не желали сдаваться, Людовик готовил новую операцию. Папа попытался остановить его. Король Франции ответил, что «хочет оставить памятный пример своей мести всякому, кто впредь осмелится оскорбить его».

Он адресует ультиматум, срок которого истекает 15 августа, конгрессу в Регенсбурге, где император, как мог, затягивал переговоры. 15 августа два договора, с императором и с Испанией, были подписаны. Перемирие установлено на 20 лет. До истечения этого срока — неоспоримый успех Людовика — Франция оставляет за собой Страсбург, Кель на правом берегу Рейна, являющийся воротами в Германию, и Люксембург.

И, наконец, в январе 1685 года дож Генуи прибывает в Версаль, чтобы в Зеркальной галерее выразить королю «свои глубочайшие сожаления» по поводу вызванного им королевского неудовольствия. Многие историки считают эту дату апогеем царствования Людовика XIV.

Во Франции на Людовика обрушивается ураган восхвалений. Расин^[116], его историограф с 1677 года, сочиняет «Идиллию о мире», которая исполняется во время празднества, устроенного в честь короля. Одного примера довольно, чтобы понять, что сие творение уступает «Беренике» и «Федре»:

Божественный мир, поведай нам, какими чарами
Такой безмятежный покой пришел на смену стольким тревогам.
Герой, слава и утешение смертных,
Король-победитель даровал вам его...

В следующем году Людовик, выслушав прочитанную во Французской академии и тотчас же ставшую знаменитой речь Расина, содержащую восторженные хвалы королю, скажет ему: «Я доволен; я хвалил бы вас еще больше, если бы вы менее хвалили меня».

Отмена Нантского эдикта

Семнадцатого октября 1685 года Людовик подписывает в Фонтенбло указ об отмене Нантского эдикта. Это окончательно создаст ему в Европе репутацию тирана.

Он всегда относился к протестантам с недоверием и терпел их лишь скрепя сердце. Он считает их по меньшей мере «республиканцами», так же как и янсенистов, по причине провозглашения ими права на свободу суждений. И хотя их лояльность по отношению к монархии не подлежит сомнению, образцами для них всё же являются Женева и Амстердам. А посему окружение короля, чтобы доставить ему удовольствие, уже не первый год убеждает его, что почти все они, если не все, обратились к католической вере своих предков, из чего с очевидностью следует, что Нантский эдикт более не нужен.

И он подписывает документ, отменяющий Нантский эдикт, искренне убежденный, что действует как истинно христианский король, исполняющий пылкое желание своего народа. И тому есть основания. По мнению Птифиса, если бы этот вопрос был задан на референдуме, большинство французов поддержали бы своего монарха.

К моменту отмены Нантского эдикта протестантов во Франции насчитывается около 800 тысяч. Они уже не первый год терпят несправедливые притеснения, ибо население Франции в массе своей, так же как и король, настроено антикальвинистски. В Пуату, например, с конца 1660-х годов начали разрушать протестантские храмы, возведенные после обнародования Нантского эдикта. Король не всегда об этом знает, но, даже будучи в курсе, не препятствует происходящему. Ликвидированы смешанные суды, включавшие магистратов, принадлежащих к обоим вероисповеданиям. Протестантам закрыт доступ ко многим профессиям: они не могут быть врачами, адвокатами, печатниками, книготорговцами... Им также закрыт доступ к большинству государственных должностей. Им остаются армия, флот и торговля, где их успехи вызывают жгучую зависть. Католикам запрещено обращаться в протестантскую веру и жениться на кальвинистках. Еще в 1681 году мадам де Ментенон писала: «Если Господь продлит дни короля, через 20 лет не останется ни одного гугенота». Драгонады — принудительные размещения на постой у частных лиц солдат — начались именно в этом году, то есть за пять лет до отмены Нантского

эдикта.

Лувуа восторженно пишет интенданту Пуату Марийяку: «Его величество желает, чтобы вы лично дали соответствующие распоряжения мэрам и эшевенам на местах, не указывая при этом на то, что его величество хочет таким образом принудить гугенотов к обращению в католическую веру».

Марийяк тотчас же начинает действовать самым гнусным образом, присылая ко двору длинейшие списки обращенных. Не в силах выносить это, жители Пуату эмигрируют тысячами и находят приют в Англии, Дании и Амстердаме. Маркизу де Рювиньи, полномочному представителю реформатских Церквей, удастся добиться аудиенции у короля. Любезно выслушав его, Людовик заявляет, что полагает своим высшим и священным долгом обратить в истинную веру своих заблудших подданных и искоренить среди них ересь, а посему, если бы для достижения этого его правая рука должна была бы отсечь левую, он сделал бы это, ни секунды не колеблясь.

Однако после этого визита король всё же отозвал Марийяка, поставив на его место Ламуаньона де Бавиля, который будет соблюдать предписание не прибегать к насильственным действиям, коим пренебрегал его предшественник.

В это же время король вступает с папой Иннокентием XI в конфликт, связанный с вопросом о регалии. Регалия — это старинное королевское право получать доходы с вакантных бенефициев^[117] до тех пор, пока вновь назначенные епископы не будут зарегистрированы в Счетной палате. В этом споре с понтификом Людовик должен был опереться на французское духовенство, питающее неискоренимую ненависть к гугенотам и каждые пять лет высказывавшее на своих ассамблеях парадоксальное требование уничтожить «пагубную свободу совести, разрушающую свободу чад Господних». И поддержка эта требовала ужесточения мер против гугенотов.

Первого июня 1682 года ассамблея духовенства обращается к протестантам с торжественным предупреждением, в котором грозит им несчастьями, гораздо более страшными и губительными, чем те, что они уже навлекли на себя своей непокорностью и неприятием католического культа.

Возмущенные протестанты Лангедока и Юго-Запада начинают вооружаться. В 1683 году в Виваре они открывают стрельбу по королевским войскам. Командующий герцог де Ноай получает от Лувуа следующее распоряжение: «...одним словом, учинить в этом краю как

можно большее опустошение, дабы пример сей остановил прочих реформатов, показав им, сколь опасно выступать против короля».

Что касается Людовика, то он предпочел бы покончить с протестантизмом иначе, мягко, как можно меньше прибегая к насилию; но его представления о самом себе и своем долге не позволяют ему оставаться в рамках сих благих намерений. «Король мнил себя апостолом, — напишет Сен-Симон, — он полагал, что возвращает апостольские времена, когда крещение давалось тысячам людей одновременно, и сие опьянение, поддерживаемое бесконечными восхвалениями в стихах и в прозе, торжественными речами и упражнениями в красноречии риториков, непроницаемой пеленой скрывало от него Евангелие и не позволяло ему видеть, сколь отлична его манера проповедовать и обращать в истинную веру от того, что делал Христос со своими апостолами».

Вопросы веры стали особенно важны для Людовика после того, как в 1683 году он женился на мадам де Ментенон. Она была очень благочестива, и сам король решил, что нужно заставить всех забыть о его прошлых греховных увлечениях.

Людовик XIV, король Франции. Г. Риго. 1701 г.

Въезд Людовика и Марии Терезии в Аррас.
А. ван дер Мулен. 1667 г.

Осада Кортрейка французскими войсками.
А. ван дер Мулен. 1667 г.

Въезд Людовика и Марии Терезии в Аррас.
А. ван дер Мулен. 1667 г.
Осада Кортрейка французским и войсками.
А. ван дер Мулен. 1667 г.

Злейшие враги Людовика. Слева — Великий пенсионарий Ян де Витт. Я. де Баен. 1670 г. Справа — Вильгельм III Оранский. Т. Мюррей. Конец XVII в.

Войска Людовика форсируют приток Рейна у Лобита 12 июня 1672 года. А. ван дер Мулен

Злейшие враги Людовика.

Слева — Великий пенсионарий Ян де Витт. Я. де Баен. 1670 г.

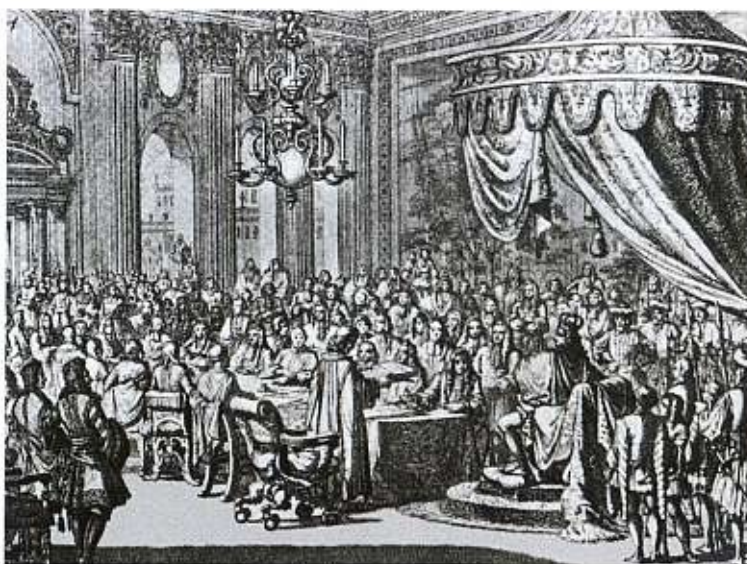
Справа — Вильгельм III Оранский. Т. Мюррей. Конец XVII в.

Войска Людовика форсируют приток Рейна у Лобита 12 июня 1672 года. А. ван дер Мулен.

Монастырь Пор-Рояль — гнездо янсенизма

Отмена Нантского эдикта. 1685 г.

Монастырь Пор-Рояль — гнездо янсенизма.
Отмена Нантского эдикта. 1685 г.

Адмирал де Турвиль.
XVIII в.

Сражение при Бевезье
10 июля 1690 года.
Конец XVII в.

Адмирал де Турвиль. XVIII в.
Сражение при Бевезье 10 июля 1690 года. Конец XVII в.

Фаворитки Людовика XIV.
 Слева — Луиза де Лавальер. Ж. Петито.
 Справа — Мария Анжелика де Фонтанж.
 Внизу — Франсуаза де Монтеспан с детьми

Фаворитки Людовика XIV.
 Слева — Луиза де Лавальер. Ж. Петита.
 Справа — Мария Анжелика де Фонтанж.
 Внизу — Франсуаза де Монтеспан с детьми.

Франсуаза де Ментенон, морганатическая жена Людовика XIV. П. Мильяр. 1694 г.

Архитектор
Луи Лево.
*Вторая половина
XVII в.*

Версаль
к концу
царствования
Людовика XIV

Архитектор Луи Лево. Вторая половина XVII в.
Версаль к концу царствования Людовика XIV.

Ландшафтный
архитектор
Андре Ленотр.
К. Маратта.
1678 г.

Версальский парк

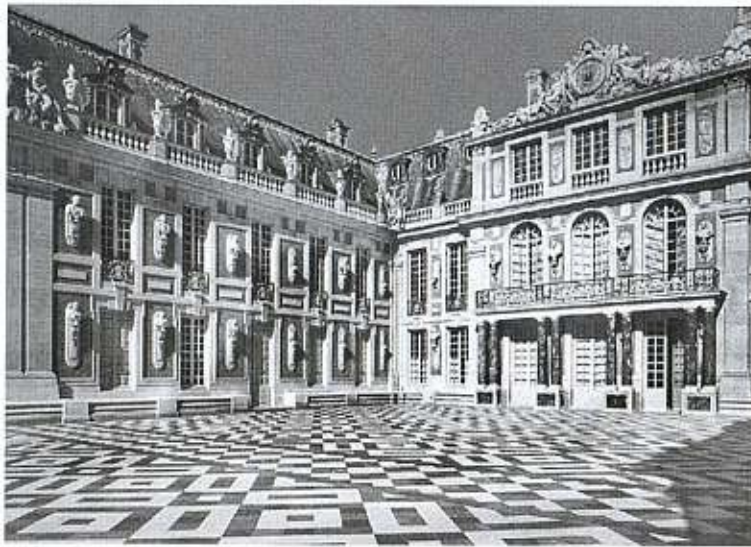

Ландшафтный архитектор Андре Ленотр. К. Маратта. 1678 г.
Версальский парк.

Версальский дворец и оранжерея. Ж. Мартен. 1695 г.

На втором этаже здания в глубине Мраморного дворика располагалась спальня короля

Версальский дворец и оранжерея. Ж. Мартен. 1695 г.

На втором этаже здания в глубине Мраморного дворика располагалась спальня короля.

Зеркальная галерея Версальского дворца

Салон войны

Зеркальная галерея Версальского дворца.
Салон войны.

Королевская семья. В центре — Анна Австрийская в образе богини Деметры и Людовик XIV в образе Аполлона. Ж. Нокре. 1670 г.

Людовик XIV с семьей. Н. де Ларжильер. 1710 г.

Королевская семья. В центре — Анна Австрийская в образе богини Деметры и Людовик XIV В образе Аполлона. Ж. Нокре. 1670 г.

Людовик XIV с семьей. Н. де Ларжильер. 1710 г.

Воспитанницы пансиона в Сен-Сире играют перед Людовиком и мадам де Ментенон трагедию Расина «Эсфирь»

Аллегория «Людовик XIV — покровитель наук и искусств». Ж. Гарнье. 1667 г.

Воспитанницы пансиона в Сен-Сире играют перед Людовиком и мадам де Ментенон трагедию Расина «Эсфирь»

Аллегория «Людовик XIV — покровитель наук и искусств». Ж. Гарнье. 1667 г.

Семья Великого дофина. П. Миньяр. 1687 г.

Сыновья Великого дофина. Слева — Людовик герцог Бургундский, отец будущего Людовика XV. Ж. Вивьен.
Справа — Филипп V Испанский. М. Мелендес

Семья Великого дофина. П. Мильяр. 1687 г.

Сыновья Великого дофина. Слева — Людовик герцог Бургундский, отец будущего Людовика XV. Ж. Вивьен.
Справа — Филипп V Испанский. М. Мелендес.

Похороны Людовика XIV

«Король умер! Да здравствует король!» 1 сентября 1715 года на престол Франции взошел пятилетний правнук Людовика XIV

Похороны Людовика XIV

«Король умер! Да здравствует король!» 1 сентября 1715 года на престол Франции взошел пятилетний правнук Людовика XIV.

Статуя Людовика XIV в Версале.

В Беарне в 1685 году — этот год стал решающим — интендант Никола Жозеф Фуко прилагает неимоверные усилия, чтобы добиться как можно большего числа обращений в католичество и угодить королю. Он приходит к Людовику с длиннейшими списками и, развернув перед ним карту своей провинции, показывает, как близко один к другому стоят протестантские храмы. Он предлагает провести своего рода «прополку», оставив только пять храмов, а другие пять, в связи с обвинением в нарушении эдиктов,

разрушить, и получает одобрение короля. Месяц спустя в Беарне уже не остается протестантских храмов.

Тот же Фуко вскоре придумывает «обращения в результате публичных обсуждений». Видных представителей так называемой Religion Pretendue Reformee («религии, именующей себя реформированной») собирают в каком-нибудь зале, где представители власти, сам Фуко или местный епископ, или, в отсутствие последнего, главный викарий, или командующий местными военными силами, оглушают их обещаниями и угрозами. Если еретики упорствуют, к ним посылают драгунов. Таким образом, Фуко может заявить, что с июля добился двадцати двух тысяч обращений и теперь, по его расчетам, в Беарне остается не более тысячи гугенотов.

Вдохновленные «успехами» Фуко, все прочие интенданты начинают действовать теми же методами. Уведомленный о том Версаль запрещает это подражание ему. Бесполезно... Благодаря поддержке подстрекаемых духовенством фанатически настроенных масс они чувствуют себя неуязвимыми. И происходит невероятное: приказания Людовика, первого из абсолютных монархов, не исполняются. Административная машина не отвечает на команды.

Подтверждение тому — удивительное письмо Лувуа от 8 ноября, адресованное Фуко, где всесильный министр, перед которым трепещет вся Франция, вынужден притвориться кротким ягненком: «Король получает каждый день прошения дворян вашего департамента с жалобами на то, что вы, не ознакомившись с их грамотами и даже не потребовав представить оные, включаете их в список облагаемых тальей. <...> В связи с этим я получил от его величества распоряжение потребовать от вас объяснений касательно сделанного вами в отношении этих жалоб и еще раз напомнить вам о том, что государь неоднократно просил меня уведомить вас от его имени о запрете что бы то ни было предпринимать без его разрешения. <...> Если сие не заставит вас быть более сдержанным, я буду вынужден умолять его величество поручить написать вам о его требованиях тому, кто внушает вам больше доверия и кого вы дадите себе труд в подробностях уведомить о своих действиях».

А в этот момент эдикт Фонтенбло, отменяющий Нантский эдикт, уже рассылается по провинциям.

Вот уже 300 лет историки пытаются выяснить, кто подтолкнул короля к этому решению, ибо известно, что Людовик не один год консультировался со своими советниками, прежде чем решиться на этот

шаг. Сейчас главным виновником считают старого канцлера Мишеля Летелье, отца Лувуа. Предполагают, что отец и сын действовали заодно и Лувуа скрывал от своего господина информацию, которая могла бы заставить его задуматься. «В королевстве всё идет прекрасно, протестантов больше нет», — твердило на все лады ближайшее окружение короля, однако никто не верил в искренность этих принудительных обращений в католичество.

Еще Сен-Симон писал по этому поводу: король «...поминутно получал списки отрекающихся и принимающих причастие; он утопал в бесчисленных святотатствах, полагая, что они есть результат его благочестия и его власти, и никто при этом не осмеливался сказать ему, что все об этом думают на самом деле».

Конде, удалившийся к себе в Шантийи, знал о ситуации много больше, чем его кузен Людовик.

Эдикт Фонтенбло провозглашал: поскольку протестантство «угасло» во Франции, запрещается отправление протестантского культа в королевстве. Храмы будут разрушены. У пасторов имеется две недели, чтобы сделать выбор между отречением и эмиграцией. Последним приверженцам протестантства запрещено покидать королевство; после задержания мужчины, нарушители этого приказа, будут отправлены на галеры, а женщины — в монастырь.

Популярность Людовика в это время выше, чем когда-либо. Волны всеобщих восхвалений бьются о стены Версаля. Тон задает мадам де Севинье: «Никогда ни один король не совершал и не совершит ничего более славного». Всех оставил позади Боссюэ, когда в январе 1686 года в надгробной речи, посвященной памяти канцлера Летелье, умершего 30 октября предшествующего года, произнес, что Людовик превзошел Константина, Феодосия, Марциана и Карла Великого. Парижская чернь устремилась в Шарантон^[118], чтобы разрушить храм и выкинуть из могил тела умерших, покоящихся на прилегающем к нему кладбище.

По приблизительным оценкам, между 1679 и 1730 годами около двухсот тысяч протестантов тайно выехали из Франции в Соединенные провинции, Пфальц, Англию, Швейцарию, Померанию, Бранденбург и Капскую колонию^[119] в Южной Африке. Эта эмиграция затронула преимущественно элиту королевства, то есть большинство предпринимателей и опытных ремесленников, отъезд которых нанес большой урон нации. Самые непримиримые из тех, кто остался, измученные преследованиями, объединяются для борьбы. Северные

опустошаются, и репрессии усиливаются. По-прежнему безжалостный Лувуа требует «брать поменьше пленных, большинство убивать на месте, не щадя ни мужчин, ни женщин». Провал «объединения» — Людовик называл «объединившимися» якобы обратившихся в католичество протестантов — очень быстро становится очевидным. Несмотря на все старания приближенных скрыть от короля реальность, ему довольно быстро всё становится ясным; но похоже, он смиряется с происходящим, хотя и не одобряет творимых от его имени жестокостей и неоднократно рекомендует выказывать снисходительность к непокорным. Спустя достаточно много времени после принятия ошибочного решения, в 1698 году, за два года до конца века, он вновь обратится к интендантам с призывом воздерживаться от жестокостей по отношению к «новым католикам», которые отказываются слушать мессу.

Вобан, и не он один, задолго до 1685 года понял, к чему приведет эмиграция гугенотов. Выступая по поводу углубления канала Двух Морей^[120], уже в 1679 году он с досадой указывает на значительное уменьшение числа специалистов и квалифицированной рабочей силы и дестабилизацию обстановки в этом до недавнего времени спокойном краю. Он составляет «Мемуар о необходимости возвращения гугенотов», где предлагает вернуться к Нантскому эдикту и сожалеет о бегстве людей и капиталов.

Провал очевиден, несмотря на неиссякаемый энтузиазм духовенства и большей части населения. Вплоть до конца этого царствования Франция дает впечатляющую картину единения вокруг нации своего короля, и историки считают, что отмена Нантского эдикта в 1685 году многократно оное усилила. Соответствующее духу времени стремление каждой страны к религиозному единству требовало этой отмены. Исходя из принципа *Cujus regio, ejus religio*^[121], некоторые из них считают, что протестанты признали бы легитимность этого принципа, если бы им позволили уехать.

Аугсбургская лига

Если отмена Нантского эдикта укрепляет единство королевства — правда, ценой досадного усиления роли Церкви в общественных делах, — то за пределами страны это решение имеет отрицательные последствия.

Людовик XIV, со времен Голландской войны обвинявшийся в стремлении к «всемирной монархии», теперь становится объектом злобных нападок европейских памфлетистов как в католических, так и в протестантских странах. Его именуют Антихристом и Зверем Апокалипсиса. Жертва собственной пропаганды, в течение двадцати пяти лет представлявшей его великим императором, он слывет теперь ненасытным тираном. Его союзники отдаляются от него.

Тотчас же после отмены Нантского эдикта он решает заставить своего соседа герцога Савойского изгнать жителей кантона Во под предлогом, что они в своих альпийских долинах дают пристанище гугенотам, бежавшим из Бриансонне. В случае отказа эту работу выполняют французские войска. Будучи не в силах оказать сопротивление, герцог Савойский решает присоединить свои войска к отрядам короля Франции. Весной 1686 года с этим делом уже покончено, но оскорбленный герцог при первой же возможности перейдет в лагерь врагов Франции.

В Германии всё гораздо сложнее. После смерти не имевшего детей пфальцграфа Рейнского Людовик требует половину Пфальца от имени своей невестки, второй жены Месье, своего брата, чтобы ослабить позиции законного преемника, назначенного в соответствии с Мюнстерским договором, так как этот Филипп Вильгельм Пфальц-Нейбургский, двоюродный брат покойного, католик, является ярым приверженцем императора Леопольда. Однако, чтобы не нарушать условия Регенсбургского перемирия, он обращается к папе как к третейскому судье, несмотря на свою ссору с ним по поводу регалии, из-за которой 30 французских епископств остаются без официально назначенных епископов.

Эта относительная сдержанность не мешает немецким владетельным князьям, которым грозит новое «присоединение», заключить ряд оборонительных союзов, что в июле 1686 года приводит к созданию Аугсбургской лиги. В нее входят император, король Испании, король Швеции, курфюрст Баварский, новый пфальцский курфюрст Филипп Вильгельм Нейбургский и еще довольно большое количество немецких

князей.

Несмотря на усилия королевской дипломатии, изоляция Франции продолжает углубляться.

На востоке Европы император Леопольд укрепляет свое положение: венгерский мятеж подавлен, турки, на протяжении веков внушавшие ужас, отброшены от Вены и терпят жестокие поражения в 1686 году в Буде, а в 1687-м — в Мохаче. Теперь империя может перебросить все свои войска на Рейн.

Папа Иннокентий XI не хочет ни о чем слышать. В июне 1688 года вопрос о преемнике архиепископа-курфюрста Кёльнского Максимилиана Баварского становится для воинственного понтифика поводом взять реванш у Людовика. Максимилиан был давним другом Франции, а теперь король хочет поставить на его место другого своего друга, кардинала Фюрстенберга, князя-епископа Страсбургского, который является его советником в немецких делах. Это вызвало бурю негодования в германских землях. Вместо епископа Страсбургского император предлагает епископа Регенсбургского. Папа тотчас же соглашается. При голосовании мнения в капитуле ^[122] разделились. Папа берет на себя роль арбитра. Людовик тайно отправляет в Рим помощника Лувуа маркиза де Шамле, чтобы тот в беседе с папой объявил о готовности пойти на уступки в вызывающем такое раздражение понтифика вопросе о регалии и привилегиях французских послов в Риме. Людовик надеется, что Иннокентий XI откажется утвердить инвеституру Иосифа Клеменса Баварского. Папа отказывается принять Шамле и отправляет буллы, в силу которых Иосиф Клеменс становится архиепископом-курфюрстом Кёльнским.

Двадцать четвертого сентября 1688 года Людовик публикует манифест, где по пунктам перечисляет всё, что вызывает его недовольство: отказ империи превратить Регенсбургское перемирие в мирный договор; отказ удовлетворить претензии герцогини Орлеанской на наследство курфюрста Пфальцского; создание у границ Франции враждебной ей лиги. Всё это требует принять меры, обеспечивающие безопасность... но если члены коалиции выкажут благоразумие, согласятся превратить Регенсбургское перемирие в мирный договор, он пойдет на уступки. А пока первой из мер предосторожности станет оккупация Филипсбурга.

Отправляя туда, в сопровождении Вобана и маршала де Дюра, Великого дофина, король говорит ему: «Посылая вас командовать моей армией, я даю вам возможность продемонстрировать свои достоинства; пусть их увидит вся Европа, чтобы, когда меня не станет, никто не заметил, что король умер».

Филипсбург сопротивляется целый месяц, но в конце концов 29 октября капитулирует. Оккупированы также Авиньон, владение папы, и Мангейм.

В ответ Леопольд отправляет армию на Рейн.

Тем временем Вильгельм Оранский стал королем Англии под именем Вильгельма III, заняв трон своего тестя Якова II, чей агрессивный католицизм был невыносим для англиканцев. 15 ноября Вильгельм высаживается на английский берег с 13 тысячами солдат. В распоряжении Якова II их 40 тысяч, но они все как один предают его следом за Джоном Черчиллем, будущим герцогом Мальборо, который, на горе французскому оружию, будет командовать войсками во время Войны за испанское наследство.

Яков II, сам виновный в своем поражении, бежит во Францию. Людовик оказывает ему любезный прием и поселяет в Сен-Жермене.

Двадцать третьего июня 1689 года в Лондоне парламент единогласно провозглашает Вильгельма и его жену Марию «королем и королевой Англии, Франции, Ирландии и принадлежащих им государств». Вильгельм тотчас же был признан главой коалиции, направленной против Франции.

Для предотвращения войны Людовик не находит ничего лучшего, как опустошить Пфальц, чтобы создать там своего рода защитную зону, которая помешает продвижению имперцев к Рейну. Однако это не только не помешало им и, тем более, не испугало (хотя французы рассчитывали на то, что операция эта устроит врагов), а, напротив, значительно усилило их, поскольку заставило немецких князей встать на сторону императора.

Устроенная незадолго до того в Голландии по приказу герцога Люксембургского резня в Свамердаме и Бодеграве точно так же имела благоприятные последствия для Вильгельма Оранского.

Наиболее значимыми среди новых союзников императора Леопольда являются курфюрсты Бранденбургский и Саксонский, герцог Ганноверский и ландграф Гессенский.

А в довершение несчастий внезапно умирает королева Испании Мария Луиза Орлеанская и Карл II вступает в новый брак, на сей раз с немкой, сближается с Соединенными провинциями и открывает имперцам бельгийские крепости.

Двенадцатого мая 1689 года Австрия и Соединенные провинции заключают наступательный союз. А 17-го Вильгельм Оранский, ставший королем Англии Вильгельмом III, объявляет войну Людовику XIV, который месяцем ранее, 17 апреля, объявил войну Испании. В Европе вновь разгорается огонь войны.

В это время король с удовлетворением узнает о смерти Иннокентия XI и избрании на трон Святого Петра Александра VIII, что тотчас же кладет конец напряженности в отношениях Франции с Римом. Людовик возвращает папе Авиньон.

Война начинается неудачно. Войскам не хватает боевого духа. Майнц и Бонн потеряны. Высадка в Ирландию войск под командованием Лозена^[123] с целью помочь вернуть трон Якову II, свергнутому оранжистской революцией, проваливается. По поводу приема, оказанного Людовиком свергнутому королю Англии, мадам де Севинье восторженно пишет: «Государь делает для английского короля и королевы нечто божественное; но разве не надлежит наместнику Всевышнего на земле поддерживать этого изгнанного, преданного и всеми покинутого короля? В этом деянии раскрывается прекрасная душа нашего монарха».

Эти неудачи дают повод обвинить Лувуа в том, что он продвигает генералов, более способных угождать и заискивать, чем командовать войсками. Его влияние уменьшается. Но одновременно возрастает влияние клана Кольбера, сын которого, Сеньеле, как и его отец, влюбленный в морской флот, получает доступ в Большой совет, а Кольбер де Торси^[124] добивается приобщения к занимаемой его отцом должности государственного секретаря по иностранным делам.

В 1690 году командование армией во Фландрии берет на себя герцог Люксембургский, и всё меняется. 1 июля под Флерюсом он наголову разбивает армию принца Вальдека. Он мог бы продолжить продвижение, но король останавливает его, предпочитая, как всегда, осадную войну наступательной. 10 июля флот, созданный Кольбером и Сеньеле, под командованием Турвиля^[125] разбивает у мыса Бевезье (Бичи-Хед) в Ла-Манше англо-голландский флот, нанеся ему существенный урон. Лондон охватывает паника.

В тот же день франко-ирландские войска под командованием Якова II Стюарта и Лозена, высадившиеся в Ирландии, чтобы вернуть королю трон, были разбиты на реке Войн Вильгельмом и Шомбергом, французским маршалом, перешедшим на сторону врага. 27 июля в Париже распространяется слух о том, что Вильгельм убит. Жан Кристиан Птифис пишет: «В народе это вызвало взрыв ликования. Взрыв спонтанный... Всю ночь на улицах пели и танцевали, открывали бочки с вином, пили за здоровье короля Франции и проклинали его соперника».

В Версале возбужденная толпа сметает охрану, заполняет двор и устраивает фейерверки под окнами Людовика.

В августе под Стаффардой в Пьемонте Катина^[126] наносит поражение герцогу Савойскому.

Собравшиеся в марте 1691 года в Гааге члены коалиции, удрученные этой чередой поражений, пребывают в растерянности. Вильгельм, как всегда, старается укрепить их боевой дух. А тем временем Людовик стягивает стотысячное войско к Монсу, чтобы начать столь милую его сердцу широкомасштабную осаду. Вильгельм приходит на помощь слишком поздно и, потерпев поражение, возвращается в Англию. Смерть папы Александра VIII и избрание в июле Иннокентия XII еще улучшают отношения между Францией и Римом — между ними теперь царит редкое согласие.

Людовик приказывает забыть о четырех положениях, определяющих статус Галликанской церкви, едва не приведших ее к схизме, а папа делает всё возможное для укрепления этого альянса.

В июле того же года от апоплексического удара в возрасте пятидесяти лет внезапно умирает Лувуа. Все испытывают облегчение. Его отвратительный характер с годами стал и вовсе невыносимым, так как к жестокости и упрямству, заставлявшим всех бояться его, добавилась еще и вздорность, ибо со смертью Кольбера исчез сдерживавший его противовес. Жан Кристиан Птифис считает, что именно с 1691 года, а не с 1661-го «король реально полностью взял власть в свои руки», ибо, по его мнению, Кольбер и особенно Лувуа препятствовали свободному выражению его воли.

Сен-Симон, которому в ту пору было 16 лет, заметил на лице короля «какое-то выражение легкости и свободы». Посол Венеции отмечает: «Лувуа в глазах всех был душой правления» — и добавляет, что «отныне ход делам будет давать непосредственно сам король».

Однако во всеобщем облегчении ощущается некоторый оттенок тревоги. Кое-кто, в том числе и мадам де Севинье, задается вопросом: «А может быть, Лувуа был незаменим?» «Вот и умер месье де Лувуа, этот великий министр, столь влиятельный человек, занимавший столь важное место, личность которого, как говорит месье Николь (знаменитый в ту пору янсенистский моралист. — Э. Д.), была столь значительна, что являлась центром очень многого».

Людовик, как обычно, выказывает истинно королевскую невозмутимость. Посланнику Якова II, явившемуся с выражениями соболезнования, он отвечает: «Месье, скажите королю Англии, что я потерял прекрасного министра, но от этого не пострадают ни его дела, ни мои».

Чтобы доказать это, он устраивает в следующем году гигантский военный парад в Живри, в Бургундии, с ослепительной торжественностью начинает осаду Намюра и с безжалостной невозмутимостью возвращается в Париж 16 июня, в годовщину смерти Лувуа.

Тем не менее в период с 1691 по 1715 год эта внешняя уверенность скрывает нечто, причем весьма существенное, что свидетельствует об ослаблении королевской власти: во-первых, финансовые трудности, которые длятся с 1699 по 1708 год, и во-вторых, влияние войны, которая продолжается с 1701 по 1709 год. Это были десять лет движения «на холостом ходу», самый трагический период царствования Людовика, когда объединенная Европа делает всё, чтобы унижить королевство, а если удастся, и расчленить его. В обоих случаях ответственность ложится на Мишеля де Шамийяра, который сначала играл с королем на бильярде, а потом стал его другом и, как утверждает Франсуа Блюш, «почти что его фаворитом». Одно то, что Франсуа Блюш употребил слово «фаворит», более пятидесяти лет находившееся под запретом, говорит о том, насколько бремя лет ослабило короля.

Шамийяру, возглавляющему финансовое и военное ведомства, которые раньше делили между собой Кольбер и Лувуа, катастрофически не хватает размаха, необходимого для исполнения даже одной из этих должностей (а для исполнения обеих нужен был бы сверхчеловек). Несмотря на его добросовестность — а этого качества у него в избытке — он изнемогает под бременем непосильных для него обязанностей. И это касается не только его одного. Все замечают, что Людовик, ставший с годами подозрительным и обидчивым, с удовольствием окружает себя, по словам неизменно язвительного Сен-Симона, либо «очень молодыми людьми», либо неприметными служителями.

До сих пор власть была абсолютной, но не личной; теперь она, оставаясь абсолютной, становится личной: решения принимаются во время «работы короля». Людовик работает наедине с кем-то, кого он решил вызвать, будь то генеральный контролер или просто человек, которого он считает компетентным в том или ином вопросе. Такого рода укороченная процедура исключает дискуссии, имевшие место ранее на заседаниях советов, в частности Большого совета, сводит число принимающих решение к одной лишь особе короля и узаконивает, таким образом, изоляцию королевской власти.

Людовик является истинным главой государства. Примерно к 1690 году следует отнести становление «административной монархии»,

противостоящей монархии «оффисье»^[127]. Желая обеспечить согласие среди своих советников, Людовик содействует заключению брачных союзов, дабы таким образом сблизить соперничающие кланы. Он выдает дочь Симона Арно де Помпонна за сына Кольбера де Круасси Жана Батиста, маркиза де Торси, который позже станет блистательным министром иностранных дел; он женит Барбезье, сына Лувуа, на Луизе Шарлотте де Крюссоль, дочери герцога д'Юзеса; Маргариту Летелье, младшую дочь Лувуа, он выдает за Луи Никола де Нёвиль-Вильруа, сына самого ничтожного и самого тщеславного из своих друзей, вечно терпевшего поражения «героя» Кремоны, Рамийи и прочих сражений, неудачливого маршала де Вильруа.

Людовику, не выносившему новые лица в своем окружении и более всего ценившему дружбу, понадобилось десять лет, чтобы признать, наконец, бездарность своего любимца.

И дело не только в слабости Шамийяра. Король изменился. Огромный опыт, приобретенный им за 30 лет правления, дал ему ту уверенность, которой в 1661 году, когда он только взял власть в свои руки, ему так не хватало, несмотря на его не терпящие возражений заявления. Как далеко то время, когда, обращаясь к Кольберу, он говорил: «Я вам приказываю делать всё, что вы пожелаете». Он и раньше требовал докладывать ему обо всём в мельчайших подробностях, а с годами стал еще более дотошным и педантичным. Шамийяр — да и кто-либо другой из членов его правительства — никогда не сможет действовать так же независимо, как его предшественники. Жан Кристиан Птифис справедливо указал на «размытость структуры и отсутствие четкого разграничения обязанностей в его правительстве».

С 1689 по 1699 год генеральным контролером финансов является Луи де Поншартрен; благодаря его энергии и компетентности это ведомство занимает главенствующее место. Иначе всё обстоит и при Шамийяре, занимавшем этот пост с 1699 по 1706 год, и при Никола Демаре, племяннике Кольбера, возглавлявшем финансы с 1706 года вплоть до кончины короля. Но при этом следует сказать, что Демаре, своего рода акробат от финансов, поддерживая дружеские отношения со всеми откупщиками, исхитрялся регулярно снабжать армию деньгами, что поистине достойно восхищения.

После отказа Шамле, правой руки покойного Лувуа, занять его место, Людовик останавливает свой выбор на третьем сыне Лувуа, 23-летнем Луи Франсуа Мари Летелье, маркизе де Барбезье, который ранее был уже приобщен к должности государственного секретаря, занимаемой его отцом.

Он очень талантлив, но слишком молод и легкомыслен для такой ноши; в его назначении есть нечто от королевской вежливости. В конечном счете его ведомство было разделено на части, которые возглавили многие из родственников Кольбера, главного врага Лувуа. В частности, Жильбер Кольбер де Сен-Пуанж возглавил военное ведомство вместе с Шамле.

Поскольку война в это время является главным делом, Людовик, по-прежнему одержимый жаждой славы и военных деяний, с головой погружается в руководство оными. Его генералы, удивленные и очарованные, — так как его обращение, неизменно учтивое и приветливое, является разительным контрастом надменности Лувуа, — получают одну за другой двадцатистраничные депеши.

1692 год — это год Стенкерка и Ла Хог. При Стенкерке герцог Люксембургский отражает внезапную атаку Вильгельма и наносит ему серьезный урон. В Ла Хог Турвиль теряет 12 кораблей, приведенных по приказу маршала де Бельфона в бухту Сен-Вааст; они были сожжены вражескими канонерскими лодками. По личному приказу короля, который не хотел ждать прибытия тулонской эскадры, он, имея вдвое меньше кораблей (44 против 89), вступил в бой с англо-голландским флотом, чтобы позволить осуществить новый десант на британские острова. Катастрофа в Ла Хог, последствия которой вполне можно было исправить (что и будет сделано в следующем году), тем не менее имела следствием надолго воцарившееся пессимистическое отношение к флоту и прискорбное падение интереса к морским делам. Но Людовика это не смущает.

Полтора месяца спустя, 16 июля, принимая Турвиля, король, к всеобщему удивлению, обращается к нему со словами: «Я очень доволен вами и вашим флотом; нас разбили, но вы покрыли славой и себя, и нацию; нам это стоило нескольких кораблей, но мы всё восстановим в этом году, и мы наверняка разобьем противника».

В следующем году Турвиль одерживает победу у Лагуша. Но поскольку война эскадр обходится достаточно дорого, против вражеского торгового флота начинается каперская^[128] война. Однако несомненных успехов французских корсаров всё же недостаточно, чтобы нанести желаемый урон.

1693 год во Фландрии — это год Неервиндена, самого кровавого сражения этого века, унесшего 29 июля 30 тысяч жизней. Герцог Люксембургский вновь наголову разбивает Вильгельма и отправляет в Париж богатый урожай знамен и штандартов. В Пьемонте Катина

одерживает победу над герцогом Савойским близ Марсальи. А на море у португальского порта Лагуш Турвиль, имея в своем распоряжении 71 корабль, захватывает огромный конвой из 144 парусных судов, направляющихся в Смирну (Измир) в сопровождении двух эскадр, английской и голландской, которые он обращает в бегство.

Увлечение мистицизмом и подрывной дух

Следующий, 1694 год был наихудшим в этом царствовании, даже хуже, чем 1709-й, известный своей Великой зимой^[129].

Война продолжалась, но таким тяжелым сделали этот год два совершенно не сравнимых по значимости события внутри страны. Первое, громадное — голод, какого никогда не бывало ранее; второе, на первый взгляд совершенно ничтожное — письмо, присланное королю епископом Фенелоном, воспитателем внука короля, герцога Бургундского, и любимцем партии святош. Но первое имело узко локализованный характер, а второе своей проповедью совершенной добродетели предвещало новый подъем оппозиции абсолютной монархии.

Мы уже убедились в том, что вопросы религии имели огромное значение в ту эпоху, когда правитель являлся монархом милостью Божьей и именовался Христианнейшим королем. Католическая религия являлась становым хребтом королевства, поскольку монархия освещалась миропомазанием на царствование. А потому любой вопрос, касающийся религии, становился государственным делом. Если оставить в стороне такое важное событие, как отмена Нантского эдикта, то проблема янсенизма приобрела тогда немыслимое в наши дни значение; а что касается спора о квиетизме^[130], то Вольтер имел основания написать в своем «Веке Людовика XIV»: «Спор о квиетизме есть одно из проявлений чрезмерной изощренности ума и увлечения теологическими тонкостями, которые не оставили бы ни малейшего следа в памяти людей, если бы не имена двух соперников, принимавших в оном участие».

Согласно словарю Литтре, квиетизм есть «доктрина нескольких мистических теологов, согласно которой следует уничтожить себя самого, дабы соединиться с Богом, пребывать в состоянии пассивного созерцания и оставаться равнодушным к тому, что может происходить с нами в этом состоянии». Такое умерщвление души позволяет ей избежать греха.

Принцесса Пфальцская более прямолинейна, чем словарь, и более иронична: «Квиетизм — очень удобная религия, ибо полагает молитву и все внешние религиозные ритуалы излишними, нужными лишь невеждам; тогда как ее приверженцы, однажды посвятив свою жизнь Богу, не могут быть прокляты; им остается лишь раз в день говорить: «Бог существует»,

— а потом на протяжении всего дня они могут удовлетворять любые желания своего тела, просто считая их животными».

Эти принципы растворения в Боге, которые мадам Гийон именovala Чистой Любовью, были сформулированы испанским теологом Молиносом в его «Духовном путеводителе», осужденном Иннокентием XI в 1687 году, когда во Франции его идеи находили всё больше приверженцев.

Здесь главными поборниками того, что вполне заслуживает названия секты, были дочь королевского прокурора в округе Монтаржи Жанна Мария Бувье де ла Мот, в замужестве Гийон, монах-варнавит^[131] Франсуа Лакомб и один из виднейших церковных деятелей своего времени Франсуа Салиньяк де ла Мот-Фенелон, вскоре ставший воспитателем герцога Бургундского, старшего сына Великого дофина, будущий архиепископ Камбре.

В наши дни в первой видят истеричку, во втором — жертву столь же свирепой, сколь и устаревшей нетерпимости; третьего иногда считают святым, иногда — одержимым разрушительным (по меркам того времени) духом, а по большей части в нем видят человека талантливого, но простодушного и всегда — утописта и при этом значительного писателя.

Мадам Гийон и отец Лакомб, которых связывал такого же рода мистицизм, что ранее сближал Терезу Авильскую^[132] и Хуана де ла Круса, Франциска Сальского и Жанну де Шанталь, проповедовали свою доктрину по всей Франции до тех пор, пока монах не был арестован за распространение ереси.

Сначала, в октябре 1687 года, Лакомб был заключен в Бастилию, потом на Олерон, а после в замок Лурд^[133], откуда он так и не вышел на свободу. Мадам Гийон, со своими исступленными восторгами, видениями и голосами, в январе 1688 года была отправлена в монастырь визитанток на улице Сент-Антуан в Париже; однако, имея заступниц при дворе, она провела там лишь несколько месяцев и вновь начала проповедовать свою веру, опираясь в этом на труды собственного сочинения — «Легчайший способ молиться» и «Духовные потоки» (каковые, по ее словам, постоянно изливались на нее, так что она, задыхаясь, падала наземь, словно утопая в благодати). Дар убеждения открывал ей двери в самые изысканные салоны, где она и собирала свою высокородную паству, среди которой вскоре оказались три герцогини, дочери-Кольбера — Бовилье, Шеврёз и Мортемар, а также герцогиня де Бетюн-Шаро, дочь сюринтенданта Фуке (за ее брата Луи Никола графа де Во виконта де Мелан мадам Гиойн выдала свою дочь). А самое главное — ей удалось увлечь мадам де Ментенон, и та

поручила ей наставлять воспитанниц Сен-Сира^[134], о которых она пеклась как о собственных дочерях. Наконец, покровительницы мадам Гийон познакомили ее с блиставшим при дворе аббатом Фенелоном, которого мадам де Ментенон намеревалась сделать своим духовником.

Жанне Марии было в ту пору сорок лет, Фенелону — тремя годами меньше. Красивый, блестящий, пылкий, вкрадчивый, он был неотразим. «Нелегко было оторвать от него взгляд», — пишет Сен-Симон. Они с первой встречи почувствовали влечение друг к другу, влечение исключительно мистическое, но оттого не менее опасное для обоих.

В августе 1689 года Фенелон стал воспитателем герцога Бургундского, старшего сына Великого дофина и, стало быть, прямого наследника трона. Луи де Поншартрен, канцлер Франции, был единственным, кто пытался предостеречь короля. Он сказал Людовику, что Фенелон создает «при дворе и почти что у него на глазах партию, опасную для религии, губительную для добрых нравов и способную привести к фанатизму, равно гибельному и для Церкви, и для государства».

Поншартрен оказался провидцем. Едва став воспитателем герцога Бургундского, Фенелон, по мнению литературного критика Фердинанда Брюнетьера, возомнил, что «на него возложена миссия не просто воспитывать принца, но через него и вместе с ним реформировать государство». Он видел свою задачу в том, чтобы подготовить герцога Бургундского не к той роли, которая была ему предназначена по рождению, а к роли коронованного агнца. Ибо для Фенелона, как и для Сен-Жюста, король всегда виновен, и если есть средство смягчить эту вину, то оно заключается в отказе от власти, в приобщении к небесному.

Он ждал четыре года, прежде чем написать письмо, в котором он себя выказал непримиримым врагом действенной монархии.

В этом анонимном письме, адресованном королю в 1694 году, излагаются его мотивы:

«Вы родились, Сир, с прямодушным и справедливым сердцем, но те, кто вас воспитывал, внушили вам, что наука управления держится на недоверии, зависти, пренебрежении добродетелью, страхе перед истинным достоинством, и привили вам расположение к людям угодливым и низким, высокомерие и заботу только о собственных интересах.

За последние 30 лет ваши главные министры расшатали и опрокинули все старинные основы государства, чтобы безмерно вознести вашу власть, ставшую их властью, потому что она находилась в их руках. Более не было речи ни о государстве, ни о законах, говорили только о короле и о его удовольствиях и забавах. Ваши доходы и расходы бесконечно возросли. Вас

стали превозносить до небес зато, что вы затмили величие всех ваших предшественников, то есть за то, что вы сделали нищей всю Францию, ради того чтобы ваш двор блистал чудовищной и неисцелимой роскошью.

<...> Вы полагали, что правите, потому что вы определили границы между теми, кто правил. И они открыто продемонстрировали свою силу, усомниться в коей не было возможности. Они были грубыми, надменными, несправедливыми, жестокими, бесчестными. В управлении как внутренними, так и внешними делами государства они не знали иных методов, кроме угроз, подавления и уничтожения всех, кто оказывал им сопротивление...

Они сделали ваше имя ненавистным, а всю французскую нацию — невыносимой для всех ее соседей. <...> Например, Сир, ваше величество вынудили начать Голландскую войну ради вашей славы и для того, чтобы наказать голландцев за непочтительные речи, кои они позволили себе в связи с тем, что нарушение введенных кардиналом де Ришелье правил торговли поставило их в затруднительное положение. Я указываю именно на эту войну, потому что она была источником всех прочих войн. В основе ее — лишь жажда славы и мести, что никак не может сделать войну справедливой; из этого следует, что расширение пределов государства, являющееся результатом этой войны, по сути своей незаконно и несправедливо...

Этого довольно, Сир, чтобы признать, что всю жизнь вы шли путем, далеким от истины и справедливости, а следовательно, и от пути, указанного Евангелием».

Но первоначальный грех Голландской войны — отнюдь не единственный грех короля. Король виноват не только в разорении Европы, но и в нищете своего народа, иначе говоря, в погодных условиях, уничтоживших урожай: «Ваши народы, коих вы должны были бы любить, как своих детей, и кои до сих пор преклонялись перед вами, умирают от голода. <...> Вся торговля уничтожена. <...> Вся Франция превратилась в разоренный и лишенный довольствия лазарет. И во всех этих бедствиях, Сир, виноваты лишь вы сами».

Неизвестно, прочел ли король это послание. Если прочел, то можно не сомневаться, что автором письма был Фенелон. Ибо иначе Людовик выказал бы более суровости по отношению к нему пять лет спустя в связи с «Приключениями Телемаха», где в более мягкой форме, специально для герцога Бургундского, сформулированы все критические соображения анонимного священника. Тем временем Боссюэ, побуждаемый мадам де Ментенон, вполне избавившейся от увлечения проповедником Чистой

Любви, сумел добиться осуждения автора Римом.

Своим тяжеловесным, назидательным «Телемахом» Фенелон хотел приобщить своего ученика к той ангельской монархии, о которой мечтал. Людовик приказал изъять книгу, отправил всё квиетистское окружение юного принца предаваться своим утопиям в другом месте, а Фенелона — в Камбре, снисходительно заметив: «Месье архиепископ Камбре является самым химерическим среди лучших умов королевства».

Весной и летом 1693 года без перерыва льют дожди. Урожай везде гниет на корню. Хрупкое сельскохозяйственное равновесие, позволяющее крестьянам — а они составляют 90 процентов населения — кормить себя и всю страну, нарушено.

Сетье пшеницы (156 литров зерна) в июле 1691 года стоит 10 ливров, в мае 1695-го — 25, а в сентябре — 42 ливра. Имеющиеся запасы едва позволяют дотянуть до конца года.

В 1694 году положение радикально меняется. После дождей приходит засуха. Посевы гибнут, а так как закрома пусты, начинается голод. Несмотря на значительные закупки пшеницы за границей, по всей стране умирают люди. Размах бедствия столь велик, что государственная помощь — не более чем капля в море. Во дворе Лувра каждый день выпекают 100 тысяч порций хлеба, продаваемого по два су за фунт, к ярости булочников, которых разоряет эта цена.

Военный флот, который преследует караваны вражеских судов с продовольствием и защищает свои корабли, популярен как никогда. Судовладельцу из Дюнкерка Жану Бару устраивают триумфальный прием после того, что он сделал в Северном море близ голландского острова Тексел 29 июня.

Король закупил зерно в Польше. Его загрузили на датские и шведские суда. Жан Бар выходит им навстречу с шестью фрегатами. Поравнявшись с ними, он видит, что они окружены восемью голландскими судами, которые уже производят досмотр, намереваясь увести их к себе. Он атакует корабль вице-адмирала и после получасового боя захватывает его. Тем временем капитаны других кораблей захватывают еще два судна, а пять других обращаются в бегство. Жан Бар приводит в Дюнкерк три трофейных корабля и 30 торговых судов, а большая часть каравана — 80 парусников — беспрепятственно продолжает путь в Дьеп и Гавр. Король дарует Жану Бару титул шевалье и приказывает отчеканить медаль с надписью: «Франция обеспечена хлебом благодаря заботам короля после разгрома голландской эскадры».

Флот, конечно, немало содействует облегчению страданий народа, но в

целом итог этих двух лет ужасен. Свирепствуют брюшной и сыпной тиф, оспа и прочие инфекционные болезни.

Один миллион 300 тысяч умерших за два года из двадцати двух миллионов населения! Это самая страшная природная катастрофа в истории Франции. (Два века спустя четыре года Великой войны^[135] унесут меньше жизней, хотя к тому времени численность населения Франции составит 40 миллионов.) Надежда возвращается вечером 27 мая 1694 года, когда на поля изливается спасительный для урожая дождь, который на большей части территории Франции длится неделю. Утром, правда, по улицам Парижа пронесли раки с мощами святой Женевьевы и святого Марселя, за которыми следовала огромная процессия во главе с Месье, молившая небеса о ниспослании дождя.

А король тем временем стареет, так что становится почти неузнаваем. Это замечает принцесса Пфальцская, супруга Месье. «Король сдает. Он дряхлеет. Он выглядит толстым и старым. <...> Его трудно узнать. С каждым днем у него появляется всё больше морщин».

Выражение его лица, когда он за ним не следит, демонстрирует обычно угрюмое безразличие человека, утратившего все иллюзии. Ему 56 лет. В XVII веке это уже старость, но он выглядит еще старше своих лет. Излишества в еде являются одной из причин этого стремительного старения. Людовик ест за четверых и всё подряд — диетология тогда была еще в зачаточном состоянии — и, можно сказать, собственными зубами роет себе могилу.

Принцесса Пфальцская, сама большая любительница поесть, ошеломлена тем, что он может съесть за один раз: «четыре тарелки разных супов», которые никак не назовешь просто похлебкой, «целого фазана, куропатку, большую тарелку салата» (а салаты тоже были не пустяковыми), «куски баранины в чесночном соусе, тарелку сладостей, фрукты и варенье».

Окружающие его медики, чьи предписания он скрупулезно исполняет, усугубляют его состояния вполне мольеровскими средствами^[136] — слабительными, клизмами, нелепыми диетами. Он постоянно страдает от несварения желудка, ревматизма, лихорадки, подагры, колик, насморка. Ему пришлось удалить почти все зубы. А эскулапы оказались столь «умелыми», что продырявили ему нёбо. Когда он пьет, жидкость вытекает у него через нос. Он лишь с большим трудом может сесть на лошадь.

Все эти неудобства не мешают ему много работать. Но усталость от

трудов делает его покладистым. Влияние его духовника на дела управления королевством с годами становится всё более ощутимым, и прежде всего — на дела религиозные; а значение этого аспекта нельзя недооценивать, особенно во Франции XVII века, ибо Франция является не только первой державой в Европе, но и более других стран склонна — чисто галльское свойство? — к интеллектуальным распрям. В наши дни, когда Церковь вот уже 100 лет отделена от государства, такое большое значение, придававшееся прежде этим вопросам, кажется странным, нелепым и необъяснимым.

Так, всё тот же вопрос о янсенизме по-прежнему очень занимал Людовика XIV в разгар Войны за испанское наследство, когда, казалось бы, у него были гораздо более серьезные поводы для беспокойства. Смерть в 1709 году духовника короля отца Лашеза, иезуита любезного, и замена его отцом Летелье, иезуитом воинственным, имели серьезные последствия.

Однако все решения диктуются войной. 18 января, исчерпав все средства, Людовик вводит капитацию — еще один налог, к тому же революционный: впервые платят все, в том числе и принцы крови. Учреждаются 22 класса налогоплательщиков, первый из которых облагается суммой в две тысячи ливров, а последний — суммой в один ливр. Эти классы включают в себя 569 категорий, охватывающих все ранги и все профессии. Например, в десятом классе фигурируют полковники, парижские эшевены, банкиры, парижские нотариусы; а в шестнадцатом — преподаватели права, адвокаты, торговцы зерном и дровами.

Налог этот не кладет конец войне; он взимается для того, чтобы продолжать ее. И она продолжается, пока ситуация не заходит в тупик.

Король Швеции Карл XI предлагает свое посредничество. Людовик соглашается, выдвигает предложения, которые отвергают император и Вильгельм Оранский. Людовик идет на дополнительные уступки, стараясь вывести из коалиции герцога Савойского, что удается 29 июня 1696 года. Франция возвращает герцогу его владения, в том числе Ниццу и Вильфранш. Одна из дочерей герцога станет супругой старшего сына Великого дофина, а савойцы вольются во французскую армию для завоевания Миланского герцогства.

Измена Виктора Амедея Савойского повергает членов коалиции в уныние: император и король Испании соглашаются приостановить военные действия в Северной Италии вплоть до подписания мирного договора. Вильгельм Оранский, впервые в жизни утративший решимость, склоняется к переговорам с Францией своего друга Гейнзиуса, Великого

пенсионария^[137], который еще больше, чем он, ненавидит «короля-солнце».

Переговоры начинаются 9 июня 1697 года в Ньивбурге, близ Рисвика (Рейсвейка) в Голландии. Император оказывается самым несговорчивым, упорно продолжая требовать от Людовика возвращения Страсбурга и отказа от испанского наследства. Король, чтобы ускорить переговорный процесс, предъявляет ультиматум союзникам империи.

Двадцать первого сентября 1697 года Англия, Испания и Соединенные провинции подписывают мир с Францией. 30 октября мир подписывает и Священная Римская империя.

Рисвикский мир был компромиссом после девяти лет сражений, которые велись даже в Индии и Америке. Голландцы захватили Пондишери^[138], французы — Картахену в Колумбии и, уйдя из Канады, разграбили Бостон, Нью-Йорк и укрепились в Ньюфаундленде... Но этот компромиссный мир, тем не менее, явственно свидетельствовал об ослаблении влияния Франции.

Франция сохранила Страсбург, но возвращала значительную часть своих завоеваний. Король потерял почти всех своих приверженцев в Германии; попытка посадить на польский трон после смерти Яна Собеского принца де Конти потерпела фиаско; были утрачены позиции в Италии и на правом берегу Рейна. Участники Аугсбургской лиги решили сохранить свой союз, чтобы наблюдать за действиями Людовика. От гегемонии, обретенной Францией после Нимвегенского мира, остались одни воспоминания.

Подлинную выгоду из этих событий извлекла только Англия. Поборник легитимности и божественного права, Людовик вынужден был признать королем узурпатора Вильгельма Оранского, неутомимого вдохновителя направленной против Франции коалиции, изгнавшего своего тестя Якова II, чтобы самому стать королем Англии. Более чем два века Лондон будет являться хранителем «европейского равновесия», что даст ему свободу рук на море.

Этот мир не встречает одобрения во французском обществе. Вобан считает его еще более позорным, чем мир, заключенный в 1559 году в Като-Камбрези между Генрихом II и Филиппом II Испанским, по которому Франция лишилась Савойи и Пьемонта. Мадам де Ментенон, ярая пацифистка, считает позорным возвращать то, что стоило таких усилий и ради чего было пролито столько крови.

Причина столь несоразмерных с ситуацией уступок, возможно, заключается в том, что Людовик хотел сохранить все силы Франции для

решения вопроса об испанском наследстве. После тридцати лет ожидания и предположений относительно здоровья Карла II состояние его настолько ухудшилось, что настал момент, когда каждый лишний день его жизни одним представлялся чудом, а другим — проклятием. Раздел его огромного наследства был делом первейшей важности для европейских держав и в первую очередь для Франции.

Роковое наследство

Карл II Испанский умер 1 ноября 1700 года. Понадобилось 30 лет, чтобы давно ожидаемое свершилось. Волнение, вызванное его кончиной, было соразмерно оставленному им наследству.

Месяцем раньше, 2 октября, он подписал последнее завещание, коим назначал герцога Анжуйского своим единственным наследником. Внуку Людовика XIV, второму сыну Великого дофина было 17 лет. Все были повергнуты в изумление.

Карл II ненавидел Францию, своего исконного врага, Бурбонов вообще и Людовика XIV в частности.

Никогда еще никакое наследство не ожидалось с таким нетерпением, ибо оно было огромно и от урегулирования вопроса о наследовании зависело равновесие сил в Европе. Через 150 лет после Карла V солнце по-прежнему никогда не заходило над владениями короля Испании. Наследство его затрагивало интересы всего континента, так что заранее возникали проекты договоров о его разделе в соответствии с возможными потрясениями, ожидавшими в ближайшем будущем Европу.

Все большие европейские государства хотели быть участниками раздела достояния, огромность которого исключала передачу его во владение какому-то одному из них; с этим были согласны даже наиболее алчные. Самые гармоничные комбинации рождались в тиши кабинетов и, время от времени вылетая оттуда, вызывали зависть и тревогу в сердцах государей, обманутых в своих ожиданиях.

Даже после Рисвика Франция оставалась самым большим из этих государств, а Людовика XIV по-прежнему обвиняли в стремлении к всемирной монархии. Как распорядится он этим чудовищным даром?

Роковая депеша прибывает в Фонтенбло во вторник утром 9 ноября. Король отменяет назначенную на этот день охоту и собирает Большой совет в три часа дня у мадам де Ментенон.

Первым взял слово Торси. Что он говорил? Об этом и сейчас еще спорят. Неизвестно, высказался ли он в пользу последнего договора о разделе или посоветовал принять завещание. Этот третий и последний договор был подписан восьмью месяцами ранее, в марте, вместе с Англией и Голландией; а первый договор — 32 года назад, 19 января 1668 года, с

императором Германии Леопольдом I...

Великий дофин горячо поддерживает принятие завещания, заявляя, что счастлив уступить сыну свои унаследованные им от матери права на Испанию. Герцог де Бовилье выступает за договор о разделе, так как принятие завещания приведет к войне, а война погубит Францию. Поншартрен склоняется к принятию завещания. В случае войны у Франции хватит сил защитить Испанию, и потом, не лучше ли вести войну за большое наследство, чем за его часть? Людовик закрывает обсуждение. Он должен подумать.

На следующий день, 10 ноября, приходит известие, что и испанский народ, и дворянство желают согласия французского короля. И на сей раз полученные сведения точны.

Собравшийся вечером совет единогласно принимает завещание. 16 ноября в Версале Людовик сообщает послу Испании в присутствии герцога Анжуйского: «Вы можете приветствовать его как своего короля». А затем, обратившись к придворным, он заявляет: «Господа, вот король Испании; его происхождение призывает его к этой короне; все испанцы пожелали иметь его своим королем и тотчас же меня об этом попросили, а я с удовольствием исполнил их просьбу; такова была воля Всевышнего». «Отныне нет больше Пиренеев», — провозглашает посол Испании. 5 декабря бывший герцог Анжуйский, теперь Филипп V Испанский, выезжает в Мадрид. Накануне он проливает потоки слез, прощаясь со своим дедом, который тоже плачет.

Людовик XIV вручил ему наставление из тридцати трех пунктов, поражающих, за исключением последнего, своей банальностью.

Так, пункт первый гласит: «Не пренебрегайте ни одной из ваших обязанностей, особенно по отношению к Богу». Или пункт шестой: «Любите вашу супругу, живите с ней в согласии, молитесь Господа послать вам ту, что подойдет вам...»; пункт седьмой: «Любите испанцев и всех ваших подданных во всех ваших владениях»; пункт восьмой: «Заботьтесь о счастье ваших подданных»; пункт восемнадцатый: «Со всеми обращайтесь любезно, никогда и никому не говорите ничего обидного...»

Лишь в последнем пункте звучит истинный голос «короля-солнце»: «И последний, самый важный совет: не позволяйте никому управлять вами; всегда оставайтесь господином; никого не делайте фаворитом и обходитесь без первого министра».

Еще неясно, начнется ли война. Сам Вильгельм III, извечный враг Людовика, сообщает своему союзнику Гейнзиусу, что и пальцем не

пошевелит, чтобы защищать договор о разделе, который они оба подписали: «Подписав договор для того чтобы избежать войны, я не собираюсь воевать ради исполнения этого договора». Один лишь император Священной Римской империи приходит в ярость. «Это вопрос чести!» — провозглашает он. Он созывает всех своих союзников, то есть большую часть немецких князей, среди которых курфюрсты Пфальцский, Ганноверский и Бранденбургский, по решению собрания немецких князей ставший королем Пруссии.

Но если Гейнзиус и Вильгельм III договорились забыть про договор о разделе, то согласие Людовика принять наследство их удивляет; они решают действовать. Однако, будучи настроены миролюбиво, они не хотят торопить события. Английские тори и голландские республиканцы, напротив, призывают их признать Филиппа V. 16 ноября 1700 года Вильгельм пишет Гейнзиусу по поводу своих подданных: «С этим народом мне не остается ничего другого, как вести с ним игру, осторожно и незаметно для него вовлекая его в войну».

А Людовик, как обычно, своими поспешными действиями подталкивает потенциальных противников к мобилизации сил для противодействия ему. 1 февраля 1701 года парижский парламент по его распоряжению регистрирует королевские грамоты, сохраняющие за новым королем Испании право наследовать корону Франции. Вильгельм пользуется этим, чтобы внушить тревогу противникам Людовика, ибо, предупреждает он, тот, кто будет владеть одновременно коронами Франции и Испании, сможет подчинить Европу своему произволу.

Затем Людовик посылает маршала де Буффлера очистить от голландских войск крепости, именуемые «Барьер» (Шарлеруа, Куртре (Кортрейк), Монс, Намюр, Нивпорт), которые два года назад им уступили испанцы. Операция проходит без единого выстрела, и Вильгельм чувствует себя уязвленным. «Разве я похож на человека, который без борьбы отдает то, за что сражался в течение двадцати восьми лет?» — пишет он Гейнзиусу 8 февраля 1701 года.

Французы прибывают в Мадрид как на завоеванную территорию и берут в свои руки управление делами королевства. Их посол, герцог д'Аркур, выступает в роли вице-короля. Людовик отправляет ему письмо с соответствующими наставлениями: «Мой кузен, у короля Испании добрые намерения. Он будет творить добро, если будет знать, что делать».

И ему будет об этом сказано. Король отправил своему внуку и его тринадцатилетней супруге Марии Луизе Габриелле Савойской принцессу Орсини, урожденную Анну Марию де ла Тремуи-Нуар-мутье. Принцесса,

наделенная энергичным и властным характером, поддерживает тайную связь с мадам де Ментенон, регулярно сообщая той обо всём происходящем при испанском дворе.

Меньше чем за год Испания стала французским протекторатом.

Но голландцы Гейнзиуса требуют покинуть захваченные маршалом де Буффлером крепости «Барьера», в то время как Вильгельм неустанно настраивает англичан против Франции, убеждая торговцев в том, что Вест-Индия и вообще французский рынок будут для них закрыты, и настоятельно требует от палаты общин немедленно начать перевооружение армии. Но правительство сопротивляется — тори не хотят войны. Вильгельм вынужден смириться с необходимостью признать Филиппа V, что он и делает в апреле 1701 года.

Но голландцам удается добиться своего. Они умоляют англичан помочь им отбить захваченные французами крепости. Одно прошение следует за другим, и английский парламент в конце концов сдается.

Седьмого сентября 1701 года Англия и Голландия подписывают тайное соглашение о взаимопомощи с далеко идущими планами: союзники отнимут у Филиппа V все колонии, какие сумеют, и получают возможность торговать с заокеанскими испанскими колониями; Испанские Нидерланды станут голландским протекторатом, император получит Италию. Филипп V сможет сохранить свой трон, лишь отказавшись от короны Франции.

Вильгельм Оранский умирает 19 марта 1702 года, оставив Европу сплотившейся в единый союз, направленный против Людовика XIV.

Пятнадцатого июля Англия, Голландия и Священная Римская империя объявляют Франции войну. Вскоре к ним присоединяются Дания, Пруссия, курфюрсты Трира, Майнца, Ганновера и еще десяток менее значимых немецких князей.

Великая война

Война за испанское наследство стала самой тяжелой и последней войной Людовика XIV. В течение десяти лет Франция ценой огромных потерь противостояла всей Европе, и впервые за всё царствование «короля-солнце» враг проник на ее территорию. Хотя он не сумел продвинуться далеко и вскоре был вытеснен за пределы страны, королевство содрогнулось.

Операции, за которыми король непрерывно следит по картам в своем кабинете в Версале, начались в Миланском герцогстве с вторжения принца Евгения, прибывшего из Тироля с тридцатью тысячами солдат.

Принц Евгений Савойский герцег де Кариньян — один из знаменитейших полководцев своего времени. Он ненавидит Людовика XIV за то, что тот пренебрег молодым принцем, горевшим желанием служить ему. Он стоял, ожидая появления короля, чтобы попросить его величество дать ему роту; но король, его кумир, прошел мимо, не удостоив его ответом, ибо, как скажет Людовик позже, никто никогда не осмеливался смотреть на него с такой дерзостью, словно ястреб, высматривающий добычу. В 1685 году принц Евгений покинул Францию, чтобы служить в имперских войсках, поклявшись, что «вернется туда лишь с оружием в руках»^[139].

Катина не может противостоять ему. Вильруа, друг короля и самый бездарный полководец Великого века, всегда, независимо от обстоятельств, терпевший поражение, остается верен самому себе. В феврале 1702 года его похищает в Кремоне горстка имперцев, проникших в город через старый акведук. Маршала берут в плен, а тем временем его солдаты отбрасывают врага! В Версале и в армии все покатываются со смеху.

Король любит Вильруа и всегда будет любить его, он также любит герцога Вандомского, внука Генриха IV, как и сам Людовик, но незаконнорожденного, появившегося на свет от связи короля с Габриель д'Эстре. Герцог, белокурый толстяк, такой же жизнерадостный, как и Виллар^[140], правда, в отличие от последнего, известный своей склонностью к содомии, но такой же знаменитый и любимый в войсках и не менее талантливый военачальник. Людовик посылает его в Италию, где он разбивает принца Евгения при Луццаре.

В 1703 году события принимают неприятный оборот. Португалия и Савойя, до сих пор являвшиеся союзниками Франции, присоединяются к коалиции ее противников, которые решают более не признавать Филиппа V королем Испании — его заменяет эрцгерцог Карл^[141]. В немецких землях Виллару едва удастся спасти курфюрста Баварского, который двинулся в Тироль, вместо того чтобы вместе с французами идти на Вену. Занятый подавлением мятежа в Тироле, он позволил армиям империи взять Баварию в клещи. Одну армию разбил Виллар 20 сентября при Хёхштадте, а Таллар^[142] разбил другую при Шпайере в ноябре.

Тем временем 18 тысяч человек, гораздо более нужных в другом месте, брошены на подавление восстания камизаров^[143] в Севеннах. Репрессии против восставших очень быстро выливаются в чудовищные зверства, неслыханные со времен вооруженных бандитов, грабивших крестьян во время Столетней войны. Граф де Бройль отдает распоряжения от имени короля, но абсолютно безуспешно: чада Бога (свирепного Бога) — так называют себя мятежники — продвигаются вперед; маршал де Монревель ужесточает репрессии и для пополнения своих войск вербует рецидивистов. Безуспешно. Тогда он призывает к истреблению гугенотов. От этого король отказывается, но соглашается на «опустошение» края. 31 приход разрушен, 12 тысяч человек депортированы в Тулузу, Безье, Каркасон и Лион. Безрезультатно. Тогда из Германии вызывают Виллара. Он усмиряет бунт, приказав разобрать возведенные в деревнях эшафоты и вступив в переговоры с вождями бунтовщиков, во главе которых стоит Жан Кавалье, булочник из маленькой деревушки, который совсем молодым возглавил партизанскую войну, заслужив огромное уважение своих единомышленников.

Тринадцатого августа 1704 года в Бленгейме на Дунае, близ Хёхштадта, где Виллар одержал победу в прошлом году, королевская армия терпит самое тяжелое в истории этого царствования поражение. 53 тысячи человек под командованием баварского курфюрста Максимилиана Эммануила и маршалов Таллара и Марсена были разбиты 62 тысячами англичан и имперцев под командованием герцога Мальборо и принца Евгения Савойского, при этом потеряна вся артиллерия и 172 знамени, Таллар взят в плен. Курфюрст и Марсен переправились через Дунай, бросив на произвол судьбы десять тысяч человек, которым пришлось капитулировать. Принц Евгений пишет в своих «Мемуарах»: «Мы потеряли девять тысяч человек, 12 800 убитых французов и 28 000 пленных на этот раз помешали им пропеть свой *Te Deum*, исполняемый по случаю

поражений, которые они никогда не признают».

Так как никто не осмеливается сообщить о случившемся королю, эту обязанность берет на себя мадам де Ментенон. Людовик сохраняет невозмутимость, признав, однако, что не понимает, каким образом «26 французских батальонов могли сдать в плен».

В 1705 году неудачи следуют одна за другой: не удастся отбить Гибралтар, а Каталония выступает против Филиппа V. В мае умирает император Леопольд. На трон под именем Иосифа I вступает его сын. Поддерживаемый принцем Евгением, он оказывается еще более неуступчивым, чем его отец.

Потом на сцену вновь выходят религиозные вопросы в связи с обнародованной 16 июля 1705 года буллой папы Климента XI *Vineam Domini Sabaoth*, осуждающей «вопрос совести».

Вопрос этот был поднят три года назад самыми ревностными янсенистами. Какой ответ дать на вопрос кюре из Оверни — аббата Фрезля, кюре Клермон-ан-Овернь: следует ли давать отпущение грехов священнику, который, умирая, согласится с осуждением «пяти положений» Янсения, признанных Церковью еретическими, но будет оспаривать их присутствие в книге Янсения, ограничившись в этом вопросе осторожным молчанием? Таков «вопрос совести». И снова закрутилась машина богословской схоластики.

Парижское архиепископство сказалось «да» отпущению грехов. Иезуиты сказали «нет» и отправили донос в Рим. Ватикан выразил порицание Парижу 12 февраля 1703 года. Кардинал-архиепископ Луи Антуан де Ноай подчинился и осудил это «да». И всё успокоилось.

А в мае отец Кенель, автор «Нового завета на французском языке с моральными размышлениями по поводу каждого стиха», коротко называемого «Моральные размышления», имевшего феноменальный успех, был арестован в Брюсселе людьми короля Испании по просьбе Людовика XIV. Кенель бежал, бросив все свои бумаги. Их изучение дало представление о влиянии «этой секты» во Франции, подрывавшей Церковь изнутри.

Дело было не столь уж безобидным: отец Кенель в своей книге подхватывал идеи богослова Эдмона Рише, рьяного галликанца, умершего в 1631 году (во время Великой французской революции его идеи легли в основу положений о статусе духовенства). Он считал, что вся Церковь и все чада Господни являются вместилищами веры, а не только епископы и папа. Как и в первые века христианства, верующие должны были избирать

священников и епископов, а Рим, таким образом, становился символом власти, а не ее центром.

Пор-Рояль мечтал вернуть Церкви ее изначальную чистоту: ни крестов на алтарях, ни мощей, ни статуй святых внутри храмов, ни богослужения на латинском языке. Культ Девы Марии следовало вернуть первоначальную простоту, а чудеса обходить молчанием. До кальвинизма было рукой подать. Людовик не мог оставаться равнодушным.

Наступает 1705 год. Король требует от Климента XI более решительного, чем в 1703-м, осуждения «уважительного молчания». Иезуиты вместе с Фенелоном, который ищет возможности быть приближенным к королю, переходят к активным действиям. 16 июня 1705 года папа публикует буллу *Vineam Domini Sabaoth*, которая осуждает «вопрос совести». Умиравший кюре из Оверни не получит перед смертью отпущения грехов.

Кардинал де Ноай принимает эту буллу с радостью и старается внушить те же чувства своей пастве, но ему так и не удается добиться от монахинь Пор-Рояля подписи под формуляром, одобряющим буллу *Vineam*.

На этом всё и кончается.

В 1706 году Вильруа превосходит самого себя. Желая единолично нанести врагу серьезный удар, он, несмотря на категорический, четыре раза повторенный запрет короля, выступает навстречу Мальборо, не дождавшись Марсена, который идет к нему с подкреплением. Затем, обнаружив Мальборо близ Рамийи 23 мая, он размещает свой левый фланг у болота, которое не позволяет ему двигаться куда бы то ни было. Мальборо остается всего лишь разбить его правый фланг, и отступающее войско Вильруа оставляет ему всю страну вместе с Антверпеном, Брюсселем, Брюгге, Гентом и Лувеном... Торжествующие союзники, которых везде встречают как освободителей, прибывают на границу. Эта катастрофа еще ужаснее, чем та, что произошла при Бленгейме.

Людовик не говорит ни слова. Ведь Вильруа — его человек, которому он оказывает покровительство вопреки всем доводам рассудка. Незадачливому Вильруа настоятельно советуют подать в отставку, но он высокомерно отказывается, утверждая, что не допустил никакой ошибки.

Герцога Вандомского отзывают из Италии, чтобы хоть как-то исправить последствия катастрофы. А 7 сентября французская армия в Италии была разбита под Туринском принцем Евгением по вине Марсена (бежавшего из-под Бленгейма), который настоял на том, чтобы вести осаду города, оставаясь в своих ретраншементах, вместо того чтобы идти

навстречу принцу Евгению, как того хотел Филипп Орлеанский, будущий регент; последний был ранен в этом сражении, а Марсен убит.

Три сражения — при Бленгейме, Рамийи и Турине — лишают Францию Германии, Фландрии и Италии. В том же году она едва не теряет Испанию. В мае Филипп V терпит поражение под Барселоной, а месяц спустя теряет Мадрид. К счастью, союзники под командованием сына маркиза де Рювиньи (ранее являвшегося главным представителем французских протестантов, а затем ставшего англичанином и лордом Голуэем), безжалостно преследуемые партизанами, вынуждены покинуть свои завоевания. В октябре Филипп V под восторженные приветствия возвращается в свою столицу. Но Мадрид — это еще не вся Испания и тем более не вся Европа, где положение совершенно отчаянное.

630 тысяч погибших

Первого января 1707 года Людовик, к всеобщему изумлению, встречает посла Испании словами: «Наши дела идут хорошо!» Некоторые считают, что король впал в маразм. Однако 25 апреля 1707 года маршал де Бервик одерживает победу над Голуэем при Альмансе, а герцог Орлеанский отвоевывает значительную часть утраченных территорий в Валенсии, Арагоне и Каталонии.

Но дела идут совсем не так хорошо: принц Евгений вместе с савойским герцогом Виктором Амадеем 11 через ущелье Танд вторгается 4 июля в Прованс с 45-тысячным войском и начинает осаду Тулона, блокированного с моря англо-голландским флотом.

Но поскольку провансальские партизаны то и дело перекрывают им пути доставки провианта и боеприпасов (такая же участь постигла Карла V при Франциске I), имперцы в конце августа вынуждены снять осаду, однако город сильно пострадал от их бомбардировок, а оставшиеся в порту два десятка кораблей пришлось затопить.

Казна, естественно, пуста. В 1706 году расходы достигают 200 миллионов ливров, а доходы не превышают 53 миллионов. Приходится прибегать к крайним средствам. Самюэль Бернар^[144] составил себе на этом состояние. Ростовщики, до недавнего времени презираемые, пользуются неслыханным уважением. «Причастные к делам его величества» банковские воротилы начинают занимать всё более высокое положение в обществе.

Чтобы сократить долг, ливр, являющийся расчетной единицей, постоянно девальвируется. Появляются бумажные купюры, называемые «денежные билеты», что тотчас же приводит к всякого рода спекуляциям.

1708 год оказывается скверным. Попытка высадки в Шотландии, при содействии Франции, Якова III^[145] Стюарта, именуемого шевалье де Сен-Жорж, проваливается по вине лоцмана, выбравшего неверный путь. Форбену^[146] едва удастся увести свою эскадру из пяти кораблей, преследуемую тридцатью восемью парусниками адмирала Бинга. Во Фландрии разногласия между герцогом Вандомским, которого называют «богом войны», и герцогом Бургундским, записным святошей, пацифистом в духе Фенелона, неспособным к военному делу, возникшие из-за того, что Людовик XIV, дабы пощадить самолюбие своего внука, не указал точно,

кто является командующим, имеют следствием катастрофу при Ауденарде.

Почти комичные обстоятельства сражения, проигранного 11 июля из-за путаницы, вызванной колебаниями и нерешительностью герцога Бургундского, имели следствием появление в Париже бесчисленных песенок, мешающих с грязью старшего сына Великого дофина, который и сам не слишком высоко ценит своего отпрыска, что приводит в волнение двор, где формируются две партии, за и против герцога Бургундского...

Король не предпринимает никаких мер, чтобы исправить ситуацию. Герцог Вандомский по-прежнему намерен атаковать герцога Мальборо, а герцог Бургундский хочет сохранить Брюгге и Гент. В результате англичане овладевают Лиллем 9 декабря, после двух с половиной месяцев осады, во время которой им беспрепятственно доставлялись провиант и боеприпасы. Никакие аргументы герцога Вандомского не позволили ему взять верх над будущим наследником трона; в назидание прочим он подвергся опале и был сослан в свой замок в Анэ; герцог Бургундский вернулся к своим благочестивым занятиям.

Филипп Орлеанский в Испании действует более успешно: 11 июля он овладевает Тортосой. Но, увы, он затмевает Филиппа V, ведет себя как проконсул, давая понять, что если дела примут скверный оборот и последний вынужден будет уйти, не будет ничего удивительного в том, что он займет место своего двоюродного племянника. Мадам Орсини советует Филиппу V пожаловаться деду. Филиппа Орлеанского отстраняют от командования и отзывают во Францию. Часть придворных в Версале обвиняет его в государственной измене. Великий дофин требует расследования.

На самом деле король не против этой замены, предложенной герцогом Орлеанским, которая могла бы привести к миру: герцог говорил об этом с ним и получил его одобрение...

В том же 1708 году Демаре, племянник Кольбера, после долгой опалы становится генеральным контролером финансов. Он, со свойственными ему неутомимой энергией и изобретательностью, спасает положение. Благодаря ему армия может продолжать сражаться. Вместе с ним клан Кольбера берет верх над кланом Лувуа.

1709 год. В канун Богоявления, в ночь с 5 на 6 января температура повсюду во Франции опускается на 20 градусов. Говорят, что в Париже было —16 градусов и — 25 — в области Бос. Холода стоят вплоть до 24 января. Реки Сомма, Сена, Гаронна, Рона и море в старом порту Марселя покрываются льдом. Хлеб приходится рубить топором. 25 января начинается оттепель. С 4 по 8 февраля — снова морозы. Оттепель длится

до 22-го. Оттепель и морозы чередуются вплоть до 10 марта. Весенний паводок затопляет уцелевшие поля.

Количество умерших в этом году составляет 630 тысяч человек — огромное число, хотя и вдвое меньшее, чем количество умерших в 1694 году, что, однако, не делает ситуацию более радостной.

«Похоже, Господь хочет довести нас до последней крайности», — пишет мадам де Ментенон и добавляет: «Нужно предаться в руки Господа, который явно против нас».

Назначение 21 февраля иезуита отца Летелье на место духовника короля придает пессимизму еще больше безнадежности. Принимая во внимание роль этого исповедника его величества в последующих событиях, нужно обратиться к Сен-Симону, который достаточно близко знал его, чтобы нарисовать портрет, ужасный и для оригинала, и для портретиста. Автор, увлеченный описанием своей жертвы, дает волю свирепому красноречию, которое невольно вызывает восхищение: «Он прошел все ступени Общества Иисуса, был преподавателем, богословом, ректором, провинциалом^[147], писателем. Ему была поручена защита конфуцианских церемоний почитания предков в Китае. Он принял участие в споре о позволительности этого культа и написал на эту тему книгу, которая едва не навлекла на него и его близких серьезные неприятности, но благодаря интригам и его влиянию в Риме всё ограничилось запрещением книги».

Вот так, Рим запрещает читать книгу духовника Христианнейшего короля. «Удивительно, что, несмотря на этот порок, он всё же был исповедником короля», — замечает Сен-Симон и затем дает описание этого фанатика, для которого в жизни превыше всего Общество Иисуса и нет более важной задачи, чем возвести в новую догму установления Общества Иисуса, разрушив всё, что им противоречит, всё, что с незапамятных времен было признано и проповедовалось Церковью. Сен-Симон продолжает: «Он имел железную голову и железное здоровье, соответствующим было и его поведение: будучи нрава жестокого и сурового, он был лжив, криводушен, умело скрывал свою истинную суть, а когда мог ее обнаружить и заставить себя бояться, то требовал всего, не давая ничего взамен, пренебрегая ранее данными обещаниями, когда ему не было необходимости исполнять их, и свирепо преследуя тех, кому оные обещания были даны. <...> Это был страшный человек... Его неистовость пугала не только умеренных иезуитов, но и большую часть самых пылких приверженцев сей доктрины... Он поражал своей мрачной, лживой и жуткой физиономией, горящими злобным огнем и совершенно косыми

глазами».

И вот завершающий аккорд этой восхитительной диатрибы^[148], сокращенной на девять десятых, — ведь нельзя же цитировать до бесконечности: «Таков точный и верный портрет человека, преданного душой и телом Обществу Иисуса, посвятившего жизнь проникновению в его тайны, для которого не было кроме него другого Бога... а потому вызывает изумление, что во всём остальном он был поразительно груб и невежествен, дерзок, бесстыден, неводержан, не знал ни света, ни меры, ни приличий, ни деликатности в общении, и все средства для него были хороши, лишь бы достичь своих целей».

Первая цель отца Летелье — уничтожение янсенизма, который вот уже полвека является докукой для Общества Иисуса. Ему не нужно будет уговаривать короля: духовник и его духовный сын питают одинаковую ярость. Разве еще 50 лет назад Людовик, в присутствии президентов Ассамблеи духовенства, в присутствии умирающего Мазарини, не заявлял, что пришло время уничтожить янсенизм, утверждая, что этого требуют «его совесть, его честь и благо королевства»?

Однако мир в королевстве важнее, чем уничтожение Пор-Рояля.

«Склониться под дланью Господа», по выражению мадам де Ментенон, — это значит отступить к границам 1659-го, если не 1648 года; иначе говоря, покинуть всё, что было завоевано Ришелье, Мазарини и самим Людовиком...

Радикальный пессимизм, отрицание любой политики охватывают при дворе влиятельную партию, куда кроме супруги короля входят герцоги де Шеврёз и де Бовилье, завязтые святоши из ближайшего окружения его величества, что опасно, потому что Людовик, подавленный бесконечной чередой поражений и катастроф, стал легко поддаваться стороннему влиянию.

Эта партия, тайно поддерживаемая «неземным» Фенелоном, которому удалось превратить герцога Бургундского в предающееся покаянию ничтожество, понимает, что обрушившиеся на отечество несчастья приближают час ее торжества.

Франция охвачена мятежами. Причина тому — голод. В марте в волнение приходит и Париж. 30 апреля толпа останавливает направляющегося в Оперу Великого дофина с криками: «Хлеба!» 22 мая подверглась нападению карета начальника полиции д'Аржансона, в ней выбиты стекла. В августе мятеж охватывает улицу Сен-Дени и предместье Сент-Антуан. Совершено новое нападение на карету д'Аржансона и на его отель. Маршала де Буффлера и герцога де Грамона останавливают на

Гревской площади. Буффлер сражался как лев, защищая Лилль от принца Евгения; он очень популярен; он выслушивает протестующих и обещает доложить обо всем в Версале. Его пропускают. Полк гвардейцев поддерживает порядок в Париже. В Руане кричат: «Да здравствует Мальборо!» О мадам де Ментенон распевают гадкие песенки. Афиши превозносят до небес Брута и Равальяка^[149].

Король потрясен «потоком дерзких и бесцеремонных воззваний, направленных против него, против его поведения и его правления, которые появляются на воротах Парижа, на стенах церквей, на площадях и особенно на его статуях, которые по ночам оскверняют всевозможными способами».

Людовик в нерешительности. То под влиянием партии святош он склоняется к заключению мира на любых условиях, то вновь обретает самого себя и свое стремление к величию. Однако верх берет решение добиваться мира, но всё же не любой ценой.

Пятого марта 1709 года он направляет в Голландию Пьера Руйе де Марбёфа, чтобы потребовать приостановить военные действия и созвать мирную конференцию.

Голландцы выдвигают драконовские требования: переход в их руки территорий к югу от «Барьера», включая Лилль, разрушение фортификационных сооружений Дюнкерка, передача Нижнего Эльзаса императору, признание протестантского наследования в Англии; империя требует возвращения к условиям Вестфальского договора и возвращения Филиппа V к статусу герцога Анжуйского. Людовик готов был бы уступить по всем пунктам при условии сохранения за свои внуком, лишенным испанского трона, Королевства обеих Сицилий. Но 10 апреля Мальборо от имени короля Англии требует отдать всю Испанскую империю.

Когда 28 апреля в Версале, в конце драматического заседания совета, где было признано, что Франция более не в состоянии сражаться, Торси выражает готовность лично встретиться с голландцами для возобновления диалога — беспрецедентный демарш государственного секретаря по иностранным делам, — король соглашается со слезами на глазах. (Мадам де Ментенон рассказывает, что в ту пору короля часто видели плачущим без особой причины.)

Гейнзиус вручает Торси, в присутствии принца Евгения и Мальборо, протокол из сорока статей — «Гаагские прелиминарии», где, согласно четвертой статье, Людовик должен признать Карла III королем Испании, а его внук не позже чем через два месяца должен покинуть страну, ибо в случае отказа ему будет объявлена война. Таким образом, к унижению

добавляется еще и позор. Король принимает все условия «Прелиминарий», за исключением четвертой статьи.

А пока тянутся мирные переговоры, король впервые сталкивается с внутренним политическим кризисом (даже у абсолютной власти есть пределы), непосредственной причиной которого является голод, следствие Великой зимы.

Нужен козел отпущения, на эту роль выбран Шамийяр. 12 мая на совете, где присутствуют Великий дофин и герцог Бургундский (приглашенный Людовиком XIV со следующей оговоркой: «Если, конечно, вы не предпочитаете отправиться к вечерне!»), маршалы де Буффлер, де Виллар и д'Аркур, Демаре, возглавляющий финансы, и Шамийяр, возглавляющий военное ведомство, на обвинения маршалов последний отвечает криками отчаянного негодования.

Людовик не хочет с ним расставаться, он привык к нему, и к тому же Шамийяр честен. Мадам де Ментенон пишет 9 июня герцогу де Ноаю: «Ярость, обрушившаяся на известного вам человека, возрастает с каждым днем и затрагивает даже его господина; последний не может решиться принести его в жертву, потому что жалеет его, а тот буквально рвется на части, чтобы служить своему государю».

В конце концов Людовик уступает. Он поручает Бовилье уведомить Шамийяра о его опале, не решаясь сказать ему об этом лично. Он удваивает его пенсию и назначает пенсию его сыну. Шамийяр благодарит и покидает сцену. На его место назначен мало кому известный персонаж, ставленник мадам де Ментенон, управляющий делами пансиона Сен-Сир, Даниель Франсуа Вуазен де Нуаре.

Впервые в истории этого царствования министр смещен под давлением общественного мнения, поддержанного двором. Власть короля более не является абсолютной.

Если больше нет возможности вести войну, нужно добиваться мира. Надеюсь обойти непреодолимую четвертую статью, Большой совет решает продемонстрировать готовность идти на уступки и вывести из Испании все французские войска, что означает полностью лишить поддержки Филиппа V.

Это так позорно, что протестуют не только герцог Орлеанский и маршалы, но даже архиблагочестивый и пацифистски настроенный Бовилье, который не может скрыть своего смятения перед таким бесчестьем.

Людовик, утративший свою непреклонность, пишет Сен-Симон, «делает то, чего не делал никогда в отношении уже принятого решения: он приостанавливает действие своих приказов и собирает Государственный совет для новых консультаций».

После бурных дебатов принимается компромиссное решение: королю Испании решено оставить 25 батальонов.

Двенадцатого июня король обращается к своим подданным с удивительным письмом, явно вдохновленным римской историей, в котором объявляет, что всей душой желает мира, но враги вынуждают его продолжать войну. Послание это, оглашенное во всех уголках королевства должностными лицами и, прежде всего, кюре, которые находятся ближе других к народу, производит потрясающее впечатление:

«Всё королевство настолько охвачено мечтой о скорейшем установлении мира, что я считаю своим долгом ответить на преданность, каковую мой народ выказывал мне на протяжении всего моего правления, словами утешения, кои раскроют ему причины, всё еще мешающие получить желанный мир, который я хотел бы ему дать.

Чтобы установить этот мир, я принял условия, угрожающие безопасности моих приграничных провинций; но чем больше я выказывал сговорчивости и желания рассеять подозрения моих врагов, каковые они якобы питают в отношении моей силы и моих намерений, тем больше они предъявляли мне требований; таким образом, добавляя всё новые требования к изначальным... они ясно дали мне понять, что преследуют одну-единственную цель — расширить за счет моей короны соседние с Францией государства и получить возможность проникать внутрь

королевства всякий раз, когда им выгодно будет начать новую войну. <...>

Я умолчу о тайных происках, имеющих целью заставить меня присоединиться к силам коалиции и заставить короля, моего внука, отречься от престола, если он добровольно не согласится вести жизнь частного лица. <...> Но хотя моя нежность по отношению к моим подданным не меньше, чем та нежность, которую я питаю к собственным детям, хотя я разделяю всё то горе, которое война принесла моим подданным, выказавшим такую преданность, и хотя я показал всей Европе, что искренне желаю дать моим подданным возможность наслаждаться миром, я убежден, что они сами отказались бы получить мир на тех условиях, кои равно противны как справедливости, так и чести ФРАНЦУЗСКОЙ нации.

<...> Я обращаюсь к архиепископам и епископам моего королевства с призывом еще более усердно молиться в своих епархиях; одновременно я хочу, чтобы мои подданные, проживающие на вверенной им территории, знали, что у них уже был бы мир, если бы только от моей воли зависело даровать им то благо, каковое они имеют полное право желать, но обрести которое можно лишь ценой новых усилий...»

Ритуал соблюден: король по-прежнему есть начало всего. Королевство есть его королевство. Народ есть его народ. Архиепископы и епископы — суть его архиепископы и епископы. Всё принадлежит ему; таков язык того времени, и изъясняться иначе невозможно. Тем не менее в этот момент от него не зависит ничего; всё зависит от тех, к кому он обращается: от примерно двадцати миллионов французов и француженок, из которых по меньшей мере 80 процентов неграмотны и которым нет дела до изысканной и торжественной прозы, принадлежащей перу Торси, хранившего в тайне сведения о состоянии переговоров, начатых три месяца назад.

Король сам сорвал завесу тайны, о необходимости хранить которую он столько говорил на протяжении своего царствования. Он объясняет ситуацию, он становится учителем. Он просит «свой» народ поддержать его, а не просто ему повиноваться. Он обращается к равным, призывает их в свидетели своих мирных усилий и злобной решимости врагов постоянно требовать большего. Эти враги, как и все прочие, всегда остаются его врагами («мои враги», пишет он); но обращение к чести ФРАНЦУЗСКОЙ нации (только это слово написано в тексте прописными буквами) уничтожает смысл этого притяжательного местоимения.

Королевское послание оглашается повсюду, вплоть до самых маленьких деревень. Результат превосходит все ожидания. Патриотические чувства овладевают нацией. Виллар зачитывает послание своим войскам и

спрашивает, готовы ли они отомстить за короля. В ответ раздается гром одобрительных криков, все шапки взлетают в воздух, маршал не отстает от своих солдат.

Одиннадцатого сентября в Мальплаке, близ Монса, состоялось решающее сражение Войны за испанское наследство, ибо оно изменило самый дух войны, так что последующие сражения переменить уже ничего не могли.

В распоряжении принца Евгения и герцога Мальборо 110 тысяч человек, у Виллара и Буффлера — 70 тысяч. Они сражаются весь день с неслыханной яростью (32 члена только одной семьи Мену были убиты или ранены; стало быть, семья эта отличалась не только многочисленностью, но и храбростью). Виллар ранен, и Буффлер ночью оставляет поле битвы членам коалиции, которые объявляют себя победителями, не слишком, правда, в это веря, как это вскоре станет известно. Ибо они, не продвинувшись ни на метр, потеряли 20 тысяч человек, а французы — 10 тысяч. После такой резкой остановки наступление коалиции захлебнулось. Виллар, по своей всегдашней склонности к хвастовству, дал происшедшему оценку, написав королю: «Если Господь дарует нам милость проиграть еще одну такую баталию, ваше величество может считать, что все ваши враги уничтожены».

Так что надежда возвращается. Но если еще не всё потеряно, то еще ничего и не выиграно.

А вот что происходит на другом поле битвы. 29 октября 1709 года Марк Рене д'Аржансон лично изгоняет из монастыря Пор-Рояль его настоятельницу Анастасию Дюмениль и двадцать одну старую и больную монахиню, которых отправляют в другие монастыри.

Двадцать второго января 1710 года Людовик XIV решает снести опустевшие здания, которые своим видом всё еще бросают вызов власти. Здания были разрушены до основания, а чтобы ничего более о них не напоминало, по расчищенному участку прошли плугом. В следующем году, опасаясь, как бы кладбище монахинь и «отшельников Пор-Рояля» не стало местом паломничества, уничтожили также и захоронения, а останки свалили в общую могилу в ожидании Страшного суда.

Не сумев победить души, одолели камни и покойников.

Переговоры возобновляются в марте 1710 года в небольшом городке Гертрёйденберг, но без какого бы то ни было прогресса, так как голландцы упорно требуют, чтобы Людовик XIV лично вступил в войну со своим

внуком, и отказываются от денег, предложенных им для финансирования войны против Филиппа V. Последняя уступка короля: он соглашается никоим образом не возмещать своему внуку его отказ от короны Испании. Голландцы с презрением отвергают ее. Людовик прекращает переговоры, предпочитая воевать «со своими врагами, а не со своими детьми».

Но ветер меняется. Англия отходит от сторонников войны до победного конца. В Лондоне королева Анна порвала с Сарой Дженнингс, своей фавориткой и женой герцога Мальборо, такой же воинственной, как и он сам. Ее новая любимица, миссис Абигайль Мешем, склоняется к миру, а вскоре назначается новый первый министр, придерживающийся таких же взглядов. На осенних выборах в парламент подавляющее большинство получают тори, которые считают, что не в интересах Англии сражаться за Габсбургов. Они выступают за прямой договор с Францией и Испанией, который позволит им торговать с Америкой и восстановит торговлю в Европе.

А тем временем финансовый кризис углубляется. Сами финансисты начинают разоряться. Даже великий Самюэль Бернар, которому в 1708 году король оказал неслыханную честь, лично продемонстрировав ему сады Марли в знак благодарности зато, что он спас государство, избегает банкротства своих лионских корреспондентов лишь благодаря «кудеснику» Демаре.

Положение спасает флот. Прибытие в марте в Порт-Луи эскадры, доставившей десять миллионов франков из «Южного моря», то есть из испанских владений, отодвигает катастрофу, позволив Демаре осуществить финансовую реформу, основанную на выведении из оборота 72 миллионов бумажных денег. Дюкасс^[150], который в 1710 году приводит в порт Пассаж галеоны с грузом золота на 50 миллионов франков, также выглядит спасителем.

Но эти внешние поступления не могут быть постоянными. Король вводит налог, составляющий десятую часть доходов, по образцу «королевской десятины», в свое время предложенной Вобаном, которую в 1707 году сочли преждевременной...

Вобан хотел сделать ее единственным налогом, а новый налог короля добавляется к талье и капитации^[151], введенной в 1695 году, отмененной в 1697-м и восстановленной в 1701 году. С 1 октября 1710 года все французы облагаются этим налогом, требующим от налогоплательщиков в каждом приходе подать декларацию о доходах. Чтобы упростить сбор налогов, Демаре будет взимать десятую часть сразу же при получении

французскими подданными жалованья, пенсии или ренты.

Новшество это является столь радикальным (ибо потрясает саму систему сословий, сближая третье сословие и дворянство, не затрагивая, правда, духовенство, которое лишь увеличивает свои «безвозмездные дары»), что, прежде чем принять окончательное решение, Людовик советуется со своим духовником. Может ли он как христианин возлагать такое налоговое бремя на своих подданных? Летелье, сам от одного бремени свободный, успокаивает короля, убеждая его в том, что достояние всех французов является полностью его достоянием. И Людовик со спокойной душой соглашается.

А как тем временем обстоят религиозные дела?

Десятого мая 1710 года Фенелон и Летелье наносят решающий удар, чтобы уничтожить янсенизм и в первую очередь кардинала де Ноая, знатного вельможу, приверженца галликанства, любимого духовенством, своим влиянием отодвигавшего их на второй план.

Пастырское послание, подписанное двумя прелатами, епископом Ла-Рошели и епископом Люсона, «ослами в митрах», как их называет Сен-Симон, а по воспоминаниям аббата Лежандра, «известными — как люди кроткие, учтивые, миролюбивые, спокойные, весьма заурядных познаний и талантов, хилого здоровья и избегающие усердных трудов, скорее робкие, чем предприимчивые», появляется на стенах зданий в Париже. В послании осуждается ересь «Размышлений» отца Кенеля, равно как и всех тех, кто их одобряет, и в первую очередь кардинала де Ноая. Кардинал решительно заявляет, что не намерен отказываться от своих взглядов.

Проходит несколько месяцев; тревожное затишье. Но вот случайно Ноай натывается на циркуляр, призывающий епископов осудить его.

Он выясняет, что это дело рук Летелье. Он требует от короля правосудия. Летелье затягивает дело. Тогда Ноай запрещает иезуитам как исповедовать, так и читать проповеди в своей епархии. Затем 13 августа 1711 года он пишет королю, что отец Летелье недостойн быть его духовником.

Уязвленный Людовик требует от папы нового осуждения отца Кенеля, но гораздо более сурового и подробного, чем в 1705 году в булле *Vineam Domini Sabaoth*, чтобы расправиться с Ноаем.

Дело происходит в 1711 году. У папы нет желания начинать всё сначала. Он уже сделал всё, что от него требовали, к тому же у него и так хватает проблем с французской Церковью.

Климент XI будет тянуть с этим делом еще два года, несмотря на

давление окружающих его иезуитов. 10 сентября 1713 года он издаст знаменитую буллу *Unigenitus Dei Filius*. 25-го она будет получена канцелярией короля.

Война продолжается. Виллар сдерживает наступление во Фландрии, но изменить ход событий удастся герцогу Вандомскому в Испании. 8 декабря 1710 года он вынуждает капитулировать Стэнхопа^[152], а 10-го разбивает австрийца Штаремберга близ Вильявисьосы, чем вызывает восторг всей Франции. С этого дня Филипп V действительно стал королем Испании.

Весной 1711 года из жизни уходят два человека. Кончина одного потрясает двор, смерть другого меняет положение дел в Европе.

Девятого апреля в Мёдоне Великий дофин, проснувшись, чувствует недомогание. Он отменяет охоту на волка и снова ложится в постель. Король приходит к нему на следующий день. 14-го его состояние ухудшается и в четверть первого ночи он умирает. Его тело, почерневшее и стремительно разлагающееся, спешат отвезти в Сен-Дени.

«Я видел в нем друга, которому мог открыть сердце и которому безгранично доверял», — говорит король. Он обращается к Мишелю Ришару Делаланду, своему любимому композитору, две дочери которого также умерли от оспы: «Вы потеряли двух достойнейших дочерей, а я потерял Монсеньора...» — И добавляет, указывая на небо: «Нужно покориться».

Герцог Бургундский, старший сын покойного, святоша, который всего боится, становится отныне дофином. Людовик представляет его Ассамблее духовенства в следующих выражениях: «Вот принц, который скоро займет мое место и который своей добродетелью и своим благочестием сделает Церковь еще более процветающей, королевство — еще более счастливым». Невольно возникает вопрос, не таилась ли в этих словах некоторая ирония.

Семнадцатого апреля приходит черед императора. В возрасте тридцати трех лет, не оставив наследника, умирает Иосиф I. Версаль облачается в траур, вознося благодарственные молитвы. Ибо преемником Иосифа становится эрцгерцог Карл, тот самый, что упорно оспаривал у Филиппа V право на корону Испании. Англия, равно как и Франция, не может допустить восстановления империи Карла V. Став императором, эрцгерцог Карл уже не может быть королем Испании. Всё лето Англия и Франция ведут переговоры.

Предварительные соглашения подписаны в Лондоне 8 октября. Людовик обязуется не допустить объединения французской и испанской корон. Голландцы и имперцы находят уступку слишком незначительной.

Они протестуют, но в конце концов уступают, англичане тоже. Мальборо во Фландрии потратил целое состояние на то, чтобы овладеть всего лишь незначительной крепостью Бушен. Тем временем Дюге-Труэн, неожиданно появившись в Рио-де-Жанейро, потопил стоявшие на рейде португальские корабли, сжег 60 торговых судов, а главное, завладел сказочной добычей и беспрепятственно доставил ее в Брест. Так мир мало-помалу прокладывал себе дорогу.

А в Версале смерть вновь похищает одну жертву за другой. 5 февраля у герцогини Бургундской поднимается температура, а 12-го в восемь часов вечера она умирает, как полагают, от кори. Сегодня считают, что это была инфекционная скарлатина.

Сен-Симон утверждает, что смерть юной дофины была для короля «единственным подлинным горем, испытанным им в жизни». 15 февраля ее муж ложится спать, уже зараженный той же болезнью.

В своих страданиях он предается Богу, говорит, что встречает смерть с радостью, и умирает 18 февраля двадцати девяти лет от роду. 27-го заболевает его старший сын, пятилетний герцог Бретонский. За исцеление больного берется медицинский факультет, но своими стараниями лишь сокращает его жизнь: три дня спустя третий дофин умирает! Тогда мадам де Вантадур^[153] вырывает из рук врачей двухлетнего герцога Анжуйского и держит его в тепле. Спасенный ребенок — будущий король Людовик XV.

Эта череда внезапных смертей конечно же вызывает волну подозрений. И конечно же они падают на герцога Орлеанского (наследственные монархии всегда подозревают младшие ветви в самых гнусных намерениях), что отнюдь не вызывает неудовольствия мадам де Ментенон. Возмущенный Филипп Орлеанский заявляет, что готов добровольно отправиться в Бастилию. Людовик отказывает ему в этом, прилюдно выражает свое доверие, приказав, однако, тайно наблюдать за ним...

Восьмого апреля принцесса Пфальцская написала своему сыну: «Когда врачи доложили королю, что они всё тщательно исследовали и что двое умерших (герцог и герцогиня Бургундские) совершенно точно не были отравлены, король повернулся к мадам де Ментенон и сказал ей: "Ну вот, мадам, ну вот, разве я вам не говорил, что всё, что вы мне говорили относительно моего племянника, ложь?"».

После того как император и голландцы согласились начать переговоры, в Утрехте в январе открывается мирный конгресс. Англичане требуют окончательного разделения двух корон дома Бурбонов, французской и испанской. Филипп V противится. Людовик вынужден

пригрозить: если Филипп откажется, он сам заключит мир с Англией, предоставив ему в одиночку бороться с коалицией. Филипп V подчиняется деду.

Война тем временем всё еще продолжается. Мальборо, который весь год вел безуспешные операции во Фландрии, обвиняется в растрате государственных средств и отстраняется от командования. После этого англичане отделяют свою армию от сил коалиции в преддверии подписания перемирия с Францией, которое происходит 17 июня 1712 года.

В тот же день принц Евгений начинает осаду Ландреси. Это последняя перед Парижем крепость в построенном Вобаном «железном поясе», окружающем столицу. Возьми он ее, и единственным препятствием останутся 70 тысяч солдат Виллара, голодных и к тому же не имеющих артиллерии. У него же 130 тысяч солдат, не испытывающих недостатка ни в чем, и 130 пушек. В какой-то момент даже рассматривается возможность переезда правительства в замок Шамбор.

Людовик заявляет Виллару: «Прежде чем вы скажете мне ваше мнение, я вам сообщу мое. Я хорошо знаю Сомму^[154], она труднопроходима, там есть крепости; я мог бы отправиться в Перонну или в Сен-Кантен, собрать там все имеющиеся в наличии войска, чтобы вместе с вами, соединив все силы, попытаться дать отпор врагу и либо погибнуть вместе, либо спасти государство, ибо я и помыслить не могу позволить врагу приблизиться к моей столице».

Вне всякого сомнения, он так и поступил бы.

Двадцать четвертого июля на рассвете, обманув принца Евгения ложным маневром, Виллар форсирует Шельду, штыковой атакой овладевает укрепленным лагерем в Денене, где принц Савойский разместил свои склады. Враги в беспорядке бегут, бросив обозы, пушки и знамена. Вторжение остановлено.

Двадцать второго августа 1712 года подписано перемирие между Францией и Англией. Мирный договор между этими двумя державами, Португалией, Соединенными провинциями, Пруссией и Савойей заключен в Утрехте в апреле 1713 года.

Император действует в одиночку, рассчитывая захватить Страсбург и отнять Каталонию у Испании. Виллар охлаждает его пыл, за несколько недель отбив у него Фрайбург, Кайзерслаутерн, Ландау, Шпайер и Вормс. Начинаются переговоры. Людовику дано пережить еще несколько счастливых мгновений.

Одним из таких мгновений, несомненно, было получение 25 сентября долгожданной папской буллы *Unigenitus Dei Filius*.

Людовик встретил этот документ с огромной радостью. Мирный договор избавил его от внешних врагов, булла сокрушит врагов внутренних.

Что касается отца Летелье, его ликование не было предела: 101 положение отца Кенеля было осуждено! Это превосходило все его ожидания. Но осуществление надежд порой может оказаться губительным. Булла не только осуждает труды отца Кенеля, но и запрещает мирянам читать Священное Писание, толковать каковое отныне дозволено лишь священникам. Блаженный Августин под подозрением. Только Рим владеет истиной в последней инстанции.

Галликанские свободы под угрозой. Янсенисты внезапно обретают мощную поддержку. Сорбонна, парижское духовенство, августинцы, бенедиктинцы конгрегации Сен-Мор (Святого Мавра), капуцины, босоногие кармелиты, каноники церкви Святой Женевьевы, минимы, францисканцы, аббатство Сито^[155] и тысячи других пополняют ряды «несогласных». «Согласные», коих несравнимо меньше, — они принадлежат в основном к высшему, в том числе и придворному духовенству, — прикрывают свое согласие многочисленными оговорками, каковые делают их одобрение не столь уж весомым. Они принимают буллу с условием, что сами будут судить об истинности сформулированной в ней доктрины.

Малочисленная, но блистательная группа берет тем временем сторону папы: Фенелон, кардинал де Роган, архиепископ Реймский... Летелье каждый день напоминает королю о их мнении.

Ноай, чтобы избежать раскола, соглашается с буллой *Unigenitus*, хотя его вышеупомянутые враги ему не верят. Чтобы посрамить его, они представляют проект пастырского наставления, совершенно для него неприемлемого. Он голосует против. Канцлер Поншартрен просит его по приказанию короля (сам он с этим не согласен) более не появляться при дворе. Ноай отвечает пастырским посланием, напечатанным в двадцати тысячах экземпляров, коим запрещает принимать в своей епархии папскую буллу, дабы защитить галликанские свободы.

В Риме Климент XI удрученно взирает на это новое противостояние. Иезуиты ошиблись или ввели его в заблуждение... Как бы там ни было, раздоры терзают старшую дочь Церкви. Многие считают раскол допустимым, другие — вероятным, а некоторые — неизбежным.

Тем временем парламент должен зарегистрировать буллу. Число

выступающих против довольно велико, и возглавляют оппозицию генеральный прокурор д'Агессо и генеральный адвокат Жоли де Флёри.

Девятого февраля 1714 года Людовик вызвал их к себе и, что случается с ним крайне редко, совершенно вышел из себя.

Он сказал, «что готов был растоптать их, и, выкажи они хоть малейшую непокорность, он бы раздавил их в лепешку», и с угрозой добавил, что от его кабинета недалеко до Бастилии. А затем, успокоившись, король простонал: «Эти люди вгонят меня в могилу».

Пятнадцатого февраля парламент регистрирует королевские грамоты, касающиеся распространения и исполнения буллы *Unigenitus* во всём королевстве. Среди епископов находится лишь 15 «несогласных» на сотню тех, кто принимает буллу. Эти последние решают сопровождать ее распространение одобряющими пастырскими наставлениями. Но среди низшего духовенства и мирян соотношение «согласных» и «несогласных» меняется на противоположное. Из 450 священников Парижской епархии 385 поддерживали кардинала против папы и *Unigenitus*.

По крайней мере, война принимает желаемый оборот. Общий мир не за горами. 6 марта 1714 года Карл VI подписывает первый из двух Раштаттских договоров как император; а второй — 7 сентября как глава государств, входивших в Священную Римскую империю. В этом же сентябре Бервик, отправленный Людовиком XIV на помощь Филиппу V, овладевает Барселоной; подстрекаемые Карлом VI каталонцы, чьи желания были не такими уж химерическими, мечтали отделиться от Мадрида.

Война близка к завершению, но смерть не покидает Версаль, а религиозной распри не видно конца.

Герцог Беррийский, последний сын Великого дофина, младший брат покойного герцога Бургундского и герцога Анжуйского, ставшего королем Испании Филиппом V, умирает 4 мая от травмы, полученной при падении с лошади, последствия которой врачи лишь усугубили своими неумелыми действиями. И вновь герцога Орлеанского подозревают в отравлении! Единственным наследником Людовика XIV по прямой линии остается малолетний герцог Анжуйский. Король просит привести его к себе и говорит со слезами на глазах: «Вот что мне остается от всей моей семьи!» От его официальной семьи, ибо у него оставалось много бастардов, в том числе и сыновья мадам де Монтеспан, герцог дю Мен и граф Тулузский, особенно им любимые, к которым воспитывавшая их мадам де Ментенон также питала нежные чувства (притворные, а может быть, и вполне

искренние). Людовик вскоре вспомнит о них.

А теперь вернемся к делам церковным: один из главных «несогласных» Анри Шарль де Куален, епископ Меца, публикует 20 июня «Пастырское послание и наставление относительно буллы Нашего Святейшего Отца Папы». Это послание — шедевр прозрачной двусмысленности. Иезуиты тотчас же увидели в нем скорее «критическое опровержение, чем согласие». Самые агрессивные из них заявляют, что «сие послание есть жесточайшая, неслыханная сатира на папское уложение».

Пользуясь этой вспышкой галликанства, янсенисты начинают повсюду выступать в защиту отца Кенеля, проповедуя свободу совести и право верующих высказывать свое мнение о церковных догматах. Отец-ораторианец Вивьен де Лаборд публикует «Свидетельство об истине», согласно которому любому христианину надлежит самому определять свой Символ веры. При таком подходе папа мало что значит.

Людовик в растерянности. По мнению некоторых историков, он готов отказаться от «максим Франции», являющихся основой галликанства, и даваемой ими независимости от Рима.

«Речь идет не о галликанских свободах, — говорит Людовик Жоли де Флёри. — Речь идет о религии. Я хочу, чтобы в моем королевстве была только одна религия, и если свободы служат поводом для введения других религий, я начну с того, что уничтожу свободы».

Пятого июля король приказывает обнародовать постановление, согласно которому «Пастырское послание и наставление» монсеньора де Куалена следует «отменить и уничтожить, ибо оно наносит ущерб грамотам его величества, противодействует принятию буллы, одобренной Ассамблеей духовенства Франции, и ослабляет либо делает бесполезным осуждение как ошибок, содержащихся в 101 положении, так и книги, каковая их содержит».

Канцлер Луи де Поншартрен, умеренный приверженец галликанских свобод, полагает, что королю не пристало вмешиваться в конфликт между епископами. Он сообщает свое мнение королю и подает в отставку. Людовик принимает его отставку и назначает на место канцлера Даниеля Франсуа Вуазена де Нуаре, ставленника мадам де Ментенон, исполнявшего должность государственного секретаря по военным делам, человека бесцветного и всегда готового повиноваться.

Поншартрен оставил свой пост, чтобы не быть причастным к последующим событиям. Ибо ему известно, что Людовик намерен

нарушить законы монархии в пользу своих бастардов, что тот и не замедлил сделать. Через несколько дней после постановления, которое должно было «сокрушить» монсеньора де Куалена, Людовик объявляет возможными наследниками своих двух незаконнорожденных сыновей от Франсуазы де Рошешуар маркизы де Монтеспан: герцога дю Мена и графа Тулузского. Десять месяцев спустя он дарует им титул принцев крови (декларация от 23 мая 1715 года).

Как мы уже могли убедиться, абсолютная монархия не есть своеволие. Закон наследования неприкосновенен. Он покоится на шести принципах: наследования, первородства, наследования по мужской линии, невозможности передать корону по завещанию, преемственности и принадлежности к католической религии. Монарх не может распоряжаться короной по своему желанию. Предполагаемое призвание к наследованию короны «месье герцога дю Мена и месье графа Тулузского и их потомков мужского пола в случае полного отсутствия принцев королевской крови» незаконно. Кроме того, вышеупомянутые лица появились на свет вне брака. Наследник должен быть рожден от брака, канонически безупречного. Людовик не был женат на Франсуазе де Рошешуар, единственным мужем которой был Монтеспан^[156]. Главный закон королевства нарушается шестикратно.

Второго августа 1714 года парламент без всяких разговоров регистрирует июльский эдикт, неизбежное появление которого подтолкнуло Поншартрена к отставке. Нарушение закона, на которое пошел парламент, не менее серьезно, чем злоупотребление властью, на которое решился король. Но Людовик — не диктатор, сопротивление возможно. Каким образом?

У парламента есть память, он помнит, что завещания Генриха IV и Людовика XIII были признаны недействительными. То же самое произойдет и с этим эдиктом и усиливающим его содержание завещанием, в одном из пунктов которого будет сказано: «Наше намерение таково, что заключенные в нашем эдикте положения в отношении герцога дю Мена и графа Тулузского всегда будут оставаться действительными, так что ни ныне, ни впредь никто не имеет права отменить то, что мы объявили нашей волей». Людовик демонстрирует здесь верх некомпетентности.

Хотя можно предположить, что король делает это просто для своего спокойствия, ибо сам он, равно как и парламент, не обольщается относительно будущего этого решения. 26 августа 1714 года, вручая свое завещание первому президенту парламента и прокурору д'Агессо, он говорит им: «Пример королей, моих предшественников, и пример

завещания короля, моего отца, не позволяет мне оставаться в неведении в отношении того, что может случиться с моим завещанием; но этого хотели, меня мучили, меня не оставляли в покое, что бы я ни говорил. Ну что ж! Я купил мой покой. Вот это завещание, возьмите его, и пусть с ним будет то, что будет. По крайней мере, меня оставят в покое и я больше не услышу об этом ни слова».

«Этого хотели», «меня мучили», «меня не оставляли в покое»... Слова безмерно уставшего человека.

Но на следующий день он возвращается к этому вопросу и при участии мадам де Ментенон и отца Летелье пишет тому, кто его мучил и не давал покоя, — герцогу дю Мену: «Вы этого хотели; знайте, как бы я вас ни возвышал, какое бы положение вы ни занимали при моей жизни, после моей смерти вы станете ничем и вам придется доказать, если сможете, что вы действительно достойны того положения, каковое вы имели, пока я был жив».

С этим вопросом покончено, но остается кризис Церкви, который он сам спровоцировал, добившись от Климента XI буллы *Unigenitus*. А потому о покое остается только мечтать. Вот тогда и возникает замысел созыва национального собора.

Король объявит от имени королевства и своего духовенства о том, что поддерживает буллу *Unigenitus Dei Filius*. Парламент регистрирует эту декларацию. Национальный собор будет созван для того, чтобы осудить архиепископа Парижского и его приверженцев. Таким образом, Ноай вынужден будет уйти и янсенизм будет уничтожен.

Чтобы получить на это согласие папы, в Рим отправляется маркиз де Гурне. Но папа не может допустить, чтобы французские епископы выносили решение по вопросу доктрины, находящееся исключительно в его компетенции. Королевский посланец возвращается ни с чем.

Ну что ж, решает Людовик, можно обойтись и без папы. Разве не он первый в ответе за судьбу французской Церкви?

Это было в июне 1715 года, жить ему оставалось лишь два месяца. Собор назначен на 1 сентября. Именно в этот день он и умрет.

В эти два последних месяца очень много внимания уделяется булле *Unigenitus*. Нужно зарегистрировать прилагаемую к ней декларацию «согласных» епископов, но всё идет не так гладко, как задумано. Генеральный прокурор д'Агессо — против. Парламент на его стороне. 8 августа Людовик принимает его в Марли, чтобы выслушать доводы, которые ему в высшей степени неприятны: они напоминают ему старинные ремонстрации, которые он запретил 50 лет назад, придя к власти. В ответ

он назначает заседание парламента, на котором будет лично присутствовать, чтобы силой заставить зарегистрировать декларацию. 11 августа он вызывает д'Агессо в Версаль. Генеральный прокурор, отправляясь туда, вполне допускает, что ночевать ему придется уже в Бастилии. Жена поддерживает его: «Идите, сударь, и поступайте так, как если бы у вас не было ни жены, ни детей. Мне легче пережить ваше заточение в Бастилию, чем знать, что вы поступились честью». В Великом веке честь превыше всего.

Д'Агессо отказывается идти на уступки. Король приходит в неслыханную ярость. Он слишком устал, чтобы ехать в Париж и лично проводить заседание парламента, а непреклонность прокурора выводит его из себя. Говорят, что он топал ногами, стучал тростью по мраморному полу и даже схватил генерального прокурора за шиворот с криком: «Я приказываю вам требовать регистрации моей декларации!»

Это тот самый д'Агессо, чья статуя возвышается ныне перед Бурбонским дворцом в Париже, на выходе с моста Согласия.

За два последних года своего правления, номинально длившегося 72, а реально 54 года, Людовик, ослабевший, почти угасший, кажется тенью того светила, у которого нет тени, ибо от него одного исходят все тени Вселенной.

Король, находящийся, с одной стороны, под властью своего духовника, а с другой — под влиянием своей жены (правда, пока еще неясно, до какой степени), пребывает в мрачном настроении, вызывающем у него отвращение к своему ремеслу, каковое он некогда считал великим, благородным и восхитительным. Его ожесточение против янсенизма превратило в серьезный кризис затянувшуюся, бесконечную, как звук рога Роланда^[157] в Ронсевальском ущелье, ссору второсортных теологов, не имеющую ни малейшего отношения к Вере, Надежде и Любви, какими их представляли себе христиане не только тогда, но и во все времена. Однако это личное ослабление короля не затронуло первой и важнейшей сферы правления, сферы войны и мира.

Людовик XIV на закате своих дней, разочарованный, усталый, раздраженный, благочестивый лишь по привычке, тем не менее, ни в чем не уступает торжествующему королю времен Нимвегенского мира, когда Франция была образцом для всей Европы и одновременно ее грозой. Он даже превосходит того короля, ибо одно дело диктовать свою волю, обладая огромными силами и великими полководцами, и совсем другое — заключить победный мир, когда государство испытывает недостаток всего и

вся. Ибо завершение Войны за испанское наследство является, возможно, самым большим личным успехом Людовика XIV.

В отличие от окончания Деволуционной, Голландской войн и войны против Аугсбургской лиги, когда король, по мнению его приближенных и общества, был слишком уступчив по отношению к врагу, теперь, в 1713 году, когда усталость была так велика, что даже самые воинственные готовы были заключить мир как можно быстрее, лишь бы поскорее покончить с этим кошмаром, король в одиночку противостоял этой всеобщей усталости, и заслуга его была тем очевиднее, что сам он приближался к концу жизни.

Конец худшей из войн этого царствования был для Франции неожиданным. Он не имел ничего общего с решениями, принятыми коалиционными силами на конференции в Гертрёйденберге, имевшими целью уничтожение Франции. Радикальное изменение ситуации было делом рук короля. Виллар — не говоря уже о прочих — готов был немедленно начать переговоры, не торгуясь о мелочах, поскольку спешил насладиться своей славой. Но Людовик был тверд. «Я желаю мира, — написал он маршалу, — но ничто не заставит меня торопиться с его заключением. Если переговоры в Раштатте продолжатся, вы наверняка заставите принца Евгения принять основные из желательных для меня условий. Если же он прервет переговоры, вы мне окажете еще большую услугу и я буду вам более благодарен за твердость, которую вы выкажете в исполнении моих приказов, чем если вы заключите мир, противный как моей славе, так и нынешнему положению дел».

В конце войны Людовик оказался более упорным, чем некогда был его главный враг, умерший десятью годами ранее, готовивший (как всегда, тщательно) свою четвертую войну против Франции, Вильгельм Оранский, он же Вильгельм III, король Англии, но гораздо более известный под своим первым именем. Король Франции был стар, он похоронил всех — не только свою семью, но и злейших врагов. Могло ли одно уравновесить другое?

Франция лишилась Дюнкерка и его фортификационных сооружений, шедевра Вобана; уменьшилось ее влияние в Германии, за исключением Баварии; в Северной Америке она уступила Англии Акадию, Гудзонский залив и Ньюфаундленд, а также Сент-Кристофер в Антильском архипелаге. Возникает желание сказать, что этим и ограничиваются ее потери, ибо итог территориальных приобретений этого 54-летнего царствования остается весьма впечатляющим.

Англия, кроме приобретения вышеупомянутых территорий, сохраняет

за собой Гибралтар и получает значительные торговые выгоды: со стороны Франции — возвращение к таможенному тарифу 1664 года и режим наибольшего благоприятствования в торговле; со стороны Испании — *asciento*, или монополию на торговлю неграми и разрешение отправлять ежегодно корабль водоизмещением 500 тонн на ярмарки в Картахену и Веракрус, что является почти официальной поддержкой неограниченной контрабандной торговли с Латинской Америкой.

Соединенные провинции добились создания буферной зоны в бывших Испанских Нидерландах, находящейся под имперским суверенитетом, где они жили за счет императора. Так называемые Барьерные трактаты, которые будут подписаны 15 ноября 1715 года, через два месяца после смерти Людовика XIV, позволят им держать там свои гарнизоны.

Император обеспечил себе доминирующее положение в Центральной Европе, прежде всего благодаря ослаблению Турции, у которой он отвоевал Венгрию и Трансильванию. В результате Войны за испанское наследство он получил упомянутые выше Нидерланды, Миланское герцогство, Тоскану, Сардинию и Неаполитанское королевство.

Испания потеряла много: Гибралтар, Италию и Нидерланды. А предоставленные Англии торговые преимущества лишали ее значительных ресурсов. Филипп V еще долго будет мечтать о реванше.

Прощание

1715 год. Людовик очень устал. Ему не суждено пережить этот год. У него желтовато-восковой цвет лица, на котором лежит печать горечи. Ему трудно двигаться. На лице его появляется выражение то скуки, то растерянности, а то он внезапно беспричинно плачет. Огромный Версаль стал дворцом безмерной тоски. Придворные, пережившие эту войну, которая уничтожила цвет дворянства, удрученные его мрачной атмосферой, ищут развлечения в Париже.

Мадам де Ментенон часто жалуется в письмах на ипохондрию мужа: «Приходится терпеть его мрачное настроение, его уныние, его недомогания; иногда у него из глаз ни с того ни с сего льются слезы, и он не может сдержать их, или ему внезапно делается дурно. Он утратил вкус к беседе. Случается, что кто-либо из министров приносит ему дурные новости. Если хотят, чтобы я присутствовала при этом совете, меня зовут, если нет, то я удаляюсь...»

Десятого августа у Людовика едва хватает сил дойти до своей молельной скамейки — ноги совсем не держат его. 12-го ему становится хуже. 13-го он просит отнести его в церковь в портшезе. После молитвы он, стоя, ни на что не опираясь, принимает посла Персии Хусейна Мирзу. Во второй половине дня он чувствует острую боль в левой ноге. Фагон, его знаменитый врач, констатирует воспаление седалищного нерва. А начиная с 19 августа король уже не покидает своих апартаментов. Его хирург обнаруживает черное пятно на ступне. 20-го в присутствии врачей, которые промыли ему ногу в большом серебряном тазу, Людовик говорит: «Я вижу, что вы находите мое состояние плохим. Я действительно очень слаб. Но как может быть иначе, если я мучаюсь от боли днем и ночью и с начала моей болезни почти ничего не ем, а вы не можете дать мне ни малейшего облегчения?»

Двадцать первого августа он работает, облачившись в халат и положив ногу на табурет, а 22-го теряет сознание в травяной ванне, приготовленной специально для того, чтобы дать ему облегчение. Десять врачей, вызванных из Парижа в помощь Фагону, прописывают ему ослиное молоко. 24-го левая нога у него чернеет до самой ступни; «воспаление седалищного нерва» — это на самом деле гангрена. 25-го, в день Святого

Людовика, король решает обедать в окружении придворных и уточняет: «Я жил среди моих придворных, я хочу умереть среди них. Они были рядом со мной на протяжении всей моей жизни; справедливо, чтобы они видели мой уход».

Вечером он просит дать ему последнее причастие, после чего назначает маршала де Вильруа воспитателем дофина, недолго беседует с канцлером Вуазеном и генеральным контролером Демаре и просит позвать Филиппа Орлеанского.

«Мой дорогой племянник, — говорит король, — я составил завещание, согласно коему вы сохраняете все права, которые вам дает ваше рождение. Я поручаю вам дофина; служите ему так же честно и преданно, как вы служили мне... Если его не станет, власть перейдет в ваши руки. Я знаю ваше доброе сердце, ваше благоразумие, вашу храбрость и ваш ум; я убежден, что вы возьмете на себя заботу о достойном воспитании дофина и что вы сделаете всё возможное для облегчения участи подданных королевства».

Людовик добавляет: «Я сделал некоторые распоряжения, кои считал разумными и справедливыми для блага королевства, но поскольку всё предусмотреть невозможно, то в случае необходимости внести какие-либо изменения будет сделано то, что будет сочтено необходимым».

Историки единодушны в том, что эти уточнения касались того положения, которое, вопреки законам королевства, он даровал герцогу дю Мену.

Двадцать шестого августа, в понедельник, он прощается с будущим Людовиком XV, которого к нему приводит герцогиня де Вантадур: «Мое дорогое дитя, вы станете величайшим королем в мире; никогда не забывайте о своих обязанностях перед Богом. Не следуйте моему примеру в войнах; старайтесь всегда жить в мире со своими соседями и по мере сил облегчать участь своего народа, чего я, действуя в интересах государства, не имел счастья делать. <...> Я вам даю в духовники отца Летелье; следуйте его наставлениям и не забывайте о ваших обязательствах по отношению к мадам де Вантадур».

Он приглашает герцога Орлеанского и объявляет ему: «Мой племянник, я назначаю вас регентом королевства. Вам суждено видеть одного короля в могиле, а другого — в колыбели; сохраните в вашей памяти одного и не забывайте об интересах другого».

Его хирург Марешаль, прозондировав ему ланцетом ногу, обнаружил, что гангрена затронула кости.

Обращаясь к кардиналам де Бисси и де Рогану, король говорит о том,

что его смущают последствия буллы *Unigenitus*, которую он вырвал у папы, чтобы покончить с янсенистами: «Я всегда с усердием и твердостью защищал религию и Церковь, но в событиях, имевших место в последнее время, я всего лишь следовал вашим советам и делал лишь то, что вы мне рекомендовали. Поэтому если я поступал дурно, то это на вашей совести, ибо в этом не было моей личной воли, и вы ответите за это перед Господом; у меня же были только самые благие намерения».

Так как кардиналы молчат, он указывает пальцем на небо: «Господа, отвечать вы будете перед этим судом».

Затем он говорит, что испытывает угрызения совести из-за того, как он поступил с кардиналом де Ноаем. Он заявляет, что не питал ненависти к архиепископу Парижскому. Фагон и Марешаль советуют ему помириться с ним. Людовик соглашается: «Заверьте его, что для меня будет высочайшим счастьем умереть у него на руках». Врагам Ноая кажется, что это уже слишком.

Роган, Бисси и мадам де Ментенон совещаются, стоя у оконного проема, а затем возвращаются к королю: его смерть на руках Ноая была бы торжеством их врага. Кардинал-архиепископ Парижский должен сначала принять буллу. Ноай так и не появился.

В последние дни жизни Людовик ко многим обращается с прощальными словами; те, которые он адресует принцессе Пфальцской, жене своего брата, матери регента, производят на нее такое впечатление, что она пишет: «Прощаясь, он сказал мне такие нежные слова, что я не знаю, как я тут же не рухнула без чувств».

Двадцать восьмого августа появляется некий провансальский знахарь по имени Брен и предлагает «безотказное» средство от гангрены. Герцогиня Орлеанская, герцог дю Мен и граф Тулузский сообщают о нем королю, и тот соглашается его принять. Король пьет этот «на редкость вонючий, сделанный из какого-то животного эликсир», небольшое количество которого растворили в рюмке то ли бургундского, то ли аликанте.

На несколько часов ему становится лучше, и дамы объявляют Брена «ангелом, ниспосланным небесами, чтобы спасти короля», а всех парижских и придворных врачей требуют сбросить в реку. Наступает ухудшение, король вновь принимает лекарство, и в четверг 29-го его состояние вновь улучшается. Апартаменты герцога Орлеанского, заполненные придворными, явившимися засвидетельствовать свое почтение будущему регенту, пустеют.

«Если король еще раз позавтракает или пообедает, — говорит герцог, — около меня не останется никого!»

В пятницу 30 августа начинается агония. Людовик пребывает в полубессознательном состоянии. Мадам де Ментенон удаляется в Сен-Сир и более не появляется.

Ночью 31 августа священники читают над ним молитвы для умирающих. Как рассказывает Филипп де Курсийон, маркиз де Данжо, «голоса священников, читавших молитвы, задели какую-то пружину в машине (король стал машиной), и его величество произнес громче, чем они, Ave Maria и Credo несколько раз подряд, но совершенно бессознательно, просто в силу привычки произносить их, каковую имел».

«О Боже, приди мне на помощь, поскорее помоги мне» — таковы его последние слова. Затем он потерял сознание и лишь 1 сентября на мгновение пришел в себя, прежде чем в 8 часов 15 минут испустить последний вздох.

На следующий день парламент, еще не знающий последней воли короля, передает бразды правления герцогу Орлеанскому, который возвращает парламенту право ремонстраций. 4 сентября внутренности покойного приносят в собор Парижской Богоматери, а 6-го кардинал де Роган доставляет его сердце в молельный дом иезуитов на улице Сент-Антуан. 9-го вечером траурный кортеж покидает Версаль в сопровождении восьмисот всадников — лейб-гвардии, мушкетеров и легкой кавалерии — со свечами из белого воска в руках. Кортеж проходит через Париж ночью и прибывает в Сен-Дени 10 сентября на рассвете, когда улицы еще пустынные.

В реестре умерших Версальского прихода свидетельство о смерти короля появилось лишь шесть недель спустя: «В первый день сентября года тысяча семьсот пятнадцатого великий, очень могущественный и очень замечательный Король Франции, славной памяти Людовик Четырнадцатый, семидесяти семи лет от роду скончался в своем дворце и был перенесен в Сен-Дени в девятый день названного месяца в присутствии Мессира Жана Дюбуа, каноника Сен-Кантена, капеллана королевского оркестра и Мессира Пьера Маннури, священника конгрегации миссионеров, каковые поставили свои подписи вместе с нами».

В своем послании, направленном в Рим после смерти короля, нунций Корнелио Бентивольо представляет его почти святым. «В нем сочетались все королевские и христианские добродетели и, за исключением легкомысленных заблуждений молодости, коим не подвержены лишь те,

кто по исключительному благоволению Провидения призван к святости, не сыщется ничего, что можно было бы поставить ему в упрек».

Король Пруссии Фридрих Вильгельм I был краток. «Господа, король умер», — сказал он по-французски своим приближенным. Все поняли.

Магические чары более не действуют на народ. От восхищения, еще имевшего место в 1709 году (вспомним, как было встречено его обращение от 12 июня о необходимости продолжать войну), не осталось и следа. Толпы скорбящих не собираются в церквях на публичные молебны за упокой души Людовика. Появились листовки, называющие его банкротом, ограбившим народ. Это охлаждение объясняли длительностью его правления, несчастьями последней войны, налоговым гнетом, человеческим непостоянством... Всё это, конечно, так. Тем не менее война была окончена и страна оживала для мирной жизни.

Хронология

1638, 5 сентября — рождение будущего Людовика XIV.

1642 — смерть кардинала де Ришелье.

1643 — смерть Людовика XIII. Победа герцога Энгиенского над испанцами при Рокруа. 1646 — воспитание Людовика XIV поручено Мазарини. 1648 — Фронда. Вестфальский мир, обеспечивающий Франции главенствующее положение в Европе.

1651 — совершеннолетие Людовика XIV.

1652 — сражение в предместье Сент-Антуан между фрондерами и королевскими войсками. Людовик возвращается в Париж.

1653 — окончание Фронды. Фуке назначен сюринтендантом финансов. Римский папа осуждает пять положений, извлеченных из «Августина» Янсения.

1654 — коронация Людовика XIV в Реймсе.

1655 — Людовик призывает к порядку парламентариев, но не произносит приписываемую ему фразу «Государство — это я!».

1658 — Мольер играет в Лувре перед Людовиком XIV. Тюренн одерживает победу над Конде и испанцами на Дюне.

1660 — брак Людовика XIV и Марии Терезии Австрийской, дочери короля Испании Филиппа IV. Смерть Гастона Орлеанского, сосланного в Блуа в 1552 году.

1661 — смерть Мазарини. Людовик берет власть в свои руки. Кольбер назначен интендантом финансов. Празднества в Во. Арест Фуке. Начало связи с Луизой де Лавальер. Рождение Великого дофина, старшего сына Людовика XIV.

1662 — смерть Паскаля. Людовик XIV завоевывает Дюнкерк.

1663 — Людовик XIV и Кольбер реорганизуют Академию живописи.

1664 — Кольбер — сюринтендант королевских строений. Король решает сделать Версаль своей резиденцией. Представление «Забавы волшебного острова». Начало преследования янсенистов (Пор-Рояль). Лебрен, первый художник короля. Мольер в Версале. Вынесен приговор Фуке.

1665 — заседание судей в Оверни. «Дон Жуан» Мольера.

1666 — «Мизантроп» Мольера. Людовик XIV делает Сен-Жермен своей главной резиденцией. Решение о строительстве канала Двух морей.

Создание Академии наук.

1667 — «Андромаха» Расина. Строительство Обсерватории. Деволуционная война: Людовик захватывает Испанские Нидерланды. Связь с мадам де Монтеспан. Король защищает «Тартюфа» Мольера от нападок святош.

1668 — Ахенский мир. Конец Деволуционной войны. «Великое Королевское Празднество». Церковный мир — передышка для янсенистов.

1669 — Кольбер — государственный секретарь. «Тартюф» разрешен к постановке. Лесной кодекс.

1670 — «Мещанин во дворянстве» Мольера. Издание «Мыслей» Паскаля. Рождение герцога дю Мена, внебрачного сына Людовика XIV и мадам де Монтеспан. Смерть Генриетты Английской — Мадам, супруги Месье, брата короля.

1671 — Месье вступает во второй брак с Елизаветой Шарлоттой Баварской принцессой Пфальцской, второй Мадам.

1672 — Голландская война. Переход через Рейн. Вильгельм Оранский — штатгальтер.

1673 — смерть Мольера. Герцог дю Мен узаконен.

1674 — строительство ворот Сен-Мартен. Закладка собора Инвалидов.

1676 — казнь отравительницы, маркизы де Бренвилье.

1678 — Нимвегенский мир. Окончание Голландской войны. Франция господствует в Европе.

1679 — строительство Больших и Малых конюшен в Версале и дворца в Марли. Антипротестантские эдикты. Начало «присоединений» — аннексий, основанных на феодальном праве, которые приводят в волнение Европу,

1680 — первые драгонады в Пуату. Создание Французской комедии.

1681 — Людовик XIV вступает в Страсбург,

1682 — двор переезжает в Версаль. Кавелье де ла Саль овладевает Луизианой. Рождение герцога Бургундского, старшего сына Великого дофина.

1683 — смерть королевы Марии Терезии. Женидьба Людовика XIV на Франсуазе д'Обинье, вдове Скаррона, маркизе де Ментенон. Смерть Кольбера. Лувуа — сюринтендант королевских строений.

1685 — строительство северного крыла Версаля. Отмена Нантского эдикта.

1686 — антифранцузская Аугсбургская лига.

1688 — война против Аугсбургской лиги. «Характеры» Лабрюйера.

1689 — Вильгельм Оранский — король Англии Вильгельм III.

Фенелон — воспитатель герцога Бургундского.

1691 — смерть Лувуа.

1693–1694 — климатическая катастрофа. Два миллиона умерших. Рождение Вольтера. Королевские решения в пользу узаконенных принцев.

1695 — введение капитации — налога, которым облагаются как дворяне, так и простолюдины.

1697 — Рисвикский мир. Конец войны против Аугсбургской лиги (Десятилетней войны).

1700 — Филипп Анжуйский становится королем Испании под именем Филиппа V.

1702 — восстание камизаров в Севеннах. Война за испанское наследство. Смерть короля Англии Вильгельма III — (Оранского), в течение тридцати лет являвшегося главным врагом Людовика XIV в Европе. Хёхштадтская катастрофа. Франция изгнана с германских территорий.

1703 — катастрофа в Рамийи и Турине. Франция изгнана из Нидерландов и Италии.

1707 — «королевская десятина» Вобана, устанавливающая равенство в уплате налогов.

1709 — Великая зима. Франция в отчаянии. Обращение Людовика XIV к народу.

1710 — Вильявисьоса. Герцог Вандомский спасает трон Филиппа V.

1712 — Денен. Маршал де Виллар останавливает вторжение имперцев под командованием принца Евгения Савойского.

1713 — Утрехтский мир. Окончание Войны за испанское наследство. Вырванная Людовиком XIV у папы Климента XI булла *Unigenitus*, направленная против янсенизма, вносит раскол в Церковь Франции.

1715 — смерть Людовика XIV.

Библиография

Тексты Людовика XIV

Lettres aux princes de l'Europe, ses généraux, ses ministres. Recueillies par M. Rosé, secrétaire du Cabinet. Avec des remarques historiques par M. Morelly, sd.

Mémoires et lettres. Pion, 1942.

Mémoires, suivi de Réflexions sur le métier de roi, de Instructions au duc d'Anjou et de Projet de harangue, textes annotés et présentés par Jean de Longnon. Tallandier, 2001.

Литература

Anne Marie Louise d'Orléans, duchesse de Montpensier. Mémoires. Chéruel, 1856–1859.

Antoine III, maréchal de Gramont. Mémoires. Paris, 1839.

Bénichou P. Morales du Grand Siècle. Gallimard, 1948.

Bloch M. Les Rois thaumaturges. Étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale, particulièrement en France et en Angleterre. Gallimard, 1983.

Bluche F. Le Grand Règne, Fayard, 2006.

Bouchet L. F. de, marquis de Sourches. Mémoires sur le regne de Louis XIV. G.-J. de Cosnac et A. Bertrand, 1892–1893.

Breteuil L. N. de. Mémoires. Lever, 1992.

Chabod T. F., marquis de Saint-Maurice. Lettres sur la cour de Louis XIV. J. Lemoine, 1911–1912.

Chaunu P. La Civilisation de l'Europe classique. Arthaud, 1984. Colbert J.-B. Lettres, instructions et Mémoires. Pierre Clement, 1861–1882.

Courcillon P. de. Journal de la cour du Roi-Soleil. Firmin-Didot freres, 1854–1860.

D'Aubigné Françoise, marquise de Maintenon. Lettres. Langlois, 1935–1939.

Elisabeth-Charlotte, duchesse d'Orléans, princesse Palatine. Lettres françaises, présentées par D. Van Der Cruysse. Fayard, 1989.

Fenelon. Ecrits et lettres politiques. Stakline, 1921.

Flechier E. Mémoires sur les grands jours d'Auvergne. Y-M. Bercé, 1984.

François, due de La Rochefoucauld. Mémoires. Gallimard, coll. «Folio classique», 2006.

Gondi P. de, cardinal de Retz. Mémoires. Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1956.

Goubert P., Roche D. Les Français et l'Ancien Régime: 2 tomes. Colin, 1991.

Gracian B. L'Homme de cour, traduction Amelot de la Houssaie. Mille et Une Nuits, 1997.

Laporte P. de. Mémoires. Paris, 1839.

Louis XIV vous parle: Texte officiel des registres du Parlement. Stock, 1988.

Mancini H., duchesse de Mazarin, Mancini M., princesse Colonna. Mémoires, Mercure de France, 1987.

Mandrou R. L'Europe absolutiste, raison et raison d'Etat (1649–1775). Fayard, 1995.

Petifils J.-C. Louis XIV. Perrin, 2006.

Primi Visconti J.-B. Mémoires sur la cour de Louis XIV. Perrin, 1988.

Rabutin R. de. Mémoires. J.-C. Lattes, 1987.

Rabutin-Chantal M. de, marquise de Sevigne. Correspondance. Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1995–1996.

Richet D. De la Réforme à la Involution. Études sur la France moderne. Aubier, 1991.

Rouvroy L. de, due de Saint-Simon. Mémoires; 8 tomes Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1983–1988.

Talon O. Mémoires. Paris, 1838.

Timoleon F. Mémoires pour servir à l'histoire de Louis XIV. Mongrédien; Paris, 1966.

Редакция сочла возможным дополнить библиографический перечень изданиями на русском языке.

Блюш Ф. Людовик XIV/Пер. Л. Д. Тарасенковой, О. Д. Тарасенкова. М., 1998.

Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991.

Бретон Г. Истории любви в истории Франции: В 5 кн. / Пер. С. Г. Чалтыкьян. М., 1993. Кн. 2.

Глаголева Е. В. Повседневная жизнь королевских мушкетеров. М., 2008 (серия «Живая история»),

Глаголева Е. В. Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришелье и

Людовика XIII. М., 2007 (серия «Живая история»).

Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века / Пер. с фр. Ю. Б. Корнеева, Э. Л. Линецкой. М., 2005.

Ленотр Ж. Повседневная жизнь Версаля при королях / Пер. А. Л. Раковой. М., 2003 (серия «Живая история»),

Птифис Ж. К. Истинный д'Артаньян / Пер. с фр. Э. М. Драйтовой. М., 2004 (серия «ЖЗЛ»).

Сен-Симон. Мемуары: Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве: В 2 кн. / Пер. с фр. Ю. Б. Корнеева. М., 1991.

Шишкин В. В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках. СПб., 2004.

Шоссинан-Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей / Пер. с фр. С. В. Архиповой. М., 2003 (серия «Живая история»).

notes

Примечания

Гуго Капет (987–996) — французский король, основатель династии Капетингов. Здесь и далее в примечаниях, содержащих биографические сведения о монархах (королях, императорах и т. п.), в скобках приводятся даты начала и конца правления, об остальных лицах — даты рождения и смерти. *(Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания редактора.)*

Построенный архитектором Филибером Делормом в царствование Генриха II (1547–1559) и расширенный Луи Метозо, этот Шато-Нёф более не существует. Пришедший в ветхость при Людовике XV (1715–1774), он был разрушен при Людовике XVI между 1777 и 1782 годами. Шато-Вьё, перестроенный Шамбижем для Франциска I (1515–1547), включает донжон времен Карла V (1364–1380) и часовню времен Людовика Святого (1226–1270). Он и ныне возвышается над Сеной и равниной Везинэ. (Прим. авт.)

Салический закон, Салическая правда (лат. *lex Salica*) — правовой кодекс салических (западных) франков, составленный в конце V — начале VI века. При написании со строчной буквы, как в данном случае, имеется в виду одна из норм этого кодекса, согласно которой престол наследуется членами династии по нисходящей непрерывной мужской линии (сыновья государей, внуки, правнуки и т. д.). В случае смерти монарха, не оставившего сыновей, его дочери и их потомки не могут унаследовать трон, на который могут претендовать следующий по старшинству брат короля или, если того нет в живых, его сыновья.

Гастон Жан Батист герцог Орлеанский (1608–1660) — младший сын короля Генриха IV.

Дофин (фр. Dauphin) — титул наследника французского престола. Термин ведет происхождение от прозвища графа Гига IV Вьеннского, на гербе которого был изображен дельфин (фр. dauphin). Затем дофинами стали именоваться все графы Вьеннские, а область, которой они правили, получила название Дофине. В 1349 году дофины Вьеннские продали титул французской короне с условием, что его будут носить престолонаследники.

Месье (фр. Monsieur) — здесь: титул, с XVI века дававшийся родному брату короля Франции, следующему по старшинству.

Принцы де Конде — титул французских принцев крови (законнорожденных потомков французских королей в мужском колене, которые по салическому закону потенциально могли унаследовать престол), младшей ветви венценосного дома Бурбонов. Впервые дан дяде Генриха Наваррского Людовику I Бурбону (1530–1569), резиденцией которого был дворец-замок в городе Конде.

Кардинал-мирянин — чин католической церкви до 1917 года. Носившие его не могли, в отличие от кардиналов-священников или кардиналов-епископов, совершать важнейших обрядов (таинств) и не давали обета безбрачия.

Франсуа дела Мотле Вайе (1588–1672) — французский писатель и философ, представитель скептицизма, член Французской академии (1640).

Вероятно, автор имеет в виду гельветов — кельтское племя, во времена Цезаря проживавшее на территории теперешней Швейцарии, родственное соседним галлам, жившим на территории современной Франции.

Тиберио Фьорелли (1608–1696) — итальянский актер, игравший традиционного персонажа итальянской народной комедии дель арте (комедии масок) хвастуна Скарамуша.

Андалусия — область на юге Испании; Кампания — область в Южной Италии, включающая побережье Тирренского моря и острова Неаполитанского залива.

Кадис — город в Андалусии.

Фронда (фр. Lafronde — детская игра, букв, праща) — обозначение ряда антиправительственных смут во Франции в 1648–1652 годах, в ходе которых парижане часто использовали пращи для битья стекол в домах приверженцев кардинала Мазарини.

Парламенты — высшие суды провинций во Франции до Великой французской революции, пользовавшиеся политическими правами. Самым старым и первым по значению был парижский парламент, юрисдикции которого подлежала большая часть Северной и Центральной Франции. В его состав входили почетные (принцы королевского дома, пэры Франции, губернатор Парижа и аббаты некоторых монастырей) и постоянные члены, получавшие жалованье, первоначально назначавшиеся королем, а с XVI века покупавшие парламентские места. Члены парламента пользовались многими привилегиями: были освобождены от военной службы, постоя и некоторых налогов. Верховным главой парижского парламента считался король, изредка появлявшийся на его заседаниях, а реально его работой руководили первый президент, место которого никогда не продавалось, и президенты палат.

Оффисье — общее название французских должностных лиц, к которым, по справедливому замечанию В. Н. Малова, неприменим термин «чиновники», поскольку чины жаловались верховной властью за заслуги или выслугу лет, не продавались и не наследовались. Для оффисье же должность превращалась в наследственное имущество. Поэтому он заботился об охране законности вместо беспрекословного подчинения воле начальника, ведь для того чтобы продвинуться по карьерной лестнице, следовало просто купить более высокую должность (см.: Малое В. Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Французский ежегодник. 2005. М., 2005. С. 90–133).

Пале-Рояль (фр. Palais Royal — королевский дворец) — площадь, дворец и парк, расположенные в Париже напротив северного крыла Лувра.

Анри дела Тур д'Овернь, виконт де Тюрени (1611–1675) — знаменитый полководец, сын герцога де Буйона, внук Вильгельма Оранского, маршал Франции (1643).

Ордонанс (фр. ordonnance от ordonner — приказывать) — королевский указ, имевший силу закона. Во Франции ордонансы появились во второй половине XII века, а в XV столетии была установлена практика, по которой они приобретали силу закона только после регистрации их парламентом.

Пьер Бруссель (1576–1654) — советник Большой палаты парижского парламента, в 1648 году ему было 72 года. Впоследствии он был назначен фрондерами комендантом Бастилии (1649) и стал купеческим старшиной Парижа (1651).

Винсент (Викентий) де Поль (1581–1660) — католический священник, богослов, основатель конгрегации лазаристов (миссионеров) и конгрегации дочерей милосердия, занимавшихся образованием бедняков, опекой сирот и стариков, помощью каторжникам на галерах и раненым на полях сражений. Де Поль присутствовал при кончине Людовика XIII и был включен в состав регентского совета при малолетнем Людовике XIV. В 1737 году был объявлен святым, с 1885 года считается небесным покровителем всех благотворительных начинаний католической церкви.

Жан Франсуа Поль де Гонди (1613–1679) — деятель Фронды, писатель, из семьи знаменитых флорентийских банкиров, кредиторов рода Медичи. Его дед в XVI веке перебрался во Францию и приобрел титул герцога де Реца. Четверо Гонди подряд занимали кафедру епископа Парижского с кардинальским званием. В 1643 году Жан Франсуа был назначен коадьютором (заместителем) своего дяди, архиепископа Парижского, что, наряду с широкой раздачей пожертвований, позволило ему снискать симпатии простых парижан. В 1652 году стал кардиналом.

Титул принца де Марсийака до смерти отца (1650) носил знаменитый французский философ-моралист, впоследствии герцог Франсуа VI де Ларошфуко (1613–1680).

Венсенский замок был построен в XIV–XVII столетиях в Венсенском лесу под Парижем, где еще с XII века располагалось королевское охотничье поместье. В период Религиозных войн использовался в качестве тюрьмы.

Эрцгерцог (нем. Erzherzog) — титул, используемый исключительно членами австрийского монаршего дома Габсбургов, аналогичный принцу или князю в других правящих домах Европы. Леопольд Вильгельм фон Габсбург (1614–1662) — австрийский эрцгерцог, имперский фельдмаршал (1639), командующий австрийскими войсками в Тридцатилетнюю войну.

Генеральные штаты (фр. États Généraux) — высшее сословно-представительное учреждение Франции (1302–1789), совещательный орган, созываемый в критические моменты по инициативе королевской власти. Каждое сословие заседало отдельно и имело по одному голосу.

Жак Бенинь Боссюэ (1627–1704) — знаменитый французский писатель, проповедник и богослов, епископ Мо. Всемирную славу снискали ему «Надгробные речи» (*Oraisons funebres*), которые он писал с 1656 года, посвященные Анне Австрийской (1667), Генриетте Английской (1670), Марии Терезии (1683) и др. Последняя из надгробных речей была произнесена им в соборе Парижской Богоматери по случаю кончины принца Конде 10 марта 1687 года, в которой тот представал великим государственным деятелем.

Филипп Боссан (род. 1930) — известный музыковед и писатель, член Французской академии (2007), автор книг «Людовик XIV, король-артист» и «Люлли, музыкант солнца», за которую получил в 1991 году Гонкуровскую премию; создатель Версальского центра барочной музыки.

Филипп де Клерамбо граф де Паллюо (1606–1665) — военачальник, отличившийся при Людовике XIII в военных кампаниях во Фландрии и Италии, маршал Франции (1652).

Исаак де Бенсерад (1612–1691) — французский придворный поэт, драматург, в сотрудничестве с композиторами Мишелем Ламбером и Жаном Батистом Люлли создавший 23 придворных балета, член Французской академии (1674).

Жан Батист Кольбер (1619–1683) — французский государственный деятель, сын зажиточного купца. Вскоре после его поступления на государственную службу на него обратил внимание Мазарини, назначил своим управляющим и рекомендовал Людовику XIV. Кольбер сделал быструю карьеру: стал сюринтендантом государственных строений и мануфактур (1664), торговли (1665), генеральным контролером финансов (1665), морским министром (1669), почти целиком сосредоточив в своих руках руководство внутренней политикой Франции. Он с помощью громадных штрафов боролся с финансовыми злоупотреблениями и проводил политику протекционизма.

Ремонстрация (от лат. *remonstratio* — указание) — право отказа французских парламентов от регистрации королевских актов, не соответствующих, по их мнению, обычаям провинции или законам страны; теряло юридическую силу в случае личного присутствия короля на заседании парламента. Ремонстрация использовалась главным образом против введения новых налогов.

Имеется в виду «карусель» — конное состязание, пришедшее на смену рыцарским турнирам: дворяне должны были снимать кончиком копья подвешенные кольца, поражать мишени и рубить чучела.

Знаменитый врач Антуан Валло, лечивший короля кровопусканиями, промыванием желудка, рвотными и слабительными средствами, считал, что тот был болен оспой.

Кристина Мария де Бурбон (1606–1663) — дочь Генриха IV и Марии Медичи, жена Виктора Амадея I герцога Савойского (1619). Пятой из семи ее детей была Маргарита Виоланта (1635–1663). После того как по политическим причинам брак Маргариты Савойской и Людовика XIV не состоялся, она вышла замуж (1660) за герцога Пармы Рануччо Фарнезе.

Франциск I — король Франции (1515–1547), отличавшийся храбростью, честолюбием и легкомыслием; вызвал на поединок императора Священной Римской империи Карла V (1520–1558).

Луис Мендес де Харо, шестой маркиз Карпио, гранд Испании (1598–1661) — испанский министр, главный переговорщик с французами.

Франсуа Блюш (род. 1925) — крупнейший французский историк XX века, создатель словаря «Век Людовика XIV».

Имеется в виду Блез Паскаль (1623–1662) — французский философ, писатель, математик и физик.

При монастыре Пор-Рояль под Парижем, ставшем центром французской литературной жизни и философской мысли, существовала французская община янсенистов — противников иезуитов, последователей взглядов голландского епископа Корнелиуса Янсения, основанных на отрицании свободы воли и вере в предопределение (см. ниже). Большинство членов общины принадлежали к фамилии Арно, в том числе доктор Сорбонны Антуан Арно (1612–1694) и его старший брат Робер Арно д'Андийи (1589–1674).

Автор ошибается: Великим прозвали не Робера Арно д'Андийи, а его младшего брата Антуана; но речь о последнем не может идти, поскольку в описываемое время ему было 59 лет, тогда как Роберу — 82 года; именно последний являлся отцом Симона Арно, маркиза де Помпонна (1618–1699).

Андре Ленотр (1613–1700) — ландшафтный архитектор, придворный садовод Людовика XIV (1645), генеральный контролер строительства (1657), автор парка Версальского дворца, создатель системы регулярного французского парка.

Никола Фуке виконт де Мелен и де Во, маркиз де Бель-Мль (1615–1680) — сюринтендант финансов Франции (1653), за финансовые злоупотребления арестован (1661), приговорен к пожизненному заключению (1664).

Луи Лево (1612–1670) — архитектор, один из основоположников французского классицизма, главный королевский архитектор (1653–1670).

Шарль Лебрен (1619–1690) — живописец и декоратор, официальный художник королевского двора, создатель «стиля Людовика XIV».

Жан Батист Поклен (1622–1673) — великий драматург и актер, известный под псевдонимом Мольер.

Мишель Ришар Делаланд (1657–1726) — французский композитор и органист, автор более двадцати балетов и дивертисментов и множества других музыкальных произведений, интендант Королевской капеллы (1683).

«Никомед» — трагедия Ж. Расина, «Влюбленный доктор» — фарс Ж. Б. Мольера.

Нантский эдикт — закон 1598 года, подписанный королем Генрихом IV, завершивший Религиозные войны во Франции. Католицизм провозглашался государственной религией, но гугенотам предоставлялись свобода богослужений в городах (кроме Парижа и нескольких других), замках и сельской местности, а также определенные политические права.

Хлодвиг (481–511) — король салических (западных) франков из рода Меровингов, завоевал почти всю Галлию, принял христианство (496) и положил начало Франкскому государству.

Никола Буало-Депрео (1636–1711) — французский поэт и литературный критик, теоретик классицизма.

Шарль Огюстен де Сент-Бёв (1804–1869) — французский писатель, литературовед и литературный критик, представитель романтизма.

Поль Скаррон (1610–1660) — французский поэт, романист и драматург.

Оливье Лефевр д'Ормессон (1617–1686) — интендант Амьена, докладчик в Государственном совете; вынужден был после процесса Фуке продать эту должность, поскольку его беспристрастность была неужодна властям. Мари де Рабютен-Шанталь, маркиза де Севинье (1626–1696) — писательница, автор самого знаменитого в истории французской литературы эпистолярия (известно более тысячи ее писем), своеобразной светской хроники. Мадлен де Скюдери (1607–1701) — представительница прециозной (изысканной) литературы, предшественница феминизма (не вышла замуж по убеждению, предпочитая платонические чувства). Жан де Лафонтен (1621–1695) — знаменитый французский баснописец. Поль Пелиссон (1624–1693), писатель, член Французской академии (1653); секретарь Фуке; после опалы Фуке был арестован и провел в тюрьме четыре года, но был оправдан на суде и впоследствии занял должность королевского историографа. Пьер де Рокзант (1619–1707) — один из двадцати двух судей на процессе Фуке; считал, что тот достоин лишь изгнания, за что сам поплатился конфискацией имущества и несколько лет провел в ссылке в Бретани.

Пинероло (фр. Пиньероль) — итальянский город недалеко от Турина, крепость герцогов Савойских, находился под французской оккупацией с 1536 по 1574 год, а по Керакскому миру (1631) перешел к французской короне. До оставления города французами (1696) Людовик XIV использовал крепость как тюрьму для своих врагов.

Великий век (фр. Grand Steele) — во французской историографии период правления трех первых королей династии Бурбонов — Генриха IV (1589–1610), Людовика XIII (1610–1643) и Людовика XIV (1643–1715).

Бассет, ландскнехт — карточные игры двумя колодами, основанные не на расчете, а на чистом везении, в которых принимают участие банкомет (сдатчик) и понтирующие (игроки).

Это нежелание идти на открытый разрыв было одной из существенных черт Людовика, которая обнаруживалась не только в его любовных отношениях. Оно проявлялось в его поведении с министрами, генералами и вообще служителями в широком смысле слова. Он был склонен к дружбе и терпеть не мог огорчать людей. «Я ваш друг» — одно из любимейших его выражений, с которым он равно обращался и к Кольберу, и к лейтенанту легкой кавалерии. К этому он часто добавлял: «Вы вскоре в этом убедитесь»; эти слова повергали в изумление того, кому были адресованы. (Прим. авт.)

Вероятно, автор имеет в виду аналогию с семейным пансионом в романе Бальзака «Отец Горио», содержательницей которого была вдова Воке.

Томас Торквемада (1420–1498) — монах-доминиканец, основатель испанской инквизиции.

Имеются в виду Луи Огюст герцог дю Мен (Менский) (1670–1736) и Луи Сезар граф де Вексен (1672–1683).

Старый порядок (фр. Ancien Regime) — название монархии во Франции при королях династий Валуа и Бурбонов, с момента завершения централизации Франции в конце XV века до Великой французской революции (1789–1794).

Ренн — город на западе Франции, столица Бретани.

Поскольку он является монархом милостью Божьей, власть его исходит от Бога. На протяжении веков когорты теологов и законников признавали это утверждение апостола Павла. (Прим. авт.)

Максимилиан Поль Эмиль Литтре (1801–1881) — французский филолог и философ, последователь позитивизма Огюста Конта, член Французской академии (1871), составитель *Dictionnaire de la langue française* (Словаря французского языка) — одного из лучших словарей живых языков (1873).

Франсуа Мишель Летелье маркиз де Лувуа (1641–1691) — французский государственный деятель, государственный секретарь по военным делам (1668).

Большой и Малый Шатле — построенные в конце IX века парижские замки (Большой — в северной части острова Сите, Малый — в южной), в Средние века охранявшие подходы к мостам через Сену, а позднее использовавшиеся в качестве тюрем.

Модус вивенди (лат. *modus vivendi*) — образ жизни, способ существования.

Луи де Рувруа герцог де Сен-Симон (1675–1755) — один из самых знаменитых мемуаристов, автор подробнейшей хроники событий и интриг двора Людовика XIV, недоброжелатель королевской фаворитки мадам де Ментенон. После смерти герцога его бумаги были по распоряжению двора конфискованы и хранились в государственном архиве, а воспоминания стали печататься только с 1784 года.

Льё — старинная французская единица измерения расстояния. Сухопутное льё составляет 4445 метров (0,04 градуса меридиана), морское — 5557 метров (0,05 градуса меридиана), почтовое — 3898 метров.

Деволюционная война (1667–1668) — война между Францией и Испанией за Испанские Нидерланды. Франция в качестве предлога использовала так называемое деволюционное право, действовавшее в некоторых этих землях, согласно которому в случае второго брака отца владение переходило (деволюционировало) к детям от первого брака, имевшим преимущество перед детьми от второго брака. Война началась после смерти (1665) испанского короля Филиппа IV, дочерью которого от первого брака была жена Людовика XIV Мария Терезия, а преемником на испанском престоле — сын от второго брака Карл II Габсбург. В результате подписания Ахенского мира (1668) Франция получила некоторые территории, но была вынуждена уступить в основных притязаниях.

Аугсбургская лига (1686) — оборонительный антифранцузский союз между Голландией, Священной Римской империей, Испанией, Швецией, Баварией, Пфальцем, Саксонией, к которому присоединилась Англия (1689), поскольку Людовик XIV, не принимая во внимание статью брачного договора своей невестки принцессы Пфальцской, согласно которой она отказывалась от наследства, после смерти бездетного пфальцкого курфюрста Карла II выказал свои притязания на Пфальц. В результате войны за Пфальцское наследство, закончившуюся Риквикским миром (1697), Франция отказалась от ряда территориальных приобретений.

Ворота Сен-Дени — арка, установленная на так называемой королевской дороге, ведущей из предместья Сен-Дени в Лувр.

Елизавета Шарлотта (Лизелотта) принцесса Пфальцская (1652–1722) — немецкая принцесса из рода Витгельсбахов, жена брата Людовика XIV Филиппа герцога Орлеанского (1671).

Сикофант (отгреч. «фига» и «доношу») — доносчик; считается, что так впервые в Древней Греции назвали лиц, указавших на преступников, сорвавших во время голода плоды со священных смоковниц.

Жан Батист Масийон (1663–1743) — французский проповедник, автор многочисленных (сохранилось более ста) речей-«слов», епископ Клермонский (1717).

Он сам признавался в конце жизни: «Я слишком любил войну». По мнению некоторых авторов, это признание было вырвано у него перед кончиной чересчур усердными священниками. (Прим. авт.)

Люк де Клапье маркиз де Вовенарг (1715–1747) — французский писатель-моралист, друг Вольтера.

К дворянству шпаги (*noblesse d'epee*) принадлежали представители дворянского сословия, которые заработали звание военной службой, в отличие от дворянства мантии (*noblesse de robe*), получившего его за гражданскую службу.

Талья (фр. *taille*) — первоначально денежная «помощь», которую феодалы требовали от вассалов и подвластных крестьян; в середине XV века превратилась в постоянный налог на земельные наделы и недвижимое имущество горожан и крестьян, к XVII столетию стала важнейшим прямым налогом Франции, составлявшим до половины доходов государственного бюджета, а во время Великой французской революции была упразднена.

Себастьян Ле Претр де Вобан (1633–1707) — французский военный инженер, один из основоположников минно-подрывного дела, автор сочинений по военной инженерии и экономике, маршал Франции (1703). Участвовал в 53 походах, 104 боях, руководил осадой 53 крепостей, постройкой 33 новых и перестройкой свыше 300 старых крепостей, окружив Францию кольцом укреплений, что сыграло большую роль в последующих войнах.

Жан Шаплен (1595–1674) — поэт и теоретик литературы, один из основателей и первых членов (1634) Французской академии, составитель плана академического словаря, автор трактата «Обоснование правила двадцати четырех часов» (1630), где сформулировано одно из основных положений эстетики классицизма. Писал оды, сонеты и мадригалы, создал эпическую поэму «Девственница, или Освобожденная Франция» (первая половина, опубликованная в 1656 году, разочаровала читателей, вторая была напечатана лишь в 1882-м), пародией на которую стала фривольно-сатирическая «Орлеанская девственница» Вольтера (1755).

Никола Буало-Депрео (1636–1711) — поэт, критик и теоретик классицизма, основные эстетические принципы которого сформулировал в поэме «Поэтическое искусство» (1674), в частности необходимость соблюдения в драме закона трех единств — места, времени, действия. Считал непревзойденным образцом античное искусство, высмеивал произведения прециозной литературы, призывал изображать общее, типическое и исключать индивидуальное и изменчивое.

Мэтр Жак — персонаж комедии Ж. Б. Мольера «Скупой», повар и кучер господина Гарпагона, чье имя стало нарицательным для обозначения фактотума (доверенного лица).

Михаил Адриансзон Рюйтер (1607–1676) — голландский адмирал, в 1672 году командовал флотом из семидесяти кораблей против соединенных сил французов и англичан и одержал победу при Солебее (восточное побережье Англии).

Авраам Дюкен маркиз де Буше (1610–1688) — французский адмирал, один из лучших флотоводцев Франции, истребивший в 1676 году близ берегов Сицилии почти весь испано-голландский флот под командованием адмирала М. Рюйтера. Когда после отмены Нантского эдикта (1685) всех протестантов изгнали из Франции, он единственный получил разрешение остаться.

Алкивиад (450–404 до н. э.) — афинский полководец, родственник и воспитанник Перикла, ученик Сократа. Его крупнейшим военным предприятием была Сицилийская экспедиция в 415 году до н. э.

Второй женой Филиппа IV (1649) стала его племянница Мария Анна (Марианна) Австрийская (1634–1696), вследствие кровосмесительного брака четверо из их шестерых детей умерли в младенчестве. После смерти мужа Мария Анна была регентшей при сыне-инвалиде до его совершеннолетия.

Карлу II (1665–1700) к моменту смерти отца было менее четырех лет (родился 6 ноября 1661 года).

Леопольд I — император Священной Римской империи (1658–1705) из династии Габсбургов.

Антуан II маркиз де Вилькье герцог д'Омон (1601–1669) — маршал Франции (1651).

Великий пенсионарий провинции Голландия — одно из высших должностных лиц в Республике Соединенных провинций, избираемое на пять лет. Он собирал голоса и составлял решения Генеральных штатов, вел переговоры с иностранными послами и министрами, контролировал доходы, сохранение порядка и в целом благосостояния провинции; участвовал в коллегии выборных советников, которой принадлежала верховная власть в промежутках между созывами штатов, входил в состав делегации от провинции Голландия в Генеральных штатах Соединенных провинций.

«Жорж Данден, или Одураченный муж» — комедия Ж. Б. Мольера (1668).

Батавы — германское племя, поселившееся около 50 года до н. э. в устье Рейна, на территории современной Голландии, и позднее ассимилированное франками. От них пошло латинское название Нидерландов — Батавия (Batavia).

Бреве (лат. breve — краткое) — письменное послание папы римского, посвященное второстепенным проблемам церковной и мирской жизни. Пишется на латинском или итальянском языке менее торжественным стилем, чем папская булла, скрепляется папской печатью и подписью кардинала-секретаря.

Галликанская (французская католическая) церковь имеет автономное управление при сохранении всей догматики римско-католической церкви.

Арматор (лат. armator — вооружающий, снаряжающий) — судовладелец, снаряжающий корабль в рейс, нанимающий команду капитана и экипаж.

Зимой 1668 года Людовик XIV приобрел деревушку Трианон, примыкавшую с северо-запада к Большому парку Версаля (возможно, ее название означало «место, заросшее осинами»). Для уединенных встреч монарха с маркизой де Монтеспан Луи Лево построил здесь небольшой павильон, названный Фарфоровым Трианоном, поскольку его стены были облицованы бело-синими изразцами.

Эшевен — во Франции член графского суда, городской советник, старшина, член городской управы, в Нидерландах — заместитель бургомистра.

Вильгельм III принц Оранский (1650–1702) — штатгальтер Нидерландов (1672), муж Марии II Стюарт (1677), король Англии и Шотландии (1689).

Штатгальтер, статхаудер (нем. Statthalter, голл. Stadhouder) — должностное лицо, осуществлявшее государственное управление на какой-либо территории данного государства. В XVII веке статхаудеры из дома Оранских-Нассау фактически сосредоточили в своих руках верховную власть в Республике Соединенных провинций.

Шантийи — одно из самых значительных аристократических поместий недалеко от Парижа в долине реки Нонетт, с 1484 года принадлежавшее роду герцогов Монморанси; после казни Генриха II де Монморанси (1632) перешло к его сестре Шарлотте, ее супругу принцу де Конде и их потомкам (до пресечения рода в 1804 году).

«Восстанием красных колпаков» называли в Нижней Бретани (по отличительному знаку, который выбрали себе бретонские крестьяне) выступление, прокатившееся по западу Франции с марта по сентябрь 1675 года и известное как «восстание гербовой бумаги», направленное против введенного Людовиком XIV налога на гербовую бумагу, использовавшуюся для составления официальных документов.

От названия деревянной обуви — сабо.

В предисловии к роману он представляет Лотреамона в следующих выражениях: «Гигант, насмешливый убийца, нечто вроде жестокого шута, но, несмотря на свое моральное и физическое уродство, один из самых обольстительных среди знатнейших сеньоров при дворе Людовика XIV». (Прим. авт.)

Франсуа Анри де Монморанси-Бутвиль герцог Люксембургский (1628–1695), маршал Франции (1675).

Французский король Франциск 1 (1515–1547) в противостоянии с императором Священной Римской империи Карлом V опирался на помощь турок, заключив с султаном Сулейманом Великолепным торговый (1535) и союзный (1536) договоры.

Королевская зеркальная мануфактура Сен-Гобен была основана в 1665 году по распоряжению Людовика XIV для производства зеркал и стекол, ее первым заказом стала отделка Зеркального зала Версальского дворца. В 1664 году по инициативе Кольбера открылась королевская шпалерная мануфактура в Бове.

Жюль Ардуэн-Мансар (1646–1708) — придворный архитектор Людовика XIV, представитель стиля крупнейшего барокко во французской архитектуре, внучатый племянник архитектора барокко и зачинателя классицизма Франсуа Мансара, по имени которого жилое помещение под стропилами традиционной для Франции крутой крыши с изломом стало называться мансардой.

Его еще называют «делом о ядах».

Филипп де Курсильон маркиз де Данжо (1638–1720) — адъютант Людовика XIV, придворный интриган; в его подробных мемуарах, охватывающих период с 1684 по 1720 год, отражены личная жизнь монарха и повседневный придворный быт.

Здесь слово «машинист» употребляется в устаревшем значении «изобретатель машины».

Левый приток Сены.

Te Deum laudamus (лат.) — «Тебя, Бога, хвалим», самый известный гимн католической церкви, созданный в конце IV века предположительно святым Амвросием Медиоланским. Гимн регулярно используется в католическом богослужении — во время некоторых торжественных месс и благодарственных служб.

Титул Католических королей получили от римского папы Александра VI Изабелла I Кастильская и ее супруг Фердинанд II Арагонский, брак которых (1469) положил начало объединению Испании. Позднее так могли называть и их преемников, в данном случае Карлоса II.

Жан Батист Расин (1639–1699) — крупнейший поэт французского классицизма, член Французской академии (1672), один из «великой тройки» драматургов Франции XVII века, наряду с Корнелем и Мольером, автор пьес «Сутяги» (1668), «Британик» (1669), «Береника» (1670), «Баязет» (1672), «Митридат» (1673), «Ифигения» (1674), «Федра» (1677) и др.

Бенефиций (лат. *beneficium* — благодеяние) — с начала VI века доходная должность или земельный участок, получаемые духовными лицами в качестве вознаграждения.

Шарантон-ле-Пон — город в двух километрах к юго-востоку от Парижа, при слиянии Сены и Марны.

Капская колония (голл. Kaarkolonie от Kaap de Goede Hoop — мыс Доброй Надежды) — голландское (впоследствии английское) владение с городом Капстад (Кейптаун), основанное голландской Ост-Индской компанией в 1652 году в Столовой бухте близ мыса Доброй Надежды.

Канал Двух Морей (Лангедокский, Южный канал) общей протяженностью 242 километра, шириной более десяти метров и глубиной два метра, соединивший порт Бордо на Атлантическом океане с портом Сет на Средиземном море, начал строиться в 1661 году и был торжественно открыт в 1681-м.

Чья страна, того и вера (лат.).

Капитул — совет духовных лиц при епископской кафедре.

Антуан Номпар де Комон граф (потом герцог) де Лозен (1632–1723) — капитан гвардейцев (1669), генерал-лейтенант (1670), губернатор Берри (1671); впал в немилость у госпожи де Монтеспан, был арестован (1671) и посажен в крепость Пиньероль; освобожденный усилиями Великой мадемуазель (1680), вступил с ней в тайный брак (1681); в награду за услуги, оказанные английскому королю Якову II во время «Славной революции» (1688), возвращен к французскому двору и получил титул герцога (1692).

Жан Батист Кольбер маркиз де Торси (1665–1746) — французский дипломат, сын дипломата Шарля Кольбера маркиза де Круаси, младшего брата первого министра Людовика XIV.

Анн Илларион граф де Турвиль (1642–1701) — французский адмирал, в описываемое время — главнокомандующий флотом, действовавшим против соединенных сил Англии, Испании и Голландии.

Никола де Катина (1637–1712) — французский маршал.

«Оффисье», владельцы проданных им королем должностей, полагали, что эта привилегия дает им право на принятие решений в отношении государственных дел. (Прим. авт.)

Капер, корсар (нем. Карег, фр. corsaire) — частное лицо, с разрешения верховной власти воюющего государства снаряжавшее за свой счет судно для захвата купеческих кораблей неприятеля.

Холода 1709 года французы назвали Великой зимой, а англичане — Великим морозом.

Квиетизм (от лат. *quietus* — спокойный, безмятежный) — религиозное течение в католицизме, проповедующее созерцательное отношение к миру, пассивность, спокойствие души, полное подчинение божественной воле, безразличие к добру и злу, к раю и аду.

Варнавиты — возникший в Милане (1530) монашеский орден, получивший название от отданного ему во владение храма Святого Варнавы; первоначально главной своей задачей считали духовное обновление общества и проповедь Евангелия, в XVII столетии занимались образованием детей и юношества, организацией приютов для сирот.

Тереза Авильская (1515–1582) — католическая святая, испанская монахиня-кармелитка, автор мистических сочинений, создатель орденской ветви «босоногих кармелиток». Хуан де ла Крус (настоящее имя Хуан де Йепес Альварес) (1542–1591) — католический святой, монах, писатель и поэт-мистик, сторонник реформирования ордена кармелитов, инициированного Терезой Авильской. Франциск Сальский (1567–1622) — католический святой, епископ Женевы, основатель конгрегации визитандинок (Ордена посещения пресвятой Девой Марией Елизаветы), автор трудов о духовной жизни, в том числе «Введения в благочестивую жизнь». Жанна Франсуаза Фремель-баронесса де Шанталь (1572–1641) — католическая святая, основательница ордена визитанток, сподвижница Франциска Сальского.

Олерон — остров в Бискайском заливе Атлантического океана у западного побережья Франции к югу от Ла-Рошели. Лурд — город с замком XIV–XV веков, расположенный на юго-западе Франции, в предгорьях Пиренеев, близ границы с Испанией.

Сен-Сир — усадьба неподалеку от Версальского дворца, в которой разместился (1686) основанный маркизой де Ментенон Королевский дом Людовика Святого — пансион для дочерей бедных дворян, где воспитывались в католическом духе 250 воспитанниц в возрасте от семи до двенадцати лет, дворянки не менее чем в четвертом поколении, отобранные лично королем.

Великой войной называли в Англии и Франции Первую мировую войну (1914–1918); последнее название утвердилось только после начала Второй мировой войны (1939).

Вероятно, здесь содержится намек на комедию Мольера «Мнимый больной» (1673), герой которой Арган, одержимый заботой о собственном здоровье, готов был принимать десяток лекарств и ставить до двадцати клистиров в месяц.

Пенсионарий (отлат. pensio — вес, влияние) — одно из высших должностных лиц в провинциях Нидерландов в XV–XVIII веках. Особое значение имел пенсионарий провинции Голландия, или Великий пенсионарий, избиравшийся из наиболее видных представителей купеческой олигархии: он замещал штатгальтера, представлял провинцию в Генеральных штатах, руководил внешней политикой. Антоний Гейнзиус (1641–1720) стал Великим пенсионарием (1702) при поддержке Вильгельма Оранского.

Пондишери (Путгучерри) — бывшая французская колония с одноименным городом, основанным в 1674 году на побережье Бенгальского залива на юго-востоке полуострова Индостан, с 1954 года — союзная территория Индии.

Вот что он пишет в предисловии к своим «Мемуарам принца Евгения Савойского, написанным им самим» (Веймар, 1809): «Некоторые историки, хорошие или дурные, возможно, дадут себе труд в подробностях описать мою молодость, о которой я сам мало что помню. Они наверняка расскажут о моей матери, действительно склонной к интригам, удаленной от двора, изгнанной из Парижа и подозреваемой, полагаю, в колдовстве людьми, которые ни в колдовстве, ни в чем бы то ни было еще не знали толку. Они расскажут о моем рождении во Франции и о том, как я покинул эту страну, до глубины души оскорбленный Людовиком XIV, который отказался дать мне кавалерийскую роту, сославшись на мое слабое сложение; а аббатство он отказался мне дать (поверив дурным слухам и версальским сплетням), заявив, что мне больше пристали светские удовольствия, чем служение Церкви. Ни один гугенот, изгнанный из страны после отмены Нантского эдикта, не питает к нему больше ненависти, чем я... А потому, когда Лувуа, узнав о моем отъезде, сказал: "Тем лучше, он больше никогда не вернется в эту страну", — я дал себе клятву вернуться, но лишь с оружием в руках. Я сдержал свое слово». (Прим. авт.)

Клод Луи Эктор герцог де Виллар (1653–1734) — знаменитый французский полководец, маршал (1702).

Эрцгерцог Карл (1685–1740) — второй сын императора Леопольда I; после пресечения со смертью Карла II (1700) ветви испанских Габсбургов был провозглашен в Вене Карлом III Испанским (1703); впоследствии стал императором Священной Римской империи Карлом VI (1711).

Камиль д'Отен де ла Бом герцог де Таллар (1652–1728) — маршал Франции (1702).

Камизары (от прованс. *camiso* — рубашка) — участники восстания в провинции Лангедок в Южной Франции (1702–1705), ставшего ответом на меры правительства и католической церкви против кальвинистов; их отличительным знаком были белые рубашки, надетые поверх обычной одежды.

Самюэль Бернар граф де Кубер (1651–1739) — богатейший французский финансист во времена Людовика XIV, чье состояние превышало 30 миллионов ливров.

После смерти Марии II Стюарт (1694) и ее мужа Вильгельма III Оранского (1702) королевой стала другая дочь Якова II, Анна II, при этом ее брат Джеймс Френсис Эдуард (1688–1766), именуемый его сторонниками Яковом III, жил в эмиграции, поскольку, согласно акту о престолонаследии, принятому английским парламентом (1701), королем мог быть только протестант.

Клод де Форбен (1656–1733) — французский моряк, сподвижник Жана Бара, вместе с которым бежал из английского плена; во время Войны за испанское наследство крейсировал в Адриатическом и Северном морях, подорвал английскую и голландскую торговлю, захватив или уничтожив около 180 кораблей противника, за что получил от Людовика XIV графский титул.

Провинциал — здесь: духовное лицо, возглавляющее монастыри определенного ордена в церковном округе.

Диатриба (отгреч. *diatribe* — раздавить, разрушить) — резкая, придирчивая критика.

Марк Юний Брут Цепион (85–42 годы до н. э.) римский сенатор, один из убийц Гая Юлия Цезаря (44 год до н. э.). Франсуа Равальяк (1578–1610) — католик-экстремист, заколовший короля Франции Генриха IV.

Жан Батист Дюкасс (1646–1715) — французский моряк, губернатор колонии Санто-Доминго на Гаити (1691–1697), впоследствии адмирал королевского военного флота.

Капитация (от лат. caput — голова) — поголовный (подушный) налог.

Джеймс Стэнхоп, первый граф Честерфилд (1673–1721) — главнокомандующий английскими войсками в Испании (1708), дипломат, премьер-министр Великобритании (1717).

Шарлотта Элеонора Мадлена де ла Мот-Уданкур герцогиня де Вантадур (1651–1744) — фрейлина герцогини Орлеанской (1684), воспитательница сыновей герцога Бургундского.

Сомма — река в Северной Франции и одноименный департамент.

Минимы (от лат. *minimi* — наименьшие) — католический нищенствующий монашеский орден, основанный в XV веке. Аббатство Сито (Цистерциум) — основанное в 1098 году аббатство, родоначальник монашеского ордена цистерцианцев, отделившегося от бенедиктинцев; его члены носили белое одеяние с черным капюшоном и считали физический труд условием монашеского служения.

Будущая королевская фаворитка вышла замуж (1663) за Луи Анри де Пардайяна де Гондрена маркиза де Монтеспана (1640–1701).

Имеется в виду герой «Песни о Роланде» — старофранцузской эпической поэмы, впервые записанной в XII веке и рассказывающей о гибели отряда войска Карла Великого, возвращавшегося в 778 году из похода в Испанию.